

МАМА ИЛИ ДЕТСКИЙ САД

Л. А. НИКИТИНА

„Просвещение"

Л.А. НИКИТИНА

МАМА ИЛИ ДЕТСКИЙ САД

МАМА ИЛИ ДЕТСКИЙ САД

МАМА ИЛИ ДЕТСКИЙ САД

КНИГА ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ДЕТСКОГО САДА
И РОДИТЕЛЕЙ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1990

ББК 74.105
Н62

Никитина Л. А.
Н62 Мама и детский сад: Кн. для воспитателей дет. сада и родителей.— М.: Просвещение, 1990.—93 с.— ISBN 5-09-002916-4

Книга написана в форме размышления автора о роли матери в семейном воспитании, о сотрудничестве семьи и детского сада, о путях совершенствования работы дошкольных учреждений. В книге широко использованы дневниковые записи Л. А. Никитиной.

Книга адресована воспитателям детских садов и родителям. Она будет интересна широкому кругу читателей.

$Н \frac{4305000000-534}{103(03)-90}$ 72—90 **ББК 74.105**

ISBN 5-09-002916-4

ОТ АВТОРА

В основу этой книги легла моя брошюра, которая вышла в издательстве «Знание» шесть лет назад, в 1983 году. Она называлась «Я учусь быть мамой» и была пронизана одной идеей: без матери, без семьи ребенку не вырасти полноценным человеком. Как раньше, так и сейчас я скептически отношусь к общественному дошкольному воспитанию. На вопрос, почему я не отдавала детей в детский сад, обычно отвечала что-нибудь вроде: «Я же им мать, а не мачеха!» Не представляю себе и теперь, как можно отдать ребенка на целый день в чужие руки, в чужие стены: ведь это значит неизбежно отдалить его от себя, сделать непонятным и непонимающим — чужим.

Эта мысль осталась главной в этой книге. Однако с тех пор столько событий произошло в нашем обществе, от стольких иллюзий пришлось избавиться, что невольно начинаешь более трезво относиться ко многим реалиям жизни. Став бабушкой и поближе присмотревшись к трудностям современной молодой (даже благополучной!) семьи, я постепенно пришла к выводу, который еще лет десять назад ужаснул бы меня: без детского сада современным родителям, и особенно современной матери, не обойтись. Но только без другого детского сада!

Почему «не обойтись», какого «другого» и как, не переставая быть скептиком, я становлюсь сторонницей детского сада, я расскажу в заключительной части книги.

КАКАЯ МАМА НУЖНА?

«ЗАЧЕМ ДЕТЯМ НУЖНА МАМА?»

Читаю любую книгу или брошюру для начинающих матерей и не перестаю удивляться: как много внимания уделяется в них обслуживающему труду матери! Все расписано по минутам, причем рекомендации большей частью категоричны: обязательно кипятить, обязательно обмыть, протереть, проветрить, тем-то и тогда-то кормить, купать и т. д. и т. п. На это уходит все время не только матери, но и всех окружающих ребенка взрослых. Некогда подумать, понаблюдать; общение с малышом примитивно и однообразно, как, впрочем, и рекомендации на этот счет. Но хуже всего то, что дети растут, а материнский труд нередко все так же сводится к обслуживанию своих детей, к безотказному обеспечению их всеми благами жизни — вплоть до служебной карьеры и удачной женитьбы. И родительская радость заключается в удовольствии видеть свое дитя ухоженным, накормленным, одетым и «продвинутым» лучше «разных прочих». Какая же уйма времени и сил уходит на это! И какой же незавидный получается результат...

Получила я как-то раз письмо: «Возможно, вы даже несколько причастны к тому, что у меня четвертый малыш... Когда я носила второго, каждый прохожий считал своим долгом предостеречь и объяснить, что это огромная глупость. И вот — четвертый. Дело в том, что еще в школьные годы я увидела телефильм о вашей семье... Очень завидовала вашим детям. Решила тогда: когда у меня будут дети, пусть их будет много. Тогда у каждого из них будет товарищ для любой игры, любого дела. И скучно нам не будет...

Но оказалось все не так. Оказалось, что главное — заставить поесть, научиться готовить, наводить и поддерживать порядок, укладывать спать (от одного до четырех часов тратится на это по вечерам!) ...Когда вдруг появляется свободное время, то непонятно, что с ним делать... Я не понимаю детей, не могу войти с ними в душевный контакт, не знаю, о чем и как можно с ними разговаривать...» Вот горе-то: «Я не понимаю детей»! И все потому, что главным стало: заставить поесть, навести порядок, уложить спать...

Допустим, матерям будут предоставлены сказочные льготы: например, работать полдня при полной зарплате, а в детских садах будут увеличены штаты, материальное благосостояние возрастет — все это осуществимо, кажется, к этому идем. Но вот вопрос: как будут использованы эти высвободившиеся средства и время? Будут ли они отданы детям? Если да, то *как*, *на что* они будут употреблены? Не выльется ли это прибавление времени и средств в более

старательное обслуживание и только? Это страшно, потому что и детям, и самим матерям в жизни нужно совсем-совсем другое. О матерях я еще расскажу, а откуда мне знать, чего ждут от нас дети? Да от них же самих.

Прочтите «молитву», которую сочинила наша тринадцатилетняя дочь, когда я заболела. Привожу ее не всю — она шутливо-пародийна и касается лично моих качеств. Вот отрывок, поразивший меня серьезностью и глубиной заключенных в нем мыслей: «Господи! Господи! Господи! Верни здоровье матери матерей и отцов будущего... Будь милосерден! Верни здоровье матери, знающей все языки мира, ибо она знает язык детства!»

Дочка мне польстила: язык детства я еще только старалась постичь, но она как бы подсказала мне, что это-то и есть самое главное в матери. А через три года именно ее я попросила ответить на вопрос, который и меня саму мучил: «Зачем детям нужна мама?» Вы думаете, что на него легко ответить? Попробуйте. Я отвечаю на него всю жизнь.

Мне захотелось взглянуть на проблему и с «детской» стороны.

Я получила от дочери несколько исписанных листков, в которых неожиданно обнаружила много интересного и поучительного для нас, взрослых. Воспроизвожу заметки полностью, не изменяя их конспективный стиль. По ходу выскажу и свои мысли: от этого просто невозможно удержаться!

> Итак: «Зачем детям нужна мама? Действительно, зачем? И смотря **какая** мама! (Здесь и далее следуют подчеркивания автора заметок.) Каждый человек (независимо от возраста) должен знать, что есть существо, любящее его и принимающее его **таким, какой он есть.** Вот это принятие **таким, какой он есть,**— самое главное в матери».

Главное-то (дважды сказано и подчеркнуто!), оказывается, не всякая любовь, а любовь-понимание, проникновение в суть, доверие, т. е. принятие своеобразия и неповторимости растущего человека — без подчинения его намерениям взрослого.

> «Мать, говорящая: «Я не хочу с тобой говорить», отталкивающая свое дитя, убивает в нем сына или дочь, **в себе — мать.**
> Самая главная обязанность матери — понимать. Мать, не понимающая своего ребенка,— это трагедия. Должно быть (видимо) в раннем детстве: мать для ребенка — спасение, защитник, **мать — утешение.** В более старшем: мать — советчик, наставник, **мать — утешение.** В зрелости: мать — друг, **мать — утешение.** Должен быть человек, у которого на груди можно плакать и в пять лет, и в пятьдесят».

Заметьте: мать — не судья, определяющий, что хорошо, что плохо, не пример для подражания, т. е. не какой-то жизненный эталон — оказывается, не этого ждут от нас дети! Признаюсь, меня это поначалу очень смутило: я всегда была убеждена, что нравственное влияние матери на ребенка зависит главным образом от ее собственного морального облика и ее оценок, ориентирующих ребенка в окружающем мире. А здесь об этом даже не упомянуто. Не требует ребенок от матери ни особого совершенства, ни какого бы то ни было превосходства над окружающими. Зато жаждет утешения, сочувствия, сострадания, соразмышления — содействия. Быть ВМЕСТЕ — вот чего он хочет! И я вспомнила, как в спектакле Ленинградского ТЮЗа «Дети, дети, дети...»

пронзительной нотой прозвучал маленький рассказ-воспоминание одной актрисы. Ее мать была воспитателем детского сада и как-то взяла дочку с собой на работу, но, чтобы не смущать детей, попросила называть ее в группе по имени и отчеству — как все дети. Весь день девочка была, «как все». Но когда они с мамой, возвращаясь домой, остались одни, девочка бросилась матери на шею: «Мамочка, как я по тебе соскучилась!» Они были целый день рядом, но НЕ ВМЕСТЕ! Согласитесь, что это не так уж редко бывает и в собственном доме.

Мать — утешение... Но для этого мать должна быть сильной. Или это необязательно? В конце концов, «выплакаться» можно и у подруги на плече, и просто сочувствующему попутчику в вагоне...

> «В любом возрасте между ребенком и матерью остается невидимая граница: **превосходство** матери над своим ребенком. Это не должны чувствовать ни тот ни другой. Это, быть может, и опыт, и умение понять и принять, и это способность к утешению...»

А-а-а... Значит, превосходство все-таки нужно, но такое, которое не разъединяет, не отчуждает, не унижает — превосходство «опыта... умения... способностей», а не просто старшинства с его нравоучениями и морализированием. Значит, надо быть подлинно ведущим всю жизнь. Хоть и трудно, но надо — так я думала всегда, но...

> «Наверное, отношение к матери строится так (на протяжении всей жизни человека): восхищение — сомнение — недоверие — неприятие — осуждение — снисхождение — понимание — прощение — раскаяние — преклонение. Эта цепочка составлена наспех: ее нужно разработать. Не знаю, **должно ли** это так быть. Для всех ли это одинаково, или, может быть, разное — для сыновей и дочерей? Быть может, мать должна быть разной для мальчиков и девочек? Для мальчиков она должна быть и женщиной, т. е. слабой, а для девочек — иной, более сильной?»

К сожалению, мне никогда не приходило в голову, что отношение ребенка к матери может так меняться на протяжении жизни. Я и сама испытала нечто подобное, однако забылось, забылось... А надо помнить — тогда негативизм подростков, отчужденность взрослых детей воспримутся не как крушение, трагедия, а как болезнь роста и только...

> «Почему общественное воспитание не может заменить мать по крайней мере сейчас? Человек может любить кого-то **конкретно**, т. е. ограниченно — не тысячу людей и даже не сто, **одинаковой** материнской или сыновней любовью. Человек должен себя уметь «отпустить» и знать, где это можно сделать. В общественном воспитании ДОМА нет. Все время на людях. «Поплакаться» некому. Это давит на психику. Человек прячет свои переживания, приучается не обращать на них внимание, давит себя: «Коллектив — главное! Думай о коллективе!» Это крайность — и поэтому плохо. Человек должен знать, что он для кого-то НЕЗАМЕНИМ. А какая незаменяемость в общественном воспитании?!»

Снова и снова появляется эта мысль о незаменимости и незаменяемости в отношениях между близкими людьми. Может быть, в этой жажде незаменимости лежит сознание неповторимости своей личности, чувства человеческого достоинства, невозможности, немыслимости предательства друзей, измены самому себе — этим изначальным нравственным основам человека.

Как же, оказывается, нашим детям не хватает личных, глубоко индивидуальных контактов с близкими людьми, не хватает избирательной, заинтересованной любви, тонкости и богатства эмоционального общения! Именно в общении маленький человек получает первые уроки нравственности.

РАЗГОВОР О СОВЕСТИ

Дело было лет пятнадцать назад. Решили мы с ребятами определить (не заглядывая в словари!), что такое с о в е с т ь. Трудная оказалась задача. Предлагали и то, и иное определение, наконец согласились, что «совесть — это умение почувствовать, хорошо ты делаешь или плохо».

— Чтоб всем было хорошо,— добавил кто-то из девочек,— а кто плохо другим делает, тот, значит, бессовестный.

— А если он думает, что делает хорошо, а выходит плохо, тогда как? — спросила Оля.

Этот вопрос всех озадачил, меня — тоже.

— В том-то и дело,— вдруг сказал Алеша,— что у каждого с в о я совесть, она может не соответствовать общепринятым критериям.

— Как,— удивилась я,— что же это за совесть, которая только сама с собой и считается? Тут что-то не то!

— Нет, то! — загорячился Алеша.— Именно только с собой и считается. Совесть — это соотнесение своих поступков со с в о и м нравственным эталоном, вот и все. Со с в о и м, понимаешь?..

Дальнейшие его рассуждения запомнились мне надолго, заставили о многом подумать.

Он говорил, что хороша была бы совесть, если бы она была способна на «виляние под влиянием». Тут все дело в том, как и когда она закладывается в человеке, почему так стойка. Ребенок приобретает свои нравственные критерии тогда, когда еще ничего н е п о н и м а е т, но воспринимает все на эмоциональном, подсознательном уровне — как бы впитывает с молоком матери ее нравственные оценки. Это и становится его совестью — на всю последующую жизнь!

Помню, я возражала ему: «Что же, по-твоему, в дальнейшей жизни этот первоначальный критерий не меняется?» Он ответил, что хоть и меняется, но очень трудно: это не подконтрольно разуму, совестью нельзя у п р а в л я т ь. Это она управляет, а не ею. Вот говорят: «Совесть мучает». А что это такое? Человек получает н е у д о в о л ь с т в и е от каких-то своих поступков, испытывает душевный дискомфорт, хотя может и не знать отчего. Понимание, осознание приходит позже — вот в чем дело! Как это важно, чтобы ребенок с самого начала был окружен не просто любящими, но добрыми, умными людьми. А глупая, в том числе жертвенная, любовь страшна: она породит потребителя, эгоистичного и завистливого. Он родную мать, которая его всю жизнь ублажала, когда-нибудь сдаст в дом престарелых, и совесть его будет молчать!

Вспомнили мы старинную притчу о материнском сердце. Раньше она всегда возбуждала во мне чувство благоговения перед великой силой материнской любви. Напомню ее вкратце.

Влюбился юноша в прекрасную девушку и просил ее руки. Жестокая красавица согласилась стать его женой только при условии, что в доказательство своей любви он принесет ей сердце матери. И вот несет юноша материнское сердце в ладонях, но спотыкается, падает и роняет его на землю. И вдруг слышит: «Не ушибся ли ты, сынок?»

Когда мы вспомнили эту притчу после Алешиных слов, вдруг дошел до меня и до всех нас совсем иной ее смысл: да ведь такой сын, способный на самое страшное преступление ради своей прихоти, мог быть только у такой матери, которая готова пожертвовать всем, оправдать все, лишь бы сыну было хорошо. Потому его совесть и позволила совершить такое ужасное злодеяние.

Наш разговор несколько увел нас от общепринятого определения совести, но заставил подумать о том, как рано закладываются в человеке основы для формирования его личности.

Конечно, для нормального детства как минимум нужна нормальная семья — для меня это аксиома. Другие считают, что специалисты в общественных воспитательных учреждениях дадут детям куда больше, чем любые матери. Но вот какое наблюдение меня поразило: у истоков каждой незаурядной личности стоит семья и, как правило, мать. По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни одного противоположного факта. И напротив, я не знаю ни одного выдающегося, известного миру человека, который был бы с младенчества воспитан пусть даже самым выдающимся педагогом, но вне семьи. Не странно ли: обыкновенные матери могут больше дать своему ребенку, чем знаменитые педагоги! А странного тут ничего нет: это чудо рождается любовью и вниманием тех, кто рядом с малышом с первого дня его жизни. Как же много от них зависит!

Обратите внимание: ребенок только появился на свет, а сразу начинает налаживать контакты с окружающим миром — плакать, например, когда мокро. Его не берут на руки («Ничего, пусть поплачет!») — он заливается слезами. До-о-олго. Наконец взяли на руки, сменили пеленку. Мама рядом — какое блаженство! Малыш замолкает, удовлетворенный, а тут его опять кладут в коляску. Ну и логика у этих взрослых: за крик — наслаждение, за молчание — неудовольствие. Ну так получайте крик! Это первые, самые первые шаги ребенка и взрослых к будущему взаимопониманию или непониманию. Если и дальше так пойдет, а взрослые вовремя не спохватятся — получайте капризы, неврозы, озлобленность, скрытность, лживость. Только не говорите, что он такой уродился.

Итак, с самого начала мы, взрослые, направляем поведение, развитие, психику ребенка, передаем ему свои нравственные критерии, представления о жизни.

Я говорю «мы», но если этих «нас» много, неизбежен, как правило, разнобой. А если ребенку достается одна тридцатая замотанной няни в яслях или детском саду — что же он получит от такого «общения», кроме сухих штанишек?

Вот почему нужна малышу мать, с ее глубоко индивидуальной любовью, с ее возможностью и тонкой способностью с самого начала наблюдать первые

пробы и шаги своего ребенка на долгом-долгом пути становления Человека, с ее неистощимым терпением и великим умением радоваться каждому, даже крохотному его успеху, чувствовать его боль. А при этом неизбежно оценивать все его проявления и тем самым ориентировать его в жизни. Но для этого самой матери какой надо быть!

Реакция матери мгновенна, чаще всего интуитивна; о вычитанном и услышанном вспоминать некогда — как чувствуешь, так и делаешь. Ошибаешься, конечно, особенно в самом начале, но, если переживешь и осмыслишь ошибку, прибавится опыт. Матери надо, по выражению Марка Твена, «самозатачиваться» всю жизнь, но при этом КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ...

Но закончу я эту важнейшую мысль только в последней главе книги — просто потому, что там она прозвучит убедительнее: сама я пришла к ней после всего того, о чем вам еще предстоит прочитать. Впрочем, матери меня поняли бы сразу, а вот отцы, дедушки и даже бабушки, а также ученые и руководители всех рангов, от которых зависит будущее наших детей, почему-то с трудом постигают очевидное. Попробую их убедить.

С ЧЕГО Я НАЧИНАЛА

МОЙ ОТЧИЙ ДОМ

Мне всегда казалось, что к материнству, да и вообще к семейной жизни я была подготовлена неважно. Судите сами.

Во-первых, моя эрудиция в области педагогики была до обидного скудна, несмотря на педагогическое образование. Богатства, заключенные в трудах великих педагогов прошлого и настоящего, были когда-то «пройдены», но моими не стали.

Во-вторых, для меня и практика сводилась всего лишь к четырехлетнему стажу работы со старшеклассниками. Я ничего — буквально ничего! — не знала о младенческом и вообще о дошкольном возрасте. До 29 лет я ни разу не только не держала, но даже и не видела развернутого младенца. Мои представления о народных воспитательных приемах и обычаях, кажется, ограничивались «Ладушками», «Сорокой-воровкой» и рассказами бабушки о том, что «за столом ни гу-гу, а то ложкой по лбу». Небогато, как видите.

Как довольно скоро выяснилось, не был обременен всеми этими знаниями и мой супруг, и нам в семье многое пришлось постигать с азов, методом проб и ошибок, открывать не только новое, но и давно известное. Плохо, конечно, но нет худа без добра: приобретение чужого опыта ДО своего, усвоение великих мыслей тогда, когда собственная мысль еще ни над чем не побилась, не помучилась, направляют твою жизнь в колею указанной кем-то дороги. Ехать, конечно, легче — ровней, приятней, надежней, но... Как бы это объяснить? Когда сам идешь, да еще по буеракам, по бездорожью, каждую пядь буквально отвоевывая у пространства, все в тебе напряжено: и мышцы, и мысли, и чувства — и ты постигаешь закономерности жизни не готовыми формулами, а всем существом своим, каждой клеточкой тела. Тогда и ошибка — урок и просчет учит, а удача окрыляет, делает увереннее, крепче. На этом пути ждут открытия, радость творчества и «вечный бой»... Наша родительская доля складывалась именно так, и мы постепенно уверовали в то, что все в семье, от фундамента до крыши, мы построили сами, начиная чуть ли не с нуля.

Однажды нам пришлось выступать перед большой аудиторией. Мы подробно рассказывали о нашем «нетрадиционном опыте воспитания» (так и значилось в афише) и отвечали на многочисленные вопросы. В одной из записок нас спрашивали: «А вас самих тоже так воспитывали? Что вы взяли в семью из собственного детства?» Мы переглянулись, засмеялись, и я сказала в микрофон:

— Нет, конечно, нас воспитывали совсем не так, мы ничего не могли взять из нашего детства: оно у нас было обычным, ничем от остальных детей в общем-то не отличающимся.

Как стыдно мне сейчас за этот ответ! Как хотелось бы вернуть тот вечер, увидеть тех людей, которые тогда почему-то одобрительно зааплодировали нам, и остановить их, и вернуть свои слова назад, и вспомнить, вспомнить, что же мы взяли в жизнь из нашего начала и не могли не передать своим детям.

Есть в нашем поселке улочка — каждый раз я иду по ней с замиранием сердца, а подходя к одному дому, испытываю такое неизъяснимое смятение, что боюсь смотреть на него. Это улица и дом моего детства. Правда, от того — нашего — дома осталась только малая часть, остальное перестроено, и живут там уже другие люди, но вот же он, вот! Могу даже подойти и потрогать его деревянные морщины... Когда я осмеливаюсь на это, во мне обрывается что-то и делается сладко и больно. Я мгновенно переношусь в детство и чувствую себя той стриженой босоногой девчонкой, у которой все потери и приобретения в жизни пока еще соизмеримы со слезами из-за пропавшего мячика и с ликованием по поводу выигранной партии в лапту.

Детские слезы, детские радости — что за дело мне до них сейчас в моей хлопотной взрослой жизни? В ней давно уже другие мерки для радостей и печалей. А вот чувствую, знаю: не было бы памяти о них — насколько труднее стало бы мне жить на свете. Держась за эту светлую тонкую ниточку, которая связывает меня с детством, я чувствую уверенность и защищенность, совсем такую же, как когда-то, когда бежала рядом с отцом, крепко ухватившись за его большую, сильную, добрую руку. Что за волшебная сила у этой ниточки? Почему она так надежно ведет меня по жизни?

Вот он, мой «родительский дом, начало начал»...— обыкновенный, серый от времени сруб, огромная (как мне тогда казалось) терраса, высокие липы под окнами... Множество людей: родни, соседей, знакомых, малознакомых. Вечно занятая мама, торопящаяся с грудой тетрадей то в школу, то из школы. Отец, приезжающий поздно вечером (он работает в своей комнатке даже по выходным). Мы, дети, твердо знаем: у них главная жизнь где-то там, за стенами нашего дома. Она приходит к нам вот с этими кипами школьных тетрадей, мамиными коллегами-учителями, с учениками из всех маминых классов, о которых мы знаем по ее рассказам. Она, эта взрослая жизнь, притягивает нас таинственными чертежами на столе отца и трудными книгами, которые отец одолевает медленно, но упорно.

— Что, интересно, курносая? — спрашивает он меня, притихшую от почтения перед непонятными значками.— Погоди, подрастешь — разберешься. А пока поточи-ка мне карандаш.

Я испытываю необыкновенную гордость: эту ответственную операцию папа доверял только старшему брату и вдруг — мне! Я очень стараюсь: довожу кончик длинного грифеля до острия иглы, не дышу — не сломать бы! Наконец отдаю карандаш папе. Он осматривает его придирчиво, не торопясь:

— А знаешь, неплохо получилось для первого раза. Так и быть, бери линейку и проведи мне здесь одну линию. Сумеешь?..

Счастье, испытанное тогда, греет меня и сейчас.

А первые уколы совести — как памятны они! Пустяк ведь — съела пряник по дороге из магазина и... соврала, что не ела. Зачем соврала, не знаю. Думаю, мама догадалась обо всем, но не упрекнула, словно поверила мне, мне — обманувшей! Ох, было бы лучше, если б мой обман открылся! Первый раз я осмелилась рассказать об этом, когда стала взрослой, а стыд от этого маленького бесчестья несу всю жизнь.

Жила семья трудно, едва сводя концы с концами, но я не помню озабоченности родителей по этому поводу. Помню другое: большая карта Испании у папы в кабинете, его напряженное лицо, красные маленькие флажки, которые мы вместе с ним передвигаем по линии фронта — главнее этого сейчас ничего нет. Там решается судьба мира, человечества — что по сравнению с этим какие-то другие заботы!

И вот 1941-й. Война. Отца направили в Златоуст — на пост начальника военной школы. Но он ехать туда отказался — пошел на фронт в саперные войска. Мы, дети, узнали об этом два года спустя от мамы. Это был последний — посмертный — его урок нам, уже подросшим детям.

Мы росли. Из того же дома, откуда ушел на фронт отец, мы уходили в школу, в институты, на целину — в жизнь. А мама, как все матери в мире, провожала нас и встречала. Все тяготы жизни не согнули ее: по-прежнему подтянутая, строгая, она входила по утрам в класс.

Эти отцовские и материнские уроки, а в них требовательная и бесконечная любовь к нам — единственное наследство, с которым мы, их дети, вышли в жизнь. И бесценнее этого дара я ничего не знаю. Сколько раз жизнь ставила передо мной свои каверзные вопросы и подсказывала соблазнительные к ним решения. Бывало, запутывалась, залезала в дебри. Но звенел в душе тревожный колокольчик совести, и я снова находила единственно верный — человеческий — путь.

Теперь-то я понимаю: без этого «начала начал» я просто не состоялась бы как мать.

ДЕВОЧКИ ПРЕДВОЕННОЙ ПОРЫ

Я всматриваюсь, вдумываюсь в ту себя, далекую, и удивляюсь: многие мои материнские беды и победы зарождались именно там, в начале моей жизни.

Тогда я, разумеется, попросту и не думала о будущих детях. Правда, было один раз: в пику взрослым, утверждавшим, что много детей — обуза, я, еще девчонка совсем, похвасталась: «А у меня будет пятеро!» В ответ — громкий смех: «Ты одного сначала попробуй!» Обидно было до слез. Детская эта обида не забывалась долго. Я растравляла себя такими, например, горестными мыслями: «Ну что хорошего: один брат, да и то старший, поиграть не с кем. Вот была бы у меня сестренка...» Или: «Ленка — в магазин, Ленка — за картошкой, Ленка — за водой, все я да я. А вот было бы нас трое или четверо...»

В общем я подходила тогда к вопросу о многодетности с позиции собственной выгоды: побольше поиграть, поменьше поработать. Рассматривать эту проблему с точки зрения усталой, работающей в две смены мамы мне и в голову как-то не приходило.

Как и многие мои сверстницы, девочки предвоенной поры, я мало чем отличалась от мальчишек и повадками, и мечтами. И хоть слыла основательной

плаксой — ревела из-за пустяковых обид,— синяки и царапины у меня слез не вышибали и своим голоногим приятелям я старалась не уступать ни в чем. Ни в дочки-матери, ни в куклы играть не любила, да и не было у меня кукол, кроме одной, кем-то подаренной и тут же заброшенной. Училась я охотно и легко, и тут ежесекундно утверждая свое равноправие с мальчишками и втайне завидуя им: мне не хотелось быть слабым полом, приспособленным лишь к домашнему хозяйству. Да по правде говоря, меня к нему не очень-то и приохочивали, а сама я, разумеется, находила куда более интересные занятия: в доме было много книг, конструкторы, мозаика, игрушки, во дворе всегда шумно от ребячьих игр, а мне всего-то навсего десять лет.

— Ну и какая же здесь заявка на будущее? — спросите вы.— Что в этой полудевчонке-полумальчишке от будущей многодетной матери?

— О, в ней моя суть, да-да, никак не меньше! В это трудно поверить, но это так.

Именно тогда в дружбе-соперничестве с мальчишками я приобрела стойкий — на всю жизнь — иммунитет против многих женских недостатков: жеманства, завистливости, пристрастия к вещам, тряпкам, внешней косметике, искусственности вообще. Искренность в отношениях, открытость и незлопамятность — этому я научилась у мальчишек. Как мне потом пригодилось все это в общении с детьми!

Однако и многих подлинно женских достоинств я сильно недополучила: мягкости, ласковости, податливости и доброты мне явно не хватало. Как трудно было приобретать все это позже, буквально вынашивать под сердцем вместе с собственными детьми. Живи я без детей — не прибавилось бы всего этого во мне, а наверняка еще и поубавилось бы.

Так в нас, девочках, подобных мне, уже тогда зрела будущая «мужественная женственность», которая, осуществляя свое равноправие и не желая быть слабой, ломала самое себя, училась брать на себя все тяготы жизни и не просить помощи, быть независимой, гордой, самостоятельной, надеяться только на свои силы и ни в чем мужчинам не уступать. Разве мы могли тогда догадываться о том, что, расставаясь со своей слабостью, мы теряли свою силу? И разве могли мы представить, сколько еще из-за этого предстоит потерять и нам, и детям?

Впрочем, о детях как-то и не думалось. Мы вступали в юность с мечтой: «Пускай прославятся среди героев наши имена...». Главным для многих из нас было дело, которому мы готовились отдать все свои молодые силы.

Теперь много страшной правды узнали мы о тех годах. Камнем легло это на душу — ужасом бессмысленных жертв, горечью растоптанного доверия, стыдом за свое благополучное «святое» неведение и позором пусть косвенного, но участия в том, что делалось у нас в стране. Как снять этот камень с без вины виноватых? Не знаю. Но то, о чем пишу, тоже правда: многие и многие люди, не ведая, что творится за их спинами, жили тогда трудной и честной жизнью. Я пишу о таких.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЧЕК ПРО ЛЮБОВЬ

Вписывалась в наши девичьи мечты и будущая любовь — «на всю жизнь», и семья — не тихой гаванью с «грошовым уютом», а содружеством в деле. Эти возвышенные романтические мечты уберегали нас от легкомыслия и призем-

ленности в отношениях с мальчишками: «Умри, но не давай поцелуя без любви» — это было сказано про нас.

Сама я была бескомпромиссна во всех этих вопросах и своих надеждах: я ждала любви огромной, а не крошечной — все или ничего! Мое «мальчишеское» детство подарило мне мальчишескую же грубоватость, бесхитростность и мучительную застенчивость в проявлении чувства. Кокетничать я не умела: это казалось мне нечестным, стараться понравиться не хотела: это было для меня унизительным. На школьных вечерах я была либо среди дежурных, либо среди зрителей. И никто, ни один человек в мире, не догадывался, что мне... нравился один мальчишка из нашего класса. Самое большее, на что я осмеливалась,— это украдкой посмотреть ему вслед. А когда он отвечал у доски, я не могла на него взглянуть: боялась, что покраснею.

Святое чувство — дай бог испытать каждому это первое прикосновение к душе другого человека, проникновение в его мир, вчувствование в его чувства через восторг маленьких открытий, свершающихся каждый день: «Как смешно он оттопыривает губы, когда думает...» И я долго пытаюсь повторить губами это движение. «Ой, пуговица на рукаве едва держится...» — и целый урок сладко мучаюсь: «Сказать или не сказать?» Когда нас сталкивают друг с другом какие-нибудь школьные дела, мы оба теряемся до немоты, а потом исподволь ищем возможности как будто невзначай очутиться рядом.

Иногда я замечаю, что со мной ты быть не смеешь,
И глаза твои темнеют, на меня косясь чуть-чуть.
Ты не робкий, я ведь знаю, почему же ты робеешь
Посмотреть в глаза мне просто, руку честно протянуть...

Я бы умерла, наверное, если бы эти мои стихи попались ему на глаза...

Первая любовь моя так и осталась моей тайной. Я даже сейчас не могла бы признаться в ней тому, кто был ее причиной. Но какой же глубокий след оставила она у меня на всю жизнь, какой была великой школой чувств: в этих милых, трогательных пустяках шла громадной важности работа — постижение духовного мира другого человека и... узнавание себя.

Какое отношение имеет все это к моей будущей семье, к моим детям? Самое прямое, иначе моя откровенность была бы просто неуместна. Я решилась на рассказ о своей первой полудетской любви потому, что этот духовный этап в развитии отношений между двумя людьми представляется мне необыкновенно важным. Его нельзя миновать, если хочешь любви глубокой, а семьи — прочной. Это, разумеется, не открытие, поскольку известно людям давно. Время «ухаживания», обряды обручения и помолвки отражают стремление найти пару прежде всего по душе. И высокой поэзией («Душа ждала... кого-нибудь»), и немудреной песенкой («Полюби меня, моряк, душою...») людям молодым как бы внушалось: не торопись, приглядись, прислушайся и к себе, и к другому, прежде чем переступить черту.

А вот для чего это нужно, мне стало ясно сравнительно недавно. Этап духовного сближения, душевного приноравливания молодых людей друг к другу — это и есть главная подготовка их не только к дружной семейной жизни, но и к будущим родительским обязанностям в самой человеческой, самой ответственной их сути. Известно: чтобы дитя родить — «кому ума недоставало». Никакой особой физической и психической совместимости для этого не требуется:

природа нас всех в этом отношении унифицировала, как миллиарды миллиардов других живых существ. Ей что! Лишь бы побольше было. А нам — человечеству — этого мало. Нам нужны люди неповторимые, одухотворенные, непохожие друг на друга, прекрасные человеческие личности, счастье которых, как известно, совсем не в хлебе едином... Но они сами по себе не рождаются. И успех в этом великом деле зависит уже не от природы, а от тех, кто ведет каждого нового человека в жизнь, от гармонии их отношений, совместимости многих их сторон — от любви, связывающей их друг с другом. Но любовь бывает, как известно, разная — каждому своя.

Во многом это зависит, по-моему, от разного ожидания любви, как бы ее предтечи, определяющей не только продолжительность и глубину чувств, но и сам выбор любимого или любимой. Буквально что ждешь, то и получишь — только не ошибись! Диапазон этих ожиданий огромен. У меня своя шкала их оценки. На низших ее ступенях стоит примитивная тяга к запретному плоду, возбуждаемая ранней половой и поздней социальной зрелостью. Она часто заводит в тупик бездуховности и отрезает пути к высшим пластам человеческой любви, застревая на уровне так называемой «сексуальной озабоченности». Чтобы ее снять, достаточно партнера, тем же «озабоченного». Дети в эту «любовь» не вписываются никак. Тут они только помеха.

Где-то ближе к середине моей воображаемой шкалы стоит ожидание «законного» семейного счастья: с шумной свадьбой, уютной квартирой, материальной обеспеченностью, по возможности терпимыми отношениями и — что поделаешь? — с детьми!.. Нет, лучше с одним ребенком. В этом варианте возможна женитьба сразу с перспективой на развод («Поживем — увидим»), который сейчас все чаще обходится без трагедий и даже без слез. Ребенок? А что ребенок, при чем здесь ребенок? А если разлюбил (а)? И вообще: «Любовь свободна! Век кочуя, законов всех она сильней». Кочуя — понятно? Кармен можно, а мне нельзя? Отчего же — можно. Только вот дети... Ну, мы их в «теплые ладони страны» — выживут, не пропадут. А папы и мамы получают свою любовь, как и заслужили, мелкой разменной монетой и всю жизнь пребывают в уверенности, что любовь бывает только «в книгах» и «в кино».

Ну а что на вершине? Любовь Ромео и Джульетты? Божественное соединение двух жизней в одну судьбу и немыслимость существования одной без другой? Наверно, да. Ожидание такой любви прекрасно — недаром человечество благодарно хранит память о ней и создает о ней легенды. И все же, все же... не боги мы, а люди. Что богу даром дается, человеку трудом достается. Тем-то он и прекраснее всех богов и божьих избранников. Стою на том, что самая великая любовь — та, что создана, выстрадана, выпестована, пронесена и сохранена незапятнанной через все испытания жизни, та, что прошла по всем трудным дорогам рядом с тобой: и целовала морщины на твоем лице, и ласкала мозоли на твоих руках, и лечила раны твои, и воевала с тобой и с собой ради тебя, и прощала и защищала тебя, и даже без тебя продолжала дело твое, чтобы остался ты жить в памяти людей.

Есть в русском языке удивительное слово — целомудрие. Под этим словом понимают буквально девственность, непорочность, невинность. Иногда его считают почти синонимом неведению, неопытности, наивности. Однако словарь В. Даля дает определение, поразившее меня неожиданным глубоким смыслом: целомудрие есть здравомыслие, т. е. здоровый, не испорченный разными

изъянами душевный настрой, разум, не умеющий изворачиваться, ловчить, интриговать, поступать против чести и совести. Это неподкупность и непродажность. Целомудрие в любви имеет, по-моему, тот же великий нравственный смысл. Помните пушкинскую Татьяну? «Судьбу мою отныне я тебе вручаю...» Значит, доверяю тебе всю свою жизнь, и даже ее продолжение — в детях. Надеяться на такую любовь, искать ее, готовить себя к ней, не обмануться и не обмануть — вот в чем, по-моему, суть человеческого — целомудренного — ожидания любви.

В такой любви как без детей? И как без нее детям? Но это понимаешь позже, гораздо позже. А в начале, когда ее только ждешь...

Да что общие рассуждения. Коли уж начала, продолжу рассказ о себе.

Итак, я тоже ждала большой любви. Но вот дети... Как-то не вписывались они в мои представления о будущей жизни. Запомнились мне лишь два эпизода, связанные с этой неинтересной для меня темой.

В восьмом классе (мне — шестнадцать) мы одолеваем «Путешествие из Петербурга в Москву». Глава «Едрово» вызывает у меня недоумение: почему это Радищев так восторгается Анютой? Подумаешь — о ребенке она мечтает, геройство какое! И зачем было целую главу в такой книге ей посвящать? Тридцать лет спустя, когда мне пришлось перечитать полузабытые удивительные эти страницы, я восхитилась не только большой человечностью и добротой их автора, но и глубоким проникновением в суть социальных процессов, только зарождающихся на его глазах, но грозящих в будущем большими утратами для человечества. Но ведь это тридцать лет спустя! А тогда... Да что тогда, даже в институте в этом отношении я так и «не проснулась». Студенческая жизнь захватила меня. Была в ней и дружба, и молодая романтическая любовь, а у друзей — и веселые свадьбы вскладчину, и... дети. Помню, меня ошеломило: «Как, у Розы ребенок?» — но больше ни любопытства, ни радости от этой новости. Скорее удивление: и охота ей? Суета эта с пеленками, кормлениями... Жизнь идет мимо, столько интересного в ней: научные кружки, самодеятельность, стенгазеты, первые «пробы пера» — все это, разумеется, я суетой не считала...

А потом наступил 1954 — целинный! — год. Я на Алтае, учительница в средней школе. Мне 25, я среди детей самых разных возрастов, но о своих не думается, не до того, спать приходится по три-четыре часа в сутки: тетради, подготовка к урокам, школьные дела — важнее этого для меня тогда ничего не было в жизни.

А ведь ждал меня в Москве человек; за письмами его я с замиранием сердца каждый день заходила на почту, и, когда наконец получала толстый пакет, не вскрывала его до дома, и первый раз читать листочки, исписанные знакомым нескладным почерком, могла лишь тогда, когда в комнате никого не было. Нет, я не была ни каменной, ни деревянной — живой.

Когда я вернулась в Москву, тихой семейной пристанью должно было окончиться мое бурное и долгое плавание по волнам непонятной и чем-то настораживающей меня любви. Ну что такое: без него не нахожу себе места, а с ним скованна, неловка, сама не своя. Без его писем тоскую, но каждое письмо, ожидаемое с таким трепетом, чем-то разочаровывает, раздражает. Мне казалось, что с любимым, близким, *своим* человеком я должна, наоборот, становиться больше сама собой, но собой — лучшей. Не получалось и не получилось: этот барьер душевной отчужденности я преодолеть не смогла. Нареве-

лась, но не сдалась. Сначала было тяжело, потом поняла: все правильно — лучше «не сойтись характерами» ДО, чем ПОСЛЕ.

Я только в 28 дождалась своего единственного, которому поверила сразу и навсегда: таких чистых глаз, сквозь которые «душа видна до донышка», и такого сердца, открытого людям и всему хорошему в них, я еще не встречала. И... решено: судьбу свою я смогла вручить только ему. Но когда мы начинали свою общую жизнь, мы не знали, разумеется, чем для нас станут дети, какое счастье растить их нам предстоит испытать и как трудно будет это счастье строить.

Теперь самое время подвести некоторые итоги. С чем же я пришла к порогу своей будущей семейной жизни? Как я была подготовлена ко всем своим женским жизненным ролям? В кратком виде мои представления о них сводились к следующему:

главное — работа, остальное подчинено ей;

отношение к любви и браку возвышенное, требовательное и наивное одновременно (подчиняться мужу? Ни за что!);

хозяйство — к сожалению, без него не обойдешься, а хорошо бы времени на него не тратить;

дети? Как бы они не помешали более важному. К счастью, есть выход — ясли, детский сад...

Если бы я оценивала свою подготовку к семейной жизни по пятибалльной системе, то лет пятнадцать назад, я, наверное, поставила бы себе не выше тройки, а теперь за то же самое поставлю, пожалуй, четверку с плюсом. Спрашивается: почему?

Почему я со временем произвела такую существенную переоценку своего «досемейного багажа»? Дальше я расскажу подробнее о тех изменениях, которые произвело во мне материнство, ставшее настоящим «пробным камнем» для всех моих достоинств и недостатков.

А сейчас скажу коротко. Мое стремление быть независимой научило меня ответственности, а без нее мать не мать. Мое отношение к труду определило мою готовность браться за любую работу и доводить ее до конца, а без работоспособности и терпения матери обойтись никак нельзя, в том числе и в домашнем хозяйстве.

И именно мое убеждение, что семья нерасторжима, а любовь непреходяща, послужило стимулом моего великого старания находить выходы из семейных конфликтов без жалоб на разные обстоятельства и без расчета на чью бы то ни было помощь. А дети... Что ж, я действительно не знала, что такое мой ребенок. Зато, когда он родился, ничто не встало между нами — ни знания, ни предрассудки. Мы научились понимать друг друга без посредников — с этого и началась моя материнская школа. Лишь теперь я могу оценить вполне: это было хорошее начало. И спасибо тем, кто дал мне к началу семейной жизни такое приданое. Все остальное мы наживали и преодолевали вместе всей семьей.

А преодолевать пришлось многое. Наша семейная жизнь, кроме обычных неумений, нехваток и неустройств, довольно скоро осложнилась еще и «нетрадиционным методом воспитания», который привлек в наш дом разных людей и вызвал много недоумения и даже возмущения:

— Зачем босиком по снегу?

— Буквы в два года?

— Вы разрешаете играть с огнем?

— Новорожденный — стоит? Висит? Ходит?

— Спортивные снаряды в комнате — не опасно? И т. д. и т. п.

И хотя все семеро детей уже выросли, пятеро обзавелись своими семьями и опыт, описанный в наших книгах, помогает другим, споры вокруг нашей семьи да и между нами все еще идут, а «аквариумное» существование продолжает испытывать на прочность наш Дом до сих пор.

Сначала меня очень расстраивало то, что споры «со всем белым светом» не позволяют мне с легким сердцем свалить какую-то свою беду на природу, родню, улицу, школу, — за все мы были в ответе, потому что во многом не подчинялись общепринятому. Только годы спустя я поняла, что эта обостренная ответственность для моего материнского становления была благом: она заставляла жить своим умом, набираться своего опыта, который помогал мне усваивать опыт других не слепо, а осмысленно, без подчинения авторитетам. Это и позволило идти непроторенным путем и прийти к удивительным открытиям в воспитании не только своих детей.

ЭКЗАМЕНЫ ПРИНИМАЕТ ЖИЗНЬ

ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ

Обидно: во все творческие вузы, училища — сногсшибательные экзамены, тщательный отбор, огромные требования и нет отбоя от желающих приобщиться к прекрасному таинству искусства. А в то же время есть область творчества, значение которого непреходяще,— искусство воспитания, сотворения человека, но желание служить этой прекраснейшей из муз явно идет на убыль. Разве не так? Тогда почему же такая несправедливость?

Может быть, одна из причин заключается вот в чем. У деятелей искусства вся «кухня» их тяжелого кропотливого труда скрыта от глаз публики и от вмешательства извне (таинство!), а результат пусть не столь великий, но доведенный до доступного совершенства всегда на виду: в цветах и аплодисментах, на экранах и аренах, в граните и мраморе, на выставках и в ярких обложках.

А у воспитателей (всех без исключения — от «дилетантов»-родителей до профессионалов) все наоборот: на виду, как правило, вся «кухня» с ошибками, промахами, постоянным «соавторством» окружающих и великим сопротивлением «материала». А результат? И дожидаться его так долго, и получиться он может вовсе не такой, о каком мечталось, к тому же никогда не разберешься, что тут от тебя, что от «природы», что от «окружающей среды». Все радости, победные минуты и часы воспитателей, как правило, скрыты от всех, никому не видны или воспринимаются как должное. Сознайтесь: когда встречаешь хорошего человека, редко вспоминаешь его учителей жизни. Вроде бы он таким сам собой получился. А ведь у каждого есть свое начало, сотворенное кем-то.

Кому повезло на родителей, на учителей, а кому — не очень. Так как же сделать, чтобы повезло всем?

Говорят, каждый сам кузнец своего счастья. Но если бы любого из нас приставили к молоту и наковальне и сказали: «Ну-ка, давай...»

Семейная жизнь и сложнее, и ответственнее, а входим мы в нее часто без всякой подготовки. Вот и «куем» соответственно той «квалификации», которую получаем в родительских семьях. К тому же семья сейчас переживает трудное время — у нее «переходный возраст». Ее перестройка непроста: ломается не только плохое, приобретается не одно лишь хорошее. Как в этом разобраться людям неопытным, которым с детства не удалось в хорошей семье получить верный ориентир в жизни? Не поможет ли здесь школа?

Когда-то этот вопрос даже и не возникал. «Классическое» отношение школы к любви и к проблеме брака точнее всего, по-моему, выражалось в обидной, до слез доводящей дразнилке: «Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Вспоминаю себя девчонкой, свою школу, учителей и пытаюсь представить, кто из них согласился бы беседовать с нами, подростками, на все эти щекотливые темы. Ничего не получается! Просто странно даже подумать об этом.

Но вот читаю письма нынешних старшеклассников и не обнаруживаю в них никакого смущения и сомнения. Все двумя руками «за».

«Нас учат математике, физике, химии, а как строить семью, как воспитывать детей, не учат. Многие школьные знания забудутся, окажутся ненужными, а семью будут иметь почти все. Нужны уроки семейной жизни, потому что всем надо знать законы человеческих взаимоотношений, чтобы не приносить горе себе и людям» — словом, я счастливым быть хочу — пусть меня научат! Хорошо бы, да вот беда: одно «знание законов» мало что даст. Это дело как никакое другое требует не столько усвоения теоретических знаний, сколько накапливания душевного опыта, опыта разнообразного общения между людьми.

Видимо, это и должны быть уроки общения: не «послушал — запомнил — повторил», а «сопоставил — решил — доказал». Так, например, вела занятия курса «Молодая семья» в средней школе № 58 г. Куйбышева директор школы М. А. Мусатова. Когда она решилась открыть эти факультативные занятия для старшеклассников, не было у нее ни программ, ни методик, ни книг, но начинала она, по-моему, не с нуля, а с главного — с постановки проблем, с привлечения своего и детского опыта для разрешения этих проблем, со сравнения разного опыта и выбора оптимальных решений в конкретных ситуациях.

Я видела, как Маргарита Александровна ведет свои занятия: споры, смех, реплики, отстаивание собственного мнения, никакой заученности. «А как ты думаешь? Ты согласен? Почему? Докажи! А твое мнение?» — учитель умело направляет спор, но не подсказывает ответов и не требует, чтобы обязательно с ее ответом «сошлось». Не сразу догадываешься, что в этой непринужденности, непреднамеренности и скрывается огромная сложность: в любой момент здесь подстерегает взрослого ситуация, в которой на одном знании не выедешь, которая хочешь не хочешь, а высветит в человеке самую суть его. К такому «уроку» надо готовиться не накануне вечером, а всю предыдущую жизнь. Только так, по-моему, и можно браться за сложное это дело.

Самая важная цель этих уроков, на мой взгляд, должна заключаться в том, чтобы научить ребят не перекладывать свои заботы на других, не ждать, чтобы за них разрешили все вопросы и преодолели все трудности — короче, научить их ответственности за судьбу своей семьи.

Я уверена: будет время, когда желающие стать родителями будут сдавать серьезные экзамены на отцовство и материнство (каждому — свой!) и даже четверка на этом экзамене не будет «проходным баллом». И справедливо: кому нужны «уцененные» родители?

А пока экзамены (к сожалению, после рождения ребенка) у нас принимает сама жизнь. И за наши ошибки расплачиваются наши дети — есть чего бояться потенциальным родителям, если честно прикинуть свои возможности. К тому же найдутся и еще причины для страха. Когда говорят и пишут о материнстве, главным образом сосредоточиваются почему-то на огромном труде матери и бесконечном ее самоотречении и самопожертвовании. Читаешь любую брошюру для молодых матерей — и оторопь берет: об одних детских болезнях — полкнижки! А остальное? Если прохронометрировать все рекомендуемые процедуры по уходу за младенцем, получается, что мать должна потратить на них

не менее 15 часов в сутки! Такое представление о материнском «счастье» может только оттолкнуть от материнства: не мать при ребенке, а служанка. Оно и отталкивает, а любое другое дело становится более привлекательным и интересным.

К счастью, я раньше не читала брошюр ни об уходе за младенцами, ни о детских болезнях, ни об этом «ужасном переходном возрасте» и к тому времени, как у меня появился первый малыш, страху набраться еще не успела. Я шла навстречу неизведанному с радостью и с готовностью все осилить, все превозмочь. Я ничего не боялась: ведь рядом был Он — будущий отец моих детей. И все наши жизненные экзамены были еще впереди. Я пока о них даже не догадывалась.

СНАЧАЛА БЫЛ ЭКЗАМЕН «НА ЖЕНУ» И «НА МУЖА»

Конечно, каждого в супружестве прежде всего ждет проверка «на мужа» и «на жену». И длится этот экзамен всю жизнь, а не только медовый месяц или первый год. Это, правда, понимаешь значительно позже, когда характеры начинают проявляться — и постигаться — не на поверхностном уровне житейских привычек, а на глубинных своих качествах: от разных интересов и потребностей до разных эстетических вкусов и нравственных оценок.

У нас в семье многое — главное — счастливо совпало или удачно совместилось; это мы поняли еще до женитьбы, но оставалось немало и такого, что сразу упрямо столкнулось и продолжает противоборствовать до сих пор. По-видимому, это естественно: горшок с горшком в печи и то сталкивается. Однако не мешало бы «горшкам» знать меру и способы этих столкновений, иначе недолго достукаться и до черепков. Способы мы изобретали «на ходу», а меру определяла наша большая взаимная привязанность. И хотя трещинки иногда появлялись, мы старались лечить их поскорее и «второй раз по больному месту не бить»— такое вот правило семейных баталий нам преподнес один наш приятель.

Постепенно выяснилось, что, во-первых, мы разные, а во-вторых, что это очень хорошо. Вам смешно? Скажете: ну и открытие! Теперь-то и я посмеюсь, а поначалу нам было вовсе не до смеха.

Я, допустим, с удовольствием слушаю какую-нибудь веселую передачу по радио, а Борис может поморщиться: «Ну и чепуха!» — или в самый неподходящий момент включить электродрель. Или так: он чертит графики, проставляет точки, тщательно выверяя их по своим таблицам, сидит над ними даже по ночам, а я не очень-то вникаю во всю эту «цифирь», которой, как я убеждена, далеко не все можно измерить. Меня больше интересует как раз то, что не укладывается в формулы. Но когда я с жаром начинаю говорить о каких-то своих наблюдениях, переживаниях, размышлениях, он с трудом подавляет зевоту. Мы оба терпим и «блажь» друг друга, и обидное к ней отношение, но терпение когда-то кончается и (чаще начинаю я):

— Ты совсем не понимаешь, что я хочу сказать.

— Не могу! Разве за это казнят?

— Не хочешь понять. Если бы захотел, понял бы!

И так до слез и серьезных размолвок. Хуже всего, что причины конфликтов виделись и оценивались нами тоже по-разному. Борис считал, что каждая наша ссора начиналась с сущего пустяка, а потом на нее наматывался клубок, снеж-

ный ком моих необоснованных обвинений, которые я в запальчивости могу «выдумывать сколько угодно».

Для меня же начало конфликтов обычно ощущалось как верхушка айсберга — краешка каких-то исподволь накопленных («выпавших в осадок»?), невысказанных, невыявленных недовольств, невскрытых противоречий, от которых я с удовольствием бы избавилась, как от ненужного тяжелого груза. Но как избавиться, если так трудно выразить все это словами, а он еще не хочет слушать и вникать? И вот снова и снова:

— Опять снежный ком?

— Нет, это айсберг!

Растапливать все эти «льды» приходилось общими усилиями; затем мы вздыхали с облегчением и думали: ну, это больше не повторится. Однако повторялось, правда, реже и реже, но — повторялось! И не только у нас. Подобное я наблюдала и у ребят.

Однажды мы с Борисом на несколько дней уехали в Киев, а дети оставались дома одни. Когда мы вернулись, старшие девочки рассказали нам, что Люба с Ванюшкой очень хорошо утром вставали, сами собирались в школу, сами делали уроки и даже мыли посуду без всяких напоминаний. На следующий день я, как обычно, провожала их в школу. Они немножко тянут, не торопятся, и я говорю с некоторой досадой:

— И отчего это вы без нас так хорошо управлялись?

Любаша стояла рядом со мной и сказала тихо:

— Мы хотели, чтоб вы обрадовались...

Ваня не слышал ее и почти одновременно сказал отцу:

— Когда мы были одни, то мы были от... (запнулся на трудном слове) ответственней.

— Вот что значит женщина и мужчина! — умилилась я.

— Подлиза! — тут же буркнул Иван.

— А ты... а ты! — возмутилась Люба.— А ты врун и хвастун!..

И пошло-поехало. Что-то мне напоминает этот «диалог». А вам? Вот ведь как рано это начинается...

Много раз мучительно думала: неужели это противоборство столь неизбежно? Когда я впервые прочитала дневники С. А. Толстой, я поразилась, какого трагического накала могут достигать отношения двух людей, каждый из которых защищает *свою* правду и не может ею поступиться. Тогда-то мне стало понятно, почему Л. Н. Толстому так нравилась чеховская Душечка с ее великим женским даром жить только интересами любимого существа и не претендовать в этом отношении на взаимность: своих-то отдельных интересов у нее просто не было.

Так что ж выходит? Чтобы стать идеальной женой, надо отказаться от самой себя, подчинить (да еще с радостью!) свою жизнь мужу и детям? А почему бы и нет? Ведь «только» женами и матерями были, например, Мария Александровна Ульянова, Анна Григорьевна Достоевская, Женни Маркс, Наталья Александровна Герцен и многие-многие другие... в прошлом веке. Что-то я не припомню примеров из нашего времени. Да-а, эмансипация сделала свое черное дело — отлучила женщину не только от пресловутых трех К: Kirche, Kuche, Kinder (церковь, кухня, дети), но и от собственного мужа. У нее появились свои интересы, связанные с занятиями вне дома, расширяющие ее духовные потребности.

«Духовной жаждою томим» бывает не только пророк, но и любой из нас. Особенно жаждой понимания — ее стремится явно или подспудно утолить каждый. Прекрасен супружеский союз, основанный на таком взаимопонимании. Джоан Фримен, профессор из Великобритании, общественный деятель и мать четверых детей, говорит, что своими успехами обязана мужу, тоже преуспевающему ученому и очень занятому человеку: «У меня очень хороший муж! Он постоянно твердил: «В твоей жизни должно быть много других интересных для тебя дел, не только семья и дети!» Он заставлял меня писать статьи и книги, благодаря ему я написала свою первую книгу... мы прожили вместе уже 31 год. Главное, мы очень хорошие друзья: муж хочет, чтоб у меня было в жизни все, что меня интересует, а я хочу, чтобы у него было все, что нравится и хочется ему» (Семья. 1989. № 5. С. 13). Значит, это возможно?! Но почему же тогда так редко встречается подобная гармония отношений, которой мы все жаждем? Почему женщины прямо на глазах теряют эту «исконно женскую» способность понимать? Кавычки я поставила здесь неспроста: за ними скрывается очень важное, может быть, самое главное для того, чтобы успешно сдать экзамен и «на жену», и «на мужа».

В 1988 году (весной из ФРГ, а осенью из Японии) к нам приезжали переводчицы наших книг — в высшей степени современные женщины: эмансипированные, деловые и в то же время обаятельнейшие. Я по-хорошему позавидовала гармоничному сочетанию в них деловитости и женственности — ведь эти два качества так трудно уживаются в моих соотечественницах. И вот, разговаривая с каждой, я невольно всякий раз думала: «Да-а, у такой женщины и муж, наверное под стать — разделяющий ее духовный мир умом и сердцем, иначе ей такой не быть». Очень хотелось узнать, так ли это, да ведь не спросишь о личном напрямую...

А оказалось... Впрочем, процитирую (с магнитофонной записи) их внезапные, очень эмоциональные реплики по поводу моих размышлений о взаимоНЕпонимании женщин и мужчин.

Марианна Б. (март 1988 г.): «У нас с мужем такие же споры, как и у вас,— удивительно!.. Я вас очень хорошо понимаю, потому что у меня муж такой же — критикует, но никогда не хвалит, никогда не спрашивает: когда же ты успеваешь все? Это ужасно! Женщина теряет женственность...»

Нурико-сан (октябрь 1988 г.): «Да! И у меня тоже постоянно возникали такие конфликты, и в конце концов мои дети выросли, как это сказать, в окружении конфликтной ситуации...»

Вот так: процесс, оказывается, глобальный — ни западная, ни восточная культура с их прочными национальными традициями не в состоянии ему противостоять. Что же с нами происходит? И когда все это началось?

Прочтем, что просвещенные люди думали об этом сто лет назад: «В той мере, как женщины будут более заниматься научными изысканиями и общественною деятельностью, в той мере, как они больше и больше будут переносить центр своей жизни и деятельности из своего собственного «я» вне себя, страстнее будут отдаваться профессиональным занятиям, политической борьбе и интригам, тем лучше они будут сопротивляться инстинктивной потребности любви, тем легче будут обходиться без нее и приближаться в этом отношении к мужчинам. Для достижения такой цели, конечно, нужно соответственное воспитание целых женских поколений. Подобный результат в настоящее время

достигнут в некоторых местностях Северной Америки. Там женщины давно пользуются большим почетом, широкой свободой, образованием, правами и теперь оказываются не менее образованными и свободными, чем мужчины... Вместе с тем наблюдатели отмечают, что американки суховаты сердцем, мало восприимчивы к нежным чувствам, при вступлении в брак руководствуются простым расчетом и не создают таких приятных семейных очагов, какие создают европейки. Воспитание даже маленьких своих детей они стараются передать посторонним лицам, но не занимаются им сами. Вообще так называемые женские свойства у них несколько атрофировались... Есть уже множество женщин, принципиально отказывающихся от брака, чтобы свои силы всецело посвятить общеполезной деятельности» (**Каптерев П. Ф.** Душевные свойства женщин. Спб., 1895. С. 48—49). А дальше автор цитирует из немецкой книги: «...высшее образование и самостоятельность дают женщине возможность искать и находить свое счастье независимо от мужчины» (**Крепац А.** Опасные стороны полной женской эмансипации. М., 1893). Каково?! И каковы названия книг?!

Время шло, «соответственное воспитание целых женских поколений» проходило по мужскому образцу. «Сколок, копия с мужского» — так с негодованием оценивал женское образование П. Ф. Каптерев даже тогда, сто лет назад. Что же сказал бы он теперь, когда мужское образование дополняется в жизни женщины мужскими обязанностями и профессиями? В общем, «опасные стороны женской эмансипации» проявили себя вполне. Только вот счастья в этом не находят, как мы убедились, ни женщины, ни мужчины, ни их дети. Последним особенно плохо в этом мире с «атрофированными женскими свойствами». Вырастая в бесчувственном холодном мире нелюбимыми — НИЧЬИМИ! — они несут эту эстафету разобщенности и дальше, в будущее, следующим поколениям. И процесс этот не остановить: джинн выпущен из бутылки. Как же всем нам быть?

Теперь я расскажу о том, к каким утешительным выводам я пришла в результате дальнейших размышлений... Только пишу все это и который раз ловлю себя на мысли, что скольжу по поверхности огромной, сложной, неисчерпаемой темы. Но что поделать, если глубже не получается, а умолчать о своих «открытиях» не могу: слишком многое зависит в семье от решения этой давней и больной женско-мужской проблемы. Меня вдохновляет то, что я нашла подтверждение многим своим мыслям в книге П. Ф. Каптерева, о которой я уже упоминала. Правда, обидно было, что уже сто лет назад было известно то, что я открыла для себя с таким трудом. Но ведь открыла же! Так может быть и то, что хочу сказать, тоже имеет некое рациональное зерно. Заранее благодарю тех, кто не пропустит эти важные для меня страницы и подумает вместе со мной.

Давно я пыталась понять, почему же так обострился вечный «женский вопрос» именно в наше время. Раньше женщины жили тоже не бог весть как обласканные своими мужьями, но тогда их претензии на понимание не были так велики. Терпели потому, что зависели? Тогда почему сейчас мы, свободные и самостоятельные, стонем от внутренней неприкаянности? А мужчины в недоумении: чего им не хватает? И деньги у них есть, и власть, и независимость, и почет. Ну, времени маловато — верно, но самые чуткие готовы помочь и в быту, и с детьми, даже цветы по праздникам... («Чай, теперь твоя душенька довольна?») Ан нет! Душа как раз и мается: выслушай меня, прими со всеми моими метаниями, исканиями, мучениями, раздели их со мной — *п о й м и*! И чем

больше развита, духовно богата, творчески деятельна женщина, тем больше она этого жаждет. А деятельность, особенно творческая,— самое дорогое для женщины. Именно она и выманивает ее из дома. Не в этом ли корень всей проблемы?

Думая над этим, я вспомнила слова Тургенева о Пушкине, сказанные им в речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве: «В поэте, как в полном выразителе народной сути, сливаются два основных ее начала: начало восприимчивости и начало самодеятельности, женское и мужское начало,— осмелились мы бы прибавить». Какой неожиданный взгляд на поэта и на... женское и мужское начала народной сути. А что если, предоставив женщине возможность участвовать в самых разных, а преимущественно мужских, сферах деятельности (да еще с такой перегрузкой!), мы тем самым объективно поставили ее в положение деятеля со всеми вытекающими последствиями: она начала быстро терять свои воспринимающие свойства и неизбежно стала остро нуждаться в проявлении этих качеств у близких людей, особенно у мужа. Кто как не супруги призваны разделить все радости и тяготы жизни? Но ведь мужчины не прошли долгого и трудного пути развития чувств, который прошли женщины благодаря материнству. Они часто даже не представляют, сколько «обязана трудиться» душа, чтобы понять другого. В большинстве своем мужчины оказались не готовы к этому труду. Исключение составляют (да и всегда составляли!) поэты, объединяющие эти два начала в себе. Объединяющие! Оказывается, возможно в одном человеке слить деятельностное и воспринимающее начала.

Я вспомнила еще и слова Гоголя: «Пушкин... это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет», т. е. человек будущего, далекого, но осуществимого! Вот тут-то и подумалось: коли мы стали деятелями, то обязаны вырабатывать воспринимающие функции и тем самым подниматься к «полному своему развитию» — к совершенству. Это не значит, конечно, что мы будем уподобляться друг другу — наоборот! Речь идет именно о понимании, восприятии иного мира, похожего и непохожего на твой собственный. Насколько богаче мы станем, приобретя этот воистину божественный поэтический дар. Но путь к этому так долог и противоречив. Первый шаг — к равноправию — сделан, пусть с перекосами, потерями, трагедиями, но сделан. Сейчас мы находимся как бы в противостоянии. Теперь нужен второй шаг — навстречу друг другу. Каждому предоставляется возможность сделать его в своей собственной семье. Я попыталась, и вот как это было.

Во-первых, я поубавила свои претензии к мужу: поняла, что он действительно пока не может понять меня, а во-вторых... дала волю своей Душечке, которая во мне — эмансипированной! — оказывается, вовсе не погибла. Все началось не с обдумывания, а с чувства. Я как-то в минуту сильного раздражения и возмущения посмотрела на его смятенное, ничего не понимающее обиженное лицо и вдруг увидела нас обоих как бы со стороны — глазами его матери. И так жалко его стало... Взрослый человек, отец моих детей, стал на мгновение моим ребенком, которого обижают. И я будто опомнилась: ему так нужно было, чтобы его поняли, и мне самой захотелось того же — понять. Это было не старание понять умом, а вчувствование, желание оказаться на его месте, ощутить его состояние. Эти прекрасные, добрые минуты не только спасли нас от бури, но и открыли во мне неведомые раньше резервы сочувствия, сопереживания, доброты.

Постепенно я осознавала, что не подчинять мы друг друга должны, а приноравливаться друг к другу, особенно бережно обращаясь как раз с тем, что составляет суть каждого, его неповторимость, индивидуальность. И при этом не ожидать, что все потребности каждого смогут быть удовлетворены одним человеком. Кроме семьи, у каждого из нас есть друзья, родственники, сослуживцы, есть занятия и интересы, которые могут совсем не интересовать другого. Важно тут хотя бы не мешать заниматься любимым делом, если оно, конечно, не во вред окружающим и не осуществляется за их счет.

Поняла я еще и вот что: переживания могут быть похожи, а средства их выражения разные. И наоборот, вроде один и тот же жест, взгляд, а смысл их различен. Причем у каждого этот язык чувств свой, выработанный когда-то в детстве. Для одного, например, бурное проявление эмоций свидетельствует о силе и глубине чувств, а для другого то же самое покажется несдержанностью, даже распущенностью.

Как же это хорошо: понять друг друга! А в самом начале... Ох и трудно было в самом начале, особенно когда появились дети, а мы еще не знали, что отец и мать не должны повторять друг друга. В наших дневниках в те годы нередко встречается слово «конфликт». И из-за чего! Неловко признаться. Но вот пример.

КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА... РАСКЛАДУШКИ

«28.07.1964 г. Алеша (5 лет) и Антон (3 года) уже улеглись спать, когда бабушка пришла за раскладушкой. Обе раскладушки были заняты, но папа решил быстро: ребят положил валетом на маленькую раскладушку, а большую отдал бабушке. Увидев, как он положил ребят, бабушка, естественно, запротестовала: «Им тесно...»; «Они упадут...»; «Давай принесем матрас...»; «Давай положим на пол обоих...»; «Давай, наконец, я возьму маленькую раскладушку, а ты их положи на большую...» Ее тревоги и протест были понятны: из-за нее другим причиняется неудобство. Всякий бы на ее месте тоже запротестовал, почувствовал неловкость от происшедшего. Но Борису это было непонятно. Он это расценил как очередное «не нашей линии» бабушкино желание — и все. Он взял и отнес раскладушку в бабушкин дом, не обращая внимания на ее протесты. Когда он вернулся, снова начались препирательства.

Я была в соседней комнате (кормила Анюту) и все это слышала, а потому с раздражением сказала:

— Борис, да принеси ты матрас и уложи их порознь, стоит ли из-за этого спорить!

— Они и так очень хорошо лежат. Почему мы должны делать так, как захотелось бабушке?

Мое вмешательство было расценено им как очередное отступление от «нашей правильной линии» и только подлило масла в огонь.

— Ну, тогда я не возьму раскладушку,— в сердцах заявила бабушка и через некоторое время принесла раскладушку назад. Во мне все закипело от обиды и негодования: из-за чего все пошло — из-за человеческого упрямства, мелочи какой-то. А я-то собиралась лечь спать пораньше, чтоб выспаться!

Обида, досада наворачивали мысли, одну нелепее другой, но в такие минуты они кажутся правдоподобными: «Лишь бы на своем настоять; неважно, что просят сделать два человека, лишь бы по-своему сделать в любой мелочи — что за глупость невозможная! И как после этого дети могут относиться к словам и просьбам других?» Короче, я «завелась»: захотелось грубить, обидеть, задеть побольнее.

— Удовлетворен? — громко спросила я, проходя мимо комнаты, где находился Борис с детьми.— Вот спасибо — устроили: все идет как по маслу...

И результат: мне совсем не до сна и от всего происшедшего, и от собственного поведения — мерзко на душе. И слезы не помогли. Ох, до чего противно! И как выбраться из всего этого?»

А вот та же история глазами Бориса и его мысли при этом.

«Пришла бабушка и попросила раскладушку. У них нет ребятишек, значит, спать будет взрослый. Надо дать поэтому большую раскладушку — взрослому на маленькой (160 см) коротковато. Так подумал я и переложил Алешу к Тинюше валетом. Кстати, надо посмотреть, как они будут спать в одной кровати: вдруг в жизни так придется, а они не умеют. Надо сейчас это попробовать — так думал я, а бабушка стала возмущаться: «Ведь им тесно в раскладушке».

— Ничуть не тесно,— возражает Алеша и отодвигается на край раскладушки. Я ложусь посередине между ними, на меня взбирается еще и Оленька. Но... это бабушку не убеждает. Она продолжает утверждать, что им тесно.

Видимо, она так и не даст попробовать уложить ребятишек вдвоем; я уже начинаю нервничать, но сдерживаюсь.

— Раскладушку считайте доставленной уже на дом,— шутливо говорю я и бегом отношу ее в бабушкин дом.

А по дороге думаю: ведь барство заставляет людей считать маленькое неудобство громадным ущербом для себя и оставаться глухим к любым просьбам других людей, если эти просьбы рождают даже не действительную, а мнимую неприятность. Мне страшно подумать, но ведь то же самое бабушка может сделать с Алешей, и если она этого не понимает, то мы-то должны понимать.

Я возвращаюсь домой и застаю бабушку на террасе, складывающей вдвое большой матрас для Алеши.

— Я очень прошу вас не делать этого! — говорю я бабушке таким тоном, что она оставляет матрас и уходит со словами: «Ну, тогда я принесу раскладушку обратно!» — чем окончательно бесит меня. Я молчу, закрываю на задвижку дверь за нею, приношу (на всякий случай) этот чертов матрас с террасы и ложусь, едва сдерживаясь от злости, в кровать. Я даже пропускаю мимо ушей «Удовлетворен?», сказанное Леной. Злость на бабушкин «подход» кипит во мне. Лежу, стараясь не шевелиться. Тошно на душе до невероятности.

И пошло все «наперекосяк», как говорит Лена. Утром она не смотрит на меня, убежденная в моей глупости, упрямстве и других подобных качествах. Выяснить, почему я так поступил, она не собирается. «Все и так ясно!» — видимо, думает она.

А что же я преступного совершил по сути дела?

Ведь то, что мы выполнили бабушкину просьбу и отнесли ей в дом большую раскладушку, а не маленькую, в счет не идет. Почему?

А вот то, что я не захотел, чтобы Алешка придавал значение тому, где, как, на чем он спит, чтобы он не считал неудобством спать с братом на одной кровати,— это преступление, и очень серьезное. Надо выполнить бабушкино желание.

Почему надо думать не о детях, не об их развитии, не о тех качествах, которые они приобретают, а о том, что понравится или не понравится бабушке?»

Все это мы записали друг за другом в одной тетради, еще ничего не выясняя и не «идя на мировую»,— обида еще кипела и в нем, и во мне. Но записи помогли: мы оба поняли, что оба правы, но каждый со своей точки зрения. Я, мать, жила сиюминутными переживаниями и обращала внимание главным образом на отношения между всеми участниками этой маленькой трагикомедии. Когда же я прочитала написанное Борисом, я пришла к нему с повинной. Вся история предстала передо мной совсем в ином свете: он, отец, заглядывал в будущее ребят, заботился не об улаживании конфликта, а о потерях и приобретениях

в характерах ребят послезавтрашнего дня — не на пустяках он настаивал, а на том, от чего не мог отступить. А я его не поняла, даже не захотела понять... Он, выслушав меня, тоже признался: «Знаешь, даже в голову не могло прийти, что я кого-то обижаю, с кем-то не считаюсь. Хотел, как лучше...»

Удивительно: размолвка привела к тому, что мы не «врозь побежали», а сделали шаг навстречу друг другу, в чем-то разобрались. И так было и другой, и третий раз, и сотый, и тысячный: оставаясь разными, мы постепенно все больше понимали друг друга. А это больше всего и нужно, когда в доме дети. Налаживая собственные отношения, мы одновременно постигали и усваивали разные роли матери и отца, учились ценить их.

Вот еще одна выдержка из дневника.

«02.06.1964 г. Улеглись Антон и Оля спать. Алеша еще не лег, хотя спать уже хочет — это по всему чувствуется. Но еще больше хочет побыть с нами. Он залезает ко мне в кресло, усаживается рядом, приваливается ко мне, некоторое время читает сам, потом просит меня.

— Мам, почитай мне немножко...

Я читаю ему немного, потом говорю:

— Алешик, поздно уже, давай умоемся и спать. А?.. Нам с папой еще фотокарточки печатать, потом письма писать.

— А это долго — печатать?

— Да с часок.

— А можно я буду с вами? Пап, я тебе буду помогать.

— Можно,— соглашается отец,— ну, иди, готовь ванночки, наливай воду, включай красный фонарик, а я пока допишу письмо...

И Алеша моментально скисает: ему вовсе не хочется сейчас что-то делать одному. Он надеется на то, что будет вместе с папой что-то делать, неважно что, а важно, что вместе.

Я чувствую, что у него как-то неуютно на сердце от папиных слов, предлагаю ему умыться, а потом уж браться за фотографию. Я даже помогаю ему умываться, а потом говорю:

— Ну, теперь иди делай, что папа тебе говорил. Что там надо делать?

Он без особого энтузиазма идет в мастерскую и начинает там что-то передвигать, переставлять. Через некоторое время он тянет:

— Па-а-п! А я не знаю, как включать.

— А ты подумай,— отвечает отец, занятый письмом.

— А я не зна-а-ю...— снова тянет Алеша. Ему так хочется, чтобы папа был рядом. Он начинает похныкивать и снова тянет:

— Не зна-а-ю...

Переговоры «мастерской с комнатой» идут минуты две. Наконец отец сердится:

— Не знаешь, как включать,— ставь ванночки и наливай воду.

— А мне без тебя не хо-очется,— искренне сознается Алеша.

— Не хочется — тогда иди спать! — резко бросает Борис.

Алешка изо всех сил старается удержаться от рева: он знает, что тогда разговор с ним будет совсем короток. Но папа не замечает его старания.

Я не выдерживаю:

— Боря, да пойди и помоги ему.

Но папа недоволен:

— Он вполне может справиться сам.

— Ты не прав,— начинаю нервничать и сердиться я,— он просто хочет спать, как же этого не учитывать?

Наконец папа сжалился над нами, пошел к Алеше в мастерскую, и вот я уже слышу

счастливо-нервный смех Алеши. Он говорит с дрожинкой в голосе, но уже успокаивается — папа с ним рядом.

Проходит минут пятнадцать. Из мастерской доносится до меня бодрый разговор моих мужчин, обсуждающих какие-то детали фотографирования,— обычный разговор, деловой и хороший.

А вот мой младший «фотограф» появляется передо мной и говорит, привалившись к моим коленям:

— Мам, прочти мне что-нибудь...— и тычется потяжелевшей головой мне в колени.

Мы идет с ним на террасу, Алеша охотно растягивается на постели, говорит мне тихонько:

— Спой мне песенку...— и засыпает почти сразу вслед за этим, засыпает, умиротворенный глубоким и, кажется, спокойным сном.

Да, все-таки наш «большуха» еще совсем малыш и нужна ему ласка и сердечность, как цветку солнышко. Без этого вянет в нем что-то хорошее, отзывчивое, рождается озлобленность, обида.

А как думает папа?»

Прочитав это, Борис написал:

«03.06.1964 г. Он думает немного иначе.

Во-первых, Алеше уже 5 лет — требования к нему должны быть выше, чем к Антону и Оле. Он хочет спать, но ложиться без папы и мамы ему не нравится. Он согласен помогать печатать фотографии, но надо бороться со сном, надо взять себя в руки, надо что-то сделать одному, хотя этого и не хочется. Эта борьба с самим собой есть развитие, есть укрепление воли, и если немедленно приходить в таких случаях на помощь, то развития происходить не будет.

Во-вторых, папе надо закончить свое дело (начатое письмо), ему не хочется бросать его, не дописав десяток строк. Почему Алеша не должен знать, что у папы есть важная работа, которую он не может бросить сразу же, как только Алеша его позовет?

— Что, ты не можешь бросить писать и подойти к Алеше, когда он зовет тебя? — спрашивает мама.

— Я могу бросить писать в любой момент, но я не могу понять, почему Алешино желание должно быть важнее, чем моя работа?»

Думаю, что мужчины, прочитав эти странички, будут на стороне отца, а матери, конечно, пожалеют малыша и подумают про отца: бессердечный. Так уж мы, видно, устроены — неодинаково видеть.

Как же по-разному воспринимают и оценивают одну и ту же ситуацию мать и отец! И самое удивительное: оба правы. Это сейчас для меня ничего удивительного в этом нет, а тогда мне, воспитанной и в семье, и в школе на безусловном уважении к «единству требований», такой разнобой в подходе к одному и тому же событию казался чуть ли не преступлением. Я горячилась, настаивала на своем и, естественно, только усиливала сопротивление отца, не желающего идти на компромисс в том, что он считал принципиально важным. Мы долго не могли понять, что вовсе не противоречим друг другу, что без всякого компромисса мы можем быть правы одновременно оба.

Ну вот хотя бы в описанном случае я как мать лучше, тоньше почувствовала сиюминутное состояние сына, видела, что все силенки у него уходят на преодоление сна, на большее их уже не хватает, ему надо пойти навстречу хотя бы потому, что он тянется к отцу. Нельзя отталкивать, ожесточать его: сейчас это опасно! Отец же, занятый своим делом, не вникает во все эти тонкости, да просто и не видит сына. Он не склонен потакать ему в слабости и справедливо

считает, что малыш в пять лет уже должен брать себя в руки, уметь преодолеть себя... Так кто же кому тут должен был уступить? А никто никому. Нужно было другое: мне — понять намерения отца, помочь сыну выполнить его требования, а отцу — прислушаться ко мне, поверив в мое материнское чутье. Мы, хоть и не сразу, интуитивно так и сделали, и все обошлось благополучно.

Вот так и осознавалось то, что разница между нами не мешать нам должна, а помогать. Мы же уравновешивали друг друга, не позволяли никому из нас впасть в крайность: отцу — в жесткую заданность, а матери — в потакание малейшим прихотям своего ребенка. Если бы понять это раньше!

Зачем я об этом пишу сейчас, нарушив в рассказе естественный ход событий: ребенок-то у меня еще не родился! А затем, чтобы именно сейчас, вначале, сказать очень важное: ребенку нужны мать и отец — видите, как ему плохо и без того, и без другого. Невосполнимо плохо. Знаю: болью и горечью отзовутся сердца многих и многих женщин на эту мою фразу. Да откуда отец возьмется, если нет его в доме, просто нет?!

Даже если нет — должен быть! Говоря так, я вовсе не подразумеваю под этим какого-то выдуманного («уехавшего» в длительную командировку или «погибшего») отца. Такой обман, по-моему, рано или поздно обнаружится и станет трагедией для ребенка. Нет, я о другом: о мужском начале в семье.

Как-то в шутку я поделила для себя всех представителей мужского пола на три категории:

те, от кого надо защищаться;

те, кого надо защищать;

те, кто ЗАЩИЩАЕТ, — они-то и есть настоящие мужчины. Именно в таком мужском начале нуждается каждая семья. Оно может быть сосредоточено в подрастающем без отца сыне. Для этого матери совсем ни к чему подменять собой отца, то есть превращаться в полумужчину и заниматься несвойственными ей делами (мастерить, играть в футбол или изучать приемы самбо). Мне кажется, что мужчину рядом с собой можно вырастить, только оставаясь слабой женщиной, опора которой — в сыне, даже маленьком. Помните, есть славная песенка, в которой четырехлетний мальчуган успокаивает мать: «Ты не бойся, мама, я с тобой!» Вот позиция мужчины: чуть не с колыбели он — покровитель слабого, защитник доброго и прекрасного в жизни. Позиция матери при этом — с благодарностью принимать любое проявление заботы о себе и стараться быть достойной этой заботы: надо, чтобы было, ЧТО защищать.

Ну, а если рядом с мамой растет дочь? Казалось бы, должно быть все проще. Одна знакомая так и говорила мне: «Как хорошо, мы с дочкой как две подруги и никакого «мужского духа», всех этих грязных носков, потных рубах, грубых приятелей нам не надо...» Я высказала опасение: «Так немудрено вызвать пренебрежение вообще ко всем представителям мужского пола». Она в ответ только усмехнулась: «Ничего, умней будет — первому встречному на шею не кинется».

Верно — ни первому, ни второму, ни пятому, ни десятому дочь навстречу «не кинулась». Ей под сорок — семьи, увы, и не предвидится. Это и само по себе грустно, а тут еще и профессиональные контакты у нее осложнены тем, что она не знает, как себя вести с мужчинами: и стесняется, и боится, и пренебрегает, и не доверяет — все сразу.

Оказывается, проще с дочерью не получается. Бывает, всю жизнь не зажи-

вает рана в сердце матери, оставленной или обманутой тем, кто действительно оказался НЕмужчиной. И больше всего, мне думается, надо бояться передать дочери в наследство эту свою горькую обиду.

Пора, наконец, вернуться к началу моего длинного-длинного материнского пути.

КОГДА ВО МНЕ РОДИЛАСЬ МАТЬ!

На одной из подмосковных станций есть высокая лестница на мост через железную дорогу. Я по ней ежедневно поднималась и спускалась, когда шла на работу. Мне это было легко: молодая еще, сильная, взлетала, даже не задохнувшись. Бегом через две ступеньки — вечная эта спешка. Раз споткнулась — рассмеялась, вскочила и дальше. Главное: не опоздать бы на урок. Не влетать же учительнице, запыхавшись, наперегонки с опоздавшими! Не-е-ет, метров за сто до школы я перехожу на солидный, неторопливый шаг и к школьному порогу успеваю приобрести серьезный, вполне учительский вид... И так изо дня в день третий год подряд.

Но однажды...

Этот зимний метельный день запомнился мне на всю жизнь. Вот тогда-то лестница, вернее один ее порожек, обыкновенный выщербленный деревянный порог с прибитой по краю планкой, чтобы не соскальзывали ноги, стал для меня символической ступенью в новую неизведанную жизнь.

Был январь 1959-го, первые дни после школьных каникул, и я, как всегда, тороплюсь... Могу даже и бегом, хотя моему будущему сыну — моему первенцу — уже пятый месяц. Я пока не чувствую ни тяжести, ни недомоганий. Мне больше любопытно, чем страшно, иногда прислушиваюсь к себе: ну, и как там ОНО? Но сейчас мне не до того — спешу. Лестница занесена снегом, скользко. Впереди меня кто-то поскользнулся, чертыхнулся, и тут же чувствую, как моя нога поехала куда-то вбок. Я судорожно хватаюсь за перила. И вдруг: мягкий толчок внутри, нежный такой, не слабый, но странно медленный почему-то. А может, мне так только показалось? Может быть, в ощущении мгновение растянулось до минуты? Сердце заколотилось. Я прислонилась к перилам.

Мимо шли люди, кто-то остановился, поднял мою сумку с тетрадями. Я пробормотала: «Ничего, ничего, я сама», но не могла сдвинуться с места. Уроки, звонки, тетради — все в мире исчезло для меня. Были я и ОН, этот неведомый кто-то во мне. И тревога, острая, необыкновенная, не за себя — за него. Подумать только: оступись я — и могла бы оборваться или изуродоваться целая человеческая жизнь. И от меня, только от меня это зависело! Я впервые и навсегда почувствовала себя принадлежащей не себе, а ей, этой будущей неизвестной мне жизни, так неизбежно, неотвратимо зависящей от меня. Я не могла тогда понять, что вместе с первым толчком моего ребенка во мне родилась мать и что эта забота — не оступиться (в прямом и переносном смысле) — теперь у меня будет на всю жизнь.

Как же мы ждали его, нашего первенца! С того памятного дня я прислушивалась к себе — к нему! — едва ли не ежеминутно. Каждый его толчок вызывал тревогу и нежность. Когда он уж очень сильно начинал брыкаться, я тревожилась: нормально ли это? Можно подумать, что у него там десяток рук и ног! А может быть, он там кувыркается?

Зато Борис был очень доволен:

— Акробатом будет! Или бегуном. Уж мы с ним побегаем.

— А может, бегуньей?

— Мне все равно, «хоть полосатенький, хоть в клеточку», только бы поскорей.— Он ждал своего «полосатенького» с детским нетерпением. Это меня смешило и трогало. Посмотрит он, бывало, на меня как-то странно, как на чудо какое-то, скажет: «Даже не верится, что через год у нас кто-то уже бегать будет к этому времени?»

— Так уж и бегать,— сомневалась я,— хоть бы ползал...

— В год-то! Ты что! Да мы с ним...

— С ней...— ехидничала я.

— Да все равно! Ты, главное, давай поторапливайся, все сроки прошли! А не могла бы ты постараться да сразу троечку, ну хотя бы двоих, а?

А срок и правда приближался: остался месяц... неделя...

И вот я в предродовой палате, отчетливо помню момент: где-то закричал младенец, потом другой — видимо, настало время кормить, а здесь все было слышно. Я даже не поняла, что это. А потом: «Ой, ведь это те, что уже родились...» Я лежала и слушала крики, а сердце билось: «И мой так же закричит?»

Роды были нелегкие, но я готова была выдержать все, лишь бы «закричал так же» и мой. Я очнулась от его крика: надо мной склонилось доброе морщинистое лицо нашей няни, тети Дуси.

— Это... кто... кричит?..— шепчу спекшимися губами.

— Сын! («Сын!») Ишь раскричался — не унять! А то было никак не хотел голос подавать — отшлепать пришлось негодника.

«Сын, у меня сын!» Как передать то, что происходило со мной? Эти мгновения вознаграждают за все страдания — так они прекрасны.

Акушерка, возясь с ребенком (Моим! Сыном!), привычно пошутила:

— Небось, больше не придешь к нам, не захочется?

— Приду...— пропищала я едва слышно. Да мне все теперь было нипочем — все позади и сплошное ликование внутри: сын! Я тогда не знала, что самое трудное позади, да самое сложное впереди. Эту премудрость я постигла лишь лет пять спустя. А тогда одно было в голове: я — мама.

Но увидела я сына только на вторые сутки, когда мне его принесли кормить. Если бы я знала, сколькими страданиями обернется это для нас с сынишкой: и нехваткой молока, и бессонными ночами, и жестоким диатезом... Да, если бы я знала, что всего этого можно было легко избежать, покормив малыша в первый час после рождения, я бы тогда, наверное, утащила его из детской и покормила сама. Но я не знала... Когда сестра положила передо мной тугой сверток и я взглянула на красненькое сморщенное личико, я... Я помню все, каждая клеточка моего тела помнит минуты этого блаженства, когда мы впервые оказались рядом. Он сосал, а я смотрела, смотрела на его крохотные бровки, реснички (все настоящее!), потную прядку волос, прилипшую ко лбу... Слезы у меня лились сами собой. О чем я думала тогда? Не помню. Какое-то половодье чувств, а не мыслей — никогда ничего подобного не испытывала я раньше. Тут и страх (как бы с ним чего-нибудь не случилось: вдруг уронят, вдруг он захлебнется, вдруг...), и жалость, желание защитить, укрыть, никому не отдавать... и умиление бесконечное. Да что там — это надо испытать. Мне жалко мужчин — им этого не дано... Впрочем, это не совсем так.

Теперь известно, что если отцу дать подержать только что родившегося младенца, то подобное же чувство испытывает и он. И это так действует на мужчину, что он мгновенно привязывается к малышу и не чувствует впоследствии никакой растерянности перед ним и отчужденности, которая так часто бывает у отцов, особенно молодых. Может быть, на бурном эмоциональном подъеме от тревоги за мать, от счастья благополучного исхода и первого потрясающего ощущения — крохотного беспомощного существа на своих ладонях — в мужчине и рождается потребность защитить рожденную им жизнь, рождается отец? Тогда зачем же лишать наших мужчин этих прекрасных мгновений?

Когда сестра пришла забирать детей (она так и объявила с порога: «Хватит, мамаши, забираем ваших орунов!»), у меня задрожало все внутри — не надо! — но как я могла не подчиниться? Сестра бесцеремонно, с привычной ловкостью подхватывала младенцев и по двое уносила из палаты, одинаковых, как полешки. Матери провожали их осиротевшими глазами. Я лежала опустошенная, разбитая и несчастная: как он там? Ну зачем его взяли?

Спустя 20 лет, когда я прочитала, что новорожденному необходим физический контакт с матерью («кожа к коже») сразу после рождения, я тотчас вспомнила то свое состояние разбитости и тоски после разлуки с сыном, и отчаяния от того, что молоко у меня так и не появилось в последующие два дня. Меня окрестили «немолочной мамой», и я потеряла всякую надежду на то, что у меня когда-нибудь прибавится молоко.

Так начались трудные будни.

А потом был яркий июньский полдень. Мы с сыном возвращались домой. Мы шли по тропинке вдоль железнодорожной насыпи. Я нарочно выбрала этот безлюдный путь — нам надо было побыть одним. Я просто не выдержала бы ничьего присутствия: только мы и солнце, мы и небо, мы и наш сын! Как нежно и бережно нес отец драгоценный сверток, как трогательно заглядывал под кружевную простынку и говорил изумленно: «Спит...» И смотрел на меня — как смотрел! По-моему, самые счастливые мгновения в любви именно эти.

ЧТО ГЛАВНОЕ В САМОМ НАЧАЛЕ

И вот наконец мы дома. В первые минуты — усталость и растерянность: что делать, за что хвататься, кормить ли, пеленать ли? Да его и развернуть страшно! И страшно подумать: когда же он теперь вырастет? Начался тот самый кропотливый, однообразный материнский труд, который хоть кого повергнет в уныние и отчаяние.

Я скисла в первые же дни. Еще бы: ни опыта, ни знаний, к тому же мало молока, зато много настойчивых советчиков, противоречащих друг другу. Трудно. И не нашлось ни одного человека, который бы сказал: «Оставьте мать в покое, дайте ей опомниться и самой разобраться, ей надо приноровиться к ребенку. Это главное сейчас». Золотой этот совет я даю дочерям в наследство: кто и что бы ни говорил матери, надо помнить — главное для начала именно это — приспособиться матери к малышу, малышу — к матери, а отцу — помочь им в этом своей заботой, ласковой поддержкой даже в мелочах. Особенно в первые месяцы, когда маме так трудно. Не кормление по часам, не стирка и глажение пеленок, не суета с прогулками и купаниями — не это должно быть главным.

С самого начала надо учиться наблюдать, приглядываться и стараться понять, что малышу нужно, что хочется, а что ему неприятно, что значат его вопли, кряхтения, гримасы, чихания и т. д. А с другой стороны — обязательно! — что нужно самой матери, как облегчить, упорядочить вереницу дел, как высыпаться, когда почитать или выбраться в кино (да, да!), как, наконец, привести себя в порядок: мать должна быть прекрасной, как мадонна! Это время первых «диалогов» со своим малышом, первых контактов и первых открытий — одно из счастливейших в жизни матери и отца. Оно потом не повторяется никогда.

Знаю, девяносто матерей из ста обвинят меня в преувеличении. Все они согласятся, что, конечно, счастье, когда здорового малыша кормишь и ласкаешь, когда ребенок первый раз улыбнулся, потянул к тебе ручки, когда его пушистая головка щекочет тебе шею и подбородок, когда он первый раз скажет «ма-ма!» — ну кто же этого не знает? — это действительно незабываемые мгновения жизни, как бы награда за все труды. «Но то мгновения, а что между ними? Особенно первые месяцы — кошмар! Эти бессонные ночи, бесконечные пеленки, соски, прогулки, болезни, крик этот невозможный, и одно и то же, одно и то же — невыносимо. Даже подумать страшно, что это может повториться. Ни за что! Сыта этим «счастьем» по горло»,— сколько раз я слышала это от матерей.

Ну как с этим спорить — все так. И все не так! Может все быть не так — вот в чем дело! Во-первых, изменив стиль обращения с малышом, можно значительно облегчить жизнь матери, а ребенка сделать намного крепче и здоровее. А во-вторых, очень многое зависит от отношения самой женщины к своему материнству.

Вспомнились мне сейчас две случайные встречи. Первая надолго оставила во мне странный, тревожный след, хотя была совсем короткой и мимолетной. Я увидела в скверике нескольких молоденьких мам с колясками и неожиданно почувствовала, что жалею их: «Бедные... сами еще девчонки...» Это было так непривычно для меня, что я даже остановилась и долго смотрела им вслед: что это со мной? Когда-то и я слышала в свой адрес: «Бедная, куда ж такая обуза?»— но только смеялась в ответ, даже если было очень трудно, никогда несчастной себя не считала и вдруг сама... Что это? Старею, что ли? Но при чем здесь старость? Может, устала за двадцать лет? Не знаю, не понимаю... После этого случая еще несколько раз при виде молодых матерей ловила себя на том же тягостном чувстве жалости и печали. И огорчалась: да что же это такое?

Потом была встреча другая. Запомнилась она до мелочей. Стоит перед глазами и тесный дворик, и простенькая немодная коляска, и мама в опрятной яркой косынке... Я забрела сюда в тень отдохнуть — уж очень тяжелы были сумки с покупками. А солнце так припекало. Сижу, блаженствую, вдруг слышу звонкий, вроде девчоночий голос: «Сейчас я тебя на солнышко!» — и катится коляска, а в ней крохотный еще — месяцев трех — малыш в одной распашонке: шевелит себе голыми ножками и ручками и таращит на белый свет глаза-пуговки. А за коляской торопится худенькая девушка, скорее, даже девочка. Поставила коляску под дерево, сказала: «Ты не шуми тут, я сейчас белье вынесу» — и вприпрыжку к подъезду. И полминуты не прошло, а она с большим тазом и ожерельем из прищепок уже назад мчится. Весело было смотреть, как мелькало в ее быстрых руках пестрое бельишко. Вот уже одна веревка полна, перешла к другой, коляску передвинула поближе. Сама белье вешает, сама разговари-

вает с малышом, да еще и песенку какую-то мурлычет — вот прелесть-то! Я не выдержала:

— Славный малыш. Братишка?

Она рассмеялась.

— Сын! Правда, хороший? — она ловко вынула ребенка из коляски и начала его тетешкать на руках. Тот заулыбался беззубым ртом.

— Он меня уже знает! — глаза ее сияли.

— Простите...— смутилась я,— да сколько же вам лет?

— Девятнадцать.— Она говорила просто, без смущения и жеманства.

— Учитесь?

— Нет, работаю... сейчас пока дома. Да еще выучусь! Вот подрастет наш Петр Петрович — тогда уж...

— Трудно вам с ним? Или кто-нибудь помогает?

— Да нет, мы отдельно от родителей живем, сами управляемся. Папа у нас молодец, правда, Петушок? Мно-о-ого зарабатывает,— вдруг протянула она и засмеялась.

Я не уловила иронии в этом одобрительном «мно-о-ого».

— Ну это хорошо, вам хоть спокойно год можно дома побыть.

Она фыркнула:

— Ой, да он студент, ему еще год учиться. Но он, и правда, подрабатывает — ночным сторожем работает. Со стипендией — 110 рэ! — Это прозвучало гордо, без всякой иронии.

Я не удержалась от маленькой «провокации»:

— А в ясли не хотите отдать? Вам бы легче было.

— Что вы! Он там плакать и болеть будет. Я знаю: он без меня не может...

Я смотрела на нее и любовалась. «Интересно,— подумалось мне,— тоже ведь девчонка совсем, а разве скажешь про нее — бедная? Впору позавидовать этой маленькой маме — так и светится вся».

Я шла к метро не торопясь — хотелось подольше сохранить в себе эту нечаянную радость. Бывают же такие подарки судьбы — даже сумки стали легче... Стоп! «Светится вся» — да ей же нравится быть мамой! Ничто ей не в тягость: ни куча белья, ни возня с малышом, ни 110 рэ на троих, ни стоптанные босоножки... «Золотая девчонка,— думала я с нежностью,— хоть бы и Петя ее был ей под стать. Да будет! С такой женой у любого парня «все путем» пойдет. А потом она за любого и не пошла бы, дождалась бы своего... Повезло Петру Петровичу на маму...»

Вот и задача: возраст один, а мамы разные. Значит, не в слишком юном возрасте дело, а в том, с чем они к этому возрасту пришли. Вот идет мать-«мученица»: унылые, не усталые, а именно унылые, тусклые глаза, опущенные плечи, вялая походка — навалилось на нее это материнство невзначай, совсем ни к чему — как ее не пожалеть? А вот... подождите, давайте поищем совсем молоденькую, вроде той моей «маленькой мамы»... Нет, нет... не та... Вот похожа немного, да нет, все не то... Может быть, действительно та мать лишь исключение? Может быть, сначала надо состояться — стать на ноги профессионально, социально, материально? Но где на это взять время двадцатилетним? Я в этом отношении пришла к своему материнству зрелым человеком. Однако не значит же это, что подготовка будущей матери должна продолжаться до тридцати? Да и в чем она должна состоять?

Помните письмо, с которого я начала свою книгу: мать готова была с детьми играть, рисовать, заниматься чем-то интересным, а пришлось «научиться готовить, наводить и поддерживать порядок, укладывать спать...». Куда же от этого денешься? Никуда. Каждой матери предстоит и «экзамен на хозяйку».

НАДО ЛИ БЫТЬ ХОРОШЕЙ ХОЗЯЙКОЙ?

Странный вопрос, не правда ли? То, что я мало была приспособлена к домоводству, усложняло мою жизнь массой раздражающих мелочей, отнимало много времени на дела, которые у хорошей хозяйки идут как бы сами собой. И я досадовала поначалу и на себя, и на собственную матушку: вот, мол, сама домом почти не занималась и меня не приучила. Надо мной до сих пор подтрунивают, потому что я белье выжимаю, иголку держу, пальто надеваю почему-то по-мужски. «И кто только тебя учил?» — спрашивают. А я не помню. Училась как-то сама, жизнь заставляла, но многого не знала и не умела. Короче, как появилось у меня собственное хозяйство, так я и жалеть стала: не успеваю, потому что не умею, а учиться-то когда? Однако что поделаешь — училась: на ходу, на бегу. И пугалась: как же я дочек своих буду учить — и некогда, и не умею.

Меня эта моя нерасторопность мучила основательно. Хорошо, что я работы никакой не боялась и училась всему быстро, но до совершенства мне дойти так и не удалось, и хозяйка из меня получилась неважная.

Однако обнаружилось в этом моем явном недостатке и достоинство! Я не сразу поняла это. Помог понять рассказ одной славной женщины о том, как она к хозяйству приучалась. Начала она так:

— А знаете, стыдно признаться, но я до замужества не только никаких домашних обязанностей не знала, но даже и постель за мной мама убирала — до 23 лет.

— Вы на себя наговариваете,— не поверила я.

— В самом деле, всему пришлось заново обучаться. Но очень захочешь — научишься. Дело в том, что это мое неумение помогло мне в семейной жизни. Сейчас я все объясню.

У меня в детстве были две подружки, которых матери еще до школы приучали к хозяйству. Дома у них все блестело, и дочери умели буквально все и очень этим передо мной гордились, а их матери втихомолку осуждали мою маму: тяжело, мол, дочери, в жизни будет. Представьте себе, получилось наоборот. Все мы уже, конечно, работаем, замуж вышли, дети у всех. Иногда встречаемся. И вот слышу жалобы от них: ничего не успевают — ни в кино, ни в театр, даже книгу почитать, и то только перед сном что-нибудь легонькое. Все время отнимает работа да хозяйство — даже с детьми поговорить некогда.

Странно, думаю, а я успеваю, даже мужу помогаю, когда надо, и на сына у меня время находится. Как это? Самой даже любопытно стало. Потом разобралась: да ведь они этим своим хозяйством были совершенно закабалены! Въелась в них с детства привычка к идеальной чистоте, к изысканному столу, ко всем этим чайным церемониям, семейным ритуалам. Если что-то не так, мелочь какая-нибудь: брошенная не на месте книга, невытертая сегодня пыль, даже хлеб, нарезанный не так,— настроение портится. Это раздражает, выводит из себя. И вот постоянно только чистят, моют, скоблят, варят, жарят без передышки. По-моему, и домашним их это в тягость — как в музее живут: до всего дотро-

нуться страшно. Уж они теперь и сами понимают, что глупо в конце концов так тратить жизнь, но не могут, понимаете, не могут остановиться — в привычку вошло. У меня просто: есть время — стираю, убираю, даже пироги пеку. Если же какое-то дело поважней есть, все хозяйство в сторону и никаких угрызений совести и переживаний. Освобожусь — сделаю. А нет — никто не осудит: не бездельничаю же я. И нам всем легко в семье. Бывает, конечно, и недовольство: того нет на месте, этого никак не найдешь в самый нужный момент. Поворчишь-поворчишь, да и дело с концом. Или объявляем «всесемейный розыск» и находим...

Такой вот рассказ. Правда, интересно? Собственно, я пришла к тому же: выбирала что важнее и делала это в первую очередь. Но всегда испытывала какое-то унизительное недовольство собой — опять не успеваю, не успеваю, не успеваю! А тут повеселела, даже легче стало. С тех пор сознательно учусь отделять важное от второстепенного. Ошибаюсь, конечно, но науку эту постигаю с удовольствием. А поскольку я домашнему хозяйству с детства подчинена не была, то и стало оно в нашем семейном государстве на свое, подобающее ему место.

Э-э, напрасно обрадуется тот, кто склонен отлынивать от домашних дел,— ничего общего с выбором это не имеет. И кислое выражение лица перед миской с картошкой, которую надо очистить,— признак больших будущих неприятностей.

Проблема быта оказалась очень непростой, и мне пришлось несколько раз пересматривать ее с разных точек зрения. Чтобы потом к ней не возвращаться, продолжим разговор о быте. Он прямо выходит на важнейшую тему — материнство.

Обычно считается, да и я так долгое время думала, что пеленки, кастрюльки, щетки, веники только помеха в материнском деле. «Мать должна заниматься не питанием, а воспитанием, духовным ростом своих детей: интеллектуальным, нравственным, эстетическим — на этом должны быть сосредоточены ее силы» — так я лет десять назад написала в одной из своих статей. А теперь говорю домашнему труду спасибо — даже с чувством некоторого стыда за то, что когда-то считала его работой низшего сорта.

Снова вернусь я к той «маленькой маме» из московского дворика (простить себе не могу, что не узнала, как ее зовут). Чем я залюбовалась в ней прежде всего, еще до того, как она взяла на руки сынишку, до нашего разговора? А тем, как она работала. Она белье вешала, как песню пела. Она наслаждалась, вдыхая запах чистоты и свежести. Радовались ее руки, ощущавшие хорошо отжатую, прохладную ткань, радовались ее глаза, которые скользили — любуясь! — по пестрой, колышущейся на ветру гирлянде всех этих славных детских вещичек, радовалось все ее гибкое, молодое тело солнцу, ветру, движению и, главное, тому, что рядом сын, что он смотрит на нее. Это для него летали ее руки, и сияли глаза, и веселилось белье на веревке. Проза жизни у меня на глазах превращалась в высокую поэзию одухотворенного человеческого труда. И это видел, этому радовался человечек, который сам еще ничего не умел.

Первые впечатления. Как утверждает наука, они играют огромную роль в жизни человека, в становлении его характера и чаще всего связаны с матерью, с ее движениями, мимикой, прикосновениями и ее... работой. Да, да, с той самой ежедневной домашней работой, которой она занимается на глазах у ребенка. Как она это делает, от этого зависит у малыша эмоциональное восприятие

ее действий, ее трудовых усилий, а значит, вырабатывается — подумать только! — отношение к труду со знаком плюс, со знаком минус или безразлично-нулевое.

Когда я до этого додумалась, мне стало не по себе: а что, если именно так и закладывается эта основа основ человеческой личности, ее нравственный стержень?

Но это еще не все. То, что делает мать дома: от стирки и уборки до праздничного пирога,— все это она делает не для себя, а для тех, кто с ней рядом. А значит, в каждом заштопанном носке, в каждом разглаженном платочке — тепло ее рук и сердца. Как-то я умилилась, услышав от рабочего человека:

— А я новые рубахи не люблю, да и из прачечной тоже. Холодные они, чужие. А вот женой штопанные-залатанные самые мои любимые. Они как-то теплей.

— А как же,— сразу согласилась с ним одна моя знакомая, которой я рассказала об этой мужской прихоти,— это не прихоть! Я сама штопаю, глажу, а сама о нем думаю. Передаешь мужу рубашку, а в ней забота, любовь моя... Без этого семья — не семья.

Вот так прямо и сказала: семья — не семья. А живут они с мужем вот уж больше тридцати лет, ладно живут, красиво. Поневоле прислушаешься да задумаешься над ее словами.

Выходит, домашний труд может стать настоящей школой заботы и внимания к близкому человеку не на словах, а на деле.

Есть и еще одна сторона домашнего труда, которая требует особого внимания. Сейчас стремятся все рационализировать, механизировать бытовые хлопоты, часто пользуются Домом быта и всевозможными мастерскими. Но надо же знать меру: необходимо выбрать, какую работу переложить в чужие руки, какую обязательно оставить.

Почему «оставить», да еще «обязательно»? Кому это нужно? Да нам, всем нам, а особенно нашим детям. Сомневаетесь? Что это, мол, за реабилитация примитивного ручного труда, от которого нас, слава богу, все больше избавляют машины? Давайте разберемся.

Накопилось много свидетельств, что разнообразный ручной труд, развивающий руки, как ничто иное развивает и ум. Утверждение Карла Маркса о том, что надо «работать не только головой, но и руками», обычно все знают, но многие ли догадываются о том, что этот «естественный закон природы» действует с первых месяцев жизни человека. Через руки малыша, овладевающие разными предметами домашнего обихода, поступает так много информации в мозг, что он развивается гораздо успешнее, чем если бы оставить ребенка один на один лишь с игрушками.

Есть у нас в Подмосковье город Загорск. А в нем уникальное детское учреждение, где люди творят настоящие чудеса: слепоглухонемых детей (вдумайтесь: слепых, глухих и немых!) учат пользоваться орудиями труда, домашней утварью, письменными принадлежностями — короче, реальными вещами (не игрушками!), в которых как бы аккумулировалась изобретательская мысль человека. Не глаза, не уши — руки делаются чуть ли не единственными возбудителями мысли.

Так как же не воспользоваться в семье этим верным способом развития Человека? Поэтому и надо обязательно оставить что-то для ручного труда дома.

выделить для этого удобное место, не жалеть денег на хорошие инструменты, приспособления, приборы. Скажем, я всячески культивировала бы в доме всевозможную починку одежды, утвари, мебели (это прекрасно: дарить вещи вторую жизнь), мелкий, а по возможности и значительный ремонт квартиры (всем вместе!), всякое рукоделие (вышивка, вязание, выпиливание, выжигание и т. д.), украшающее жилье.

Вспомним: в народе всегда стремились приохотить, а не принудить детей к труду. Знали: охота пуще неволи, а поэтому считали: пусть для них «труд обернется сначала нарядной своей стороной». Именно с рукотворной красоты и начинался путь ребенка в мир труда. Решалось таким путем сразу несколько важнейших воспитательных задач: главное, возбуждалась тяга, любовь к труду, интерес к творческим его сторонам и в то же время вырабатывались терпение, внимание, выдержка, способность к большим напряжениям, преодолению себя; сызмальства отшлифовывался эстетический вкус, побуждающий впоследствии доводить сделанное до совершенства, исподволь внушалось: некрасивое значит недоработанное, «до ума» не доведенное.

Сейчас возрождается интерес к разным народным ремеслам — как будто сами руки наши истосковались по разнообразной тонкой творческой работе. И прекрасно, боюсь только, не превратился бы этот труд в сотворение сувенирных безделушек, предназначенных для того, чтобы на стенку ставить или на стену вешать. Между тем народ полотенца вышивал, ложки расписывал, украшал свои вещи не для выставки — для употребления: венчалось красотой дело, а не безделье.

Не увлеклась ли я: что-то уж очень много про быт, про хозяйство, про домашний труд. Но если вдуматься: ведь наш дом не только моральная, но и материальная микросреда, которая является как бы продолжением каждого живущего здесь. Тут, в своем доме, человек может больше, чем где-либо, быть самим собой, потому что везде он должен прежде всего приспосабливаться к миру, а здесь он мир приспосабливает к себе.

И первый этап познания и преобразования мира для ребенка проходит именно здесь — в нашем доме. Как же, зная это, можно пренебречь домашним трудом?

Трудно и долго я постигала эти для кого-то, может быть, простые истины. Да и буду еще постигать. Пока же поняла вот что.

Надо все дела в доме делать толково, умело, не стесняясь для этого учиться, чтобы не было лишней суеты, неразберихи, чтобы бытовая бесхозяйственность не стала своеобразной нормой отношения к вещам, к организации труда не только дома. Никаких разбросанных вещей, прорех на рубашках, засаленных фартуков — это, кроме всего прочего, просто неэстетично, отдает пещерным существованием. Разве не так? Кроме того, безалаберность, бестолковщина раздражают, мешают жить и делать более важные дела. Упорядочить быт нелегко, но можно. А чтобы этот процесс не был нудным, чтобы сэкономить время и силы, надо вносить в него выдумку и изобретательность, научиться работать вместе с детьми. Просто не представляю себе, как без этого обойтись в воспитании. На игрушках, играх и «воспитательных» беседах далеко не уедешь, а вернее, уедешь «не туда».

Дома надо всем, но особенно матери, работать радостно, что называется с душой, чтобы тепло было всем в доме не только от результатов уже сделанных

дел, но и от самого процесса труда, от бодрого настроения во время работы, от ощущения заботы и доброжелательности ко всем, для кого делаешь даже черную, грязную работу.

Однако — внимание, мужчины! — доброе и бодрое настроение хозяйки в доме зависит от двух условий. Первое: домашняя работа не должна быть свалена на одного. Это, надеюсь, доказательств не требует. А вот второе... Известно, что любой труд нуждается в признании, иначе он превращается в отбывание, в принудиловку — тут уж не до радости. У домашнего труда есть своя оплата, несравнимая ни с какой другой,— чувство благодарности тех, кому он предназначен. Но это не тяжкое ощущение зависимости от того, кто тебя облагодетельствовал, «обслужил», для тебя чем-то пожертвовал, из-за тебя надрывался. Нет-нет! Чувство истинной признательности не имеет ничего общего с этой «эксплуатацией наизнанку», так же как и с унизительной «чаевой благодарностью» тех, кто отделывается от тебя карманными, а не душевными затратами. Подлинная благодарность не унижает, а возвышает и дарящего ее (он благо дарит), и принимающего этот прекрасный дар души.

Все это, конечно, идеал, к которому надо стремиться. И мне, и всем нам в семье до него далеко. Однако сдвиги есть, особенно если учесть, как много мы напутали с самого начала...

В наших дневниках тех лет нередки такие записи: «Ребята с каждым днем хуже и хуже относятся ко всякого рода нужным делам: уборке, заготовке дров и т. п. Все неохотнее их делают»; «Обидно и горько, что не получается, как хочется. Одно несомненно: в приучении ребят к порядку, к участию в нашем труде, к самообслуживанию мы предъявляем им очень мало требований и очень непоследовательны. Я этим грешу, пожалуй, больше, обещаю то, что не всегда выполняю, нудно настаиваю на своем».

БЕЗ ДЕТЕЙ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАМ НЕЛЬЗЯ

Как же беспомощна я была, сколько ошибок наделала и пустячных, и непростительных! Можно только удивляться ребячьему терпению. Со временем я поняла: главное — осмыслить, прочувствовать конфликт и извлечь из него урок. Вот так и накапливается опыт. Разумеется, не все запомнишь, да вовсе и не обязательно запоминать, а тем более записывать. Но события-то происходят ежедневно, ежеминутно, чуть ли не ежесекундно! И каждый раз отзываться на них приходится немедленно: в книгу не заглянешь, консультироваться не у кого да и некогда, «на потом» тоже не отложишь — как тут не наделать ошибок? О том, что они есть, всегда дадут знать дети: капризами, протестами, какими-то отклонениями от желаемой нормы. А ты, мама, каждый раз разберись, пойми, учись, «не позволяй душе лениться». И да здравствуют ошибки! Если они заставляют думать и становиться... добрей.

Никак не могу обойтись без восклицательных знаков, а ведь понимаю, что они часто лишь запутывают мысль. Вот и сейчас я вспомнила строгого Корчака, у которого нет пустых проходных фраз. В каждой — мысль, а подспудно эмоция — взведенной пружиной. Вместе все действует убедительно, неотразимо, точно.

Например, его мнение (оно прямо противоположно моему) о ежесекундных и ежеминутных откликах на события: «Несказанно важно делать редкие, но

массированные замечания в виде дружелюбной беседы. Мы обычно боимся, что ребенок забудет; нет, он хорошо помнит, это, скорее, мы забываем и поэтому предпочитаем разделаться «по горячему следу», иными словами — не вовремя, жестоко».

Мне даже досадно стало, когда я прочитала первый раз эти строчки: а я-то думала... ну, конечно, Корчак прав. Я и сама много раз убеждалась в том, что в раздражении, то есть «по горячему следу», можно столько дров наломать, этих самых ошибок натворить... Лучше все-таки их предупредить. Поэтому не торопиться, сосчитать хотя бы до пяти, прежде чем отозваться. А еще лучше «дружелюбная беседа», для которой, конечно, надо выбрать подходящее время и место. Я согласна, разумеется, согласна... Но подождите, я не могу совсем отказаться от своих слов, я знаю, что в громадном большинстве случаев дети нуждаются в мгновенной реакции взрослого. И потом, какие же беседы с годовалыми, двухлетними, даже трехлетними? Это с пятилетками можно уже пробовать «говорить по душам», да и то не с каждым и не всегда, а раньше... А-а, вот в чем дело: доктор Корчак общался в основном с детьми уже «сознательных» возрастов, а мне, матери, приходится сначала иметь дело с младенцами, для которых слово без эмоции ничего не значит, а эмоция даже без слов — самый понятный язык. Но чувство на потом никак не отложишь, упущенного момента не вернешь.

Когда годовалый исследователь начинает стучать ложкой по кастрюльке, вы можете улыбнуться, по тарелке — вы нахмуритесь. А по стакану? А если вздумает стукнуть по маминой руке или щеке? А вдруг ударит по пальчикам себя? Ну, конечно, вы отреагируете немедленно и по-разному. Сколько же таких «ложек» перебывает за день в руках неутомимого человечка? Про двух-трехлетнего я уж и не говорю — там задачи для взрослых потруднее. Понятно, что жить попроще да полегче дети не дают и потом. Но это же и прекрасно! Они — вечный двигатель нашего развития, который творил бы с нами, взрослыми, чудеса, если бы не наша лень и не наша уверенность в собственной непогрешимости.

Конечно, все мы учимся и у своих родителей, и у старших, и из книг, наконец, все искусство — об этом: как протянуть друг другу руки, понять себя и людей. И все же, по-моему, по преобразующей силе воздействия на человека ничто не может сравниться... с собственными детьми.

Люди, взрослея, часто утрачивают многое из того, чем так богато детство: непосредственность, свежее восприятие мира, неуемную любознательность и интерес к жизни, бескорыстие и глубину чувств... Общение с детьми заставляет как бы вернуться к этому животворному истоку жизни, постоянно поверять взрослую трудную жизнь надеждами и мечтами детства и юности. Кроме того, дети, живущие рядом,— это твое постоянное отражение, которое не сфальшивит: каков ты, таковы и они. Никакое самое разнообразное общение со взрослыми этого не дает — слишком осложнено оно всевозможными условностями, знаниями, званиями, корыстными соображениями. А с детьми...

В педагогической литературе мне часто встречалась одна и та же мысль: воспитатель должен постоянно следить за собой, воспитывать себя, подавать детям пример. И мне всегда от этой вроде бы правильной мысли становилось не по себе: быть только на высоте? Вести себя только образцово-показательно? Я давно поняла, почувствовала, что главное условие контакта с детьми — иск-

ренность: с ними надо быть самим собой. Это меня всегда выручало. Однако как спорить с авторитетами?

И вдруг в «Календаре для родителей. 1982» (М., 1981. С. 57) читаю слова Б. Шоу: «Правильное воспитание детей в том, чтобы дети видели своих родителей такими, каковы они в действительности». А позже в воспоминаниях Т. Сухотиной-Толстой нахожу: «Пожалуй, что правду говорят папа́ и князь, что надо делать так, как хочется, чтобы тогда, когда сделаешь дурно, чувствовать это. А если всегда делать хорошо, то делаешься собой довольна, и это очень противно». Как обрадовалась я этим мыслям! Ну конечно, старание быть лучше, чем ты есть на самом деле, приведет к самодовольству, самоуверенности, а открытость, естественность заставит и успех, и ошибку пережить, перечувствовать, а значит, чуть-чуть измениться к лучшему. По ответной реакции детей всегда можно определить и свои промахи, и свои победы в сложном деле налаживания отношений. Ох и трудны бывают «детские» уроки! Мобилизуешь все для их решения: и чувства, и интуицию, и разум... Зато, если получится, прямо-таки физически ощущаешь: еще чуточку человека в тебе прибавилось. И в детях твоих тоже... Если бы я сама этого не испытала, не поверила бы.

Скажем, всем нам хочется, чтобы наши дети были заботливы. А научить их этому — задача потруднее, чем самому проявлять заботу о них. Давно замечено, что нравоучения надоедают и не трогают; напоминания и упреки вызывают раздражение и строптивость; хуже всего подкуп: «Я тебе конфетку, а ты мне...» — это первый шаг к вымогательству, внешней заботе с подтекстом: «Что я с этого буду иметь?» Нет, нет — все это не то!

Самая распространенная ошибка — отстранить ребенка от всех дел, отказываться от его помощи, потому что матери всегда проще и быстрее что-то сделать самой, чем научить этому малыша. Каждый ребенок обязательно пытается подражать работающему: берется за веник или пылесос, за посуду, тряпку... Вот тут-то его бы и не оттолкнуть, а подбодрить, даже если мусор попадает не туда, куда надо, а чистая чашка плюхается снова в мыльную воду. Это пока еще не желание помочь. Важно пробудить у ребенка желание помочь. «Спасибо, мой помощник, как хорошо с тобой работается, как быстро мы все сделаем!» Дайте ему, вашему несмышленышу, радость почувствовать себя умелым, нужным, незаменимым! Минуты, затраченные на переделку, на обучение (ласковое, тактичное), на разговоры с ним, обернутся потом часами сэкономленного времени и той драгоценной заботой — помощью, о которой мы все, отцы и матери, так мечтаем.

Есть здесь, на мой взгляд, одна психологическая тонкость, которая до меня дошла не сразу. Не замечали ли вы такое: одному человеку помогать приятно — он искренне радуется помощи, даже гордится ею, его чувство благодарности действует вдохновляюще, поднимает тебя в собственных глазах, начинаешь чувствовать себя сильным, щедрым, нужным, и хочется быть таким долго-долго... Может быть, в этом заключается секрет известной женской «слабости», которая стимулирует мужское великодушие, сознание своего мужского достоинства, даже чувство ответственности?

А есть другие люди, как бы монополисты на любовь к ближним. Они сами — сплошное самопожертвование, но заботу о себе не приемлют. Среди женщин сейчас это встречается не так уж редко. Может быть, это одно из последствий эмансипации: сама, мол, могу и ни в чьей помощи не нуждаюсь?! Не миновало

это и меня. Помогли разобраться дети. Началось, наверное, все с того, что я как-то стеснялась помощи, отстраняла все попытки мне помочь. Даже гордилась тем, что могу обходиться без чьей-либо помощи: дескать, жалость унижает, забота нужна только слабому, а слабой я себя считать не хотела! Вот и получилось постепенно: и муж, и малыши перестали замечать, что я в помощи все-таки нуждаюсь, и чем дальше, тем больше. Прошел год, второй... И накапливались во мне обида и недоумение: почему же они такие бесчувственные?

Выход оказался прост и естествен: мы стали учиться заботиться друг о друге, думать больше не о своих нуждах, а о нуждах другого. Например, не я стала говорить: «Помоги мне вымыть пол», а отец: «Ну-ка, давайте маме поможем с уборкой!»

Я как-то подумала: все-таки удивительно устроена семья — ничего лучшего для нашего взаимного совершенствования в области человеческих отношений еще не придумано да и вряд ли будет изобретено. Посмотрите, какое диалектическое единство: дети бурно растут, меняются ежедневно, чуть ли не ежечасно, а мы, взрослые, уже малоизменяемы, стабильны. Детям нужна наша устойчивость, надежность бытия для защищенности, уверенности в незыблемости мира. А мы, взрослые, имея дело с постоянно меняющимся «материалом», вынуждены не ржаветь, не плесневеть — «самозатачиваться», чтобы не отстать от детей, быть для них ведущими надолго.

Все то, что я пытаюсь объяснить так многословно, Пушкин выразил в нескольких фразах. И как сказал! Не могу удержаться от удовольствия снова и снова вместе с вами перечитать эти удивительные строки, с которыми Александр Сергеевич обратился к жене на четвертом году их супружества. Подчеркиваю: **на четвертом** — т. е. тогда, когда семейная жизнь успела одарить поэта не только розами, но и шипами. Наталья Николаевна в одном из писем, по-видимому, выразила беспокойство, что семья обременяет поэта, не дает ему сосредоточиться на творчестве. И вот его ответ: «Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас» (8 июня 1834 г.). Воистину здесь нечего ни убавить, ни прибавить — по этому закону надо просто ж и т ь.

КАК БЫТЬ С РАБОТОЙ

БУНТ ПРОТИВ ЭМАНСИПАЦИИ

Читатель вправе спросить: «Семья, дети — это прекрасно. Но КАК БЫТЬ С РАБОТОЙ, той самой, которая, помнится, была у вас когда-то главным смыслом жизни?»

Только об этом можно было бы написать отдельную книгу — так много всего связано с этой трудной темой: от личных моих переживаний до глобальных социальных проблем. Проблемы оставим специалистам, а я займусь «переживаниями». Я прошла через все сомнения, не исключая крайностей. «Золотую середину» найти оказалось нелегко.

Я уже говорила, что вступила в сознательную жизнь с бесспорным предпочтением профессионального общественного труда всем остальным видам деятельности. Подчинять личное общественному было для меня законом жизни. Так жили мои отец и мать, многие рядом с нами, все лучшие люди, которых я знала. Сейчас мне страшно подумать об этом, но я могла отказаться иметь детей, если бы они помешали моему делу, примеров тому история женской эмансипации знает немало. Но родился сын, потом второй — я окунулась в мир незнакомых мне, удивительно светлых и чистых радостей и в омут бесконечного, однообразного — но необходимейшего! — домашнего труда.

Началась какая-то совершенно новая для меня жизнь, в которой — я сразу почувствовала это! — я стала центром крошечной вселенной, ее своеобразным солнышком, без которого не только голодно, но и холодно всем большим и маленьким в доме. Если где-то там, за стенами дома, я была одной из многих, как бы вполне заменимой деталью, то здесь я оказалась незаменима. Каждый день, уходя на работу в библиотеку, я то и дело оглядывалась назад и долго видела две крошечные фигурки у калитки: они стояли, пока я не скрывалась с глаз. А я шла и чувствовала, что не должна уходить от них, что я делаю что-то не то, почти преступление. Ясли? Детский сад? Какие ясли? Теперь я и представить себе не могла, чтобы отвести своих малышей куда-то в чужие стены и отдать их в чужие руки. Мы нашли выход в том, что работали в разное время: Борис — с утра, я — вечером... И вот за 12 лет — семеро ребят и, кроме очередных и четырехмесячных декретных отпусков, ни месяца пропуска на работе. Почему?

В самом начале: как же это — не работать? Потом: тяжело, непривычно, нудно целый день в домашней круговерти. А уж затем заработок, он был просто необходим нам тогда — жили мы трудно. И я снова и снова каждый день

шла на работу, но было все тяжелее уходить из дома. Я исподволь чувствовала, что тут я нужна, что, уходя, я в чем-то обездоливаю не только детей, но и мужа... Я пыталась заглушить это чувство, считая его непростительной женской слабостью. Как я ошибалась! Из того времени в нынешнее до сих пор тянется немало наших семейных трудностей, а сделать что-то уже нельзя: время упущено, то самое, когда все только начиналось. Я испытывала все чаще недовольство собой, острое чувство вины перед детьми, которым так не хватало моей ласки, тепла, моего внимания да просто налаженного упорядоченного быта.

В конце концов я пришла к настоящему бунту... против эмансипации. Я все больше убеждалась в том, что воспитание — самое что ни на есть государственное, общественное дело, в котором женщину-мать заменить не может никто.

Надо сказать, что все дети в то время у меня были еще маленькие, и, рвущаяся между всеми навалившимися на меня обязанностями, я бунтовала: матери так нельзя!

Нам в то время подарили репродукцию картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта». Она висела у нас в комнате на самом видном месте и смущала меня своей тихой умиротворенностью и спокойной сосредоточенностью прекрасного материнского лица. Я вглядывалась в него и вспоминала пушкинское: «Служенье муз не терпит суеты...» — и снова и снова думала: «Самое великое в жизни женщины — материнство, потому что именно оно дает все творческие начала рожденному человеку. А мы, современные матери, на кого мы похожи? Что мы несем своим детям?» — и расстраивалась, не видя выхода.

Вот тогда мне и попалась на глаза статья Л. Н. Толстого о чеховской «Душечке». Я приняла его взгляд сразу и безоговорочно. «Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обойдемся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее,— без таких женщин плохо было бы жить на свете».

Я донимала всех этой цитатой и своими саркастическими замечаниями в адрес современных «э-ман-си-пе» и издевалась даже сама над собой: «Туда же: статейки пишешь, с трибуны выступаешь — лучше бы дома порядок навела, Цицерон несчастный...» Смешно сейчас вспомнить, а ведь было, никуда не денешься. Пришлось мне переболеть и этой «подростковой болезнью» самоотрицания и скепсиса. Заставила меня опомниться и «уравновеситься» простая мысль, показавшаяся мне поначалу парадоксальной: «А наши матери?» Я вспомнила тех, кого знаю,— не цацкались они с нами, своими детьми, пропадали с утра до вечера на работе, а из ребят надежные вышли люди: работящие, совестливые, добрые. Как так? Тут же вспомнились две нынешние знакомые — в прошлом домашние хозяйки; ничего путного из их воспитательной деятельности не вышло, хотя дома сидели «ради детей».

Разумеется, примеры можно привести и другие, прямо противоположные. Статистики у меня нет, и ни на какой серьезный вывод на основании этих фактов я не решаюсь. Просто воспроизвожу ход своих размышлений, чтобы доказательней (так мне кажется) прозвучало то, что хочу дальше сказать.

Наши матери, нынешние прабабушки, вырвавшись из многовековой домашней неволи, брались за любое дело с благороднейшим настроением подвижничества и отдачи. Одно это уже делало их незаурядными личностями и вызывало гордость и уважение детей. Но было и другое: их отношение к материнству

еще сохраняло старые представления о нем как о священной обязанности женщины, ее долге перед обществом. Поэтому им была присуща большая ответственность за то, какими вырастем мы, их дети. И наша жизнь, хоть и росли мы чаще всего без присмотра, всегда находилась под пристальным вниманием матерей. Тут нет никакого противоречия. Мы были действительно предоставлены самим себе, но твердо знали, что все главные события каждого дня будут интересны, а потому и известны матери и отцу.

Итак, увлеченные своим делом родители (это всегда чувствовалось в доме!) и их интерес к нашей детской жизни — вот то главное, что растило нас. Родителям и в голову не приходило спрашивать с кого-то качество воспитания сына или дочери. Они спрашивали с себя и нас.

Матерям их участие в общественном труде помогло самоутвердиться, зажить полнокровной жизнью. Такую мать невозможно представить себе обслугой, жертвенницей, рабыней при детях, муже. И это было прекрасно.

Что же произошло с нами, их дочерьми, а теперь уже и с внучками? Почему мы так заметались? Да что там заметались — многие уже без особого колебания «сменили детские коляски на телевизоры», на путешествия, на диссертации. Почему? Отчасти я уже ответила на этот вопрос, когда рассуждала о последствиях женской эмансипации, но там о материнстве я пока не вспоминала. Теперь эта тема становится для меня главной.

Итак, уважаемая обществом «священная обязанность» женщины быстро (за два поколения!) превратилась в непрестижную функцию — в простое деторождение или воспроизводство населения (слова-то какие!)

Размышляя над этим вопросом, я поняла, насколько тесно он был связан с политикой, превращающей людей в винтики государственной машины, которая успешно вытравляет у женщин всякое стремление стать матерью. Любая работа выглядит привлекательней, чем воспитание детей. Там — восемь часов да еще выходные, отпуск, а дети — это забота и работа круглые сутки, месяцы, годы. Без передышки! Там — квалификация, мастерство, а с детьми — почти все ощупью, как в потемках. Там — зарплата, повышение благосостояния, а дети, как известно, сплошные расходы.

Что могло оправдать огромный труд, вкладываемый в развитие ребенка? Чего ради молодая мать, бросив интересное дело, друзей, развлечения, должна была погрузиться в мир повседневной работы по уходу за младенцем, переносить его болезни, капризы, вечно дрожать за него, ночи не спать, да при этом совершенно не быть уверенной в том, что вырастет тот, кого хотелось бы вырастить. Со всех сторон она слышит: «Как трудно с детьми!»; «С младенцем сидеть — хуже работы нет!»; «Ох и дети трудные нынче пошли — одно мучение!» А в то же время слышит и другое: «Вы, родители, в ответе...»; «От вас зависит...»; «Вы должны... вы обязаны, вы виноваты!.. »

— Нет уж! Мне это ни к чему. Слава богу, в цивилизованной стране живем — запросто и без детей можно обойтись, а если уж родился — в ясли его, в сад, продленку, детдом — там специалисты, им платят... Логично!

Еще сто лет назад проблемы не было: рождалось сколько «бог даст». Женщина примирялась с этим как с неизбежностью. Да иных дел для нее, как известно, и уготовано не было. Смысл ее жизни сосредоточивался на материнстве, и для большинства женщин оно сводилось к тому, чтобы прокормить детей, уберечь от болезней, не надорвать ранней тяжелой работой.

Выходит, раньше женщины не могли миновать материнства, потому что оно было неизбежно — так распорядилась природа, да и жизненно необходимо: требовались наследники и кормильцы, прежде всего на этом зиждилось в обществе уважение к материнству. А зачем им теперь этот тяжелый пожизненный труд? Попробуйте ответить на этот вопрос убедительно, у меня долго это не получалось даже для самой себя. Потом наконец поняла, что в наше время материнство может стать не просто подчинением природе, не только долгом перед обществом, но тем, чем оно и должно быть у людей,— главной духовной потребностью в прекраснейшем из творчеств — в сотворении нового человека как продолжения себя. Эта потребность в духовном бессмертии всегда была уделом немногих, а должна стать достоянием всех!

Я отдаю себе отчет в том, что говорю, пожалуй, слишком торжественно. Но как сказать об этом иначе? А главное, как к этому прийти? И как все-таки быть с работой? Я отвечу на эти вопросы. Но прежде расскажу об одном своем открытии.

ЧЕТЫРЕ НАШИ «ИПОСТАСИ»

Постоянное унизительное ощущение своей несостоятельности подчас ввергало меня в уныние и даже отчаяние. Но я сопротивлялась, изобретая для себя всякие способы утешения и взбадривания. И вот однажды горестные размышления привели меня к настоящему открытию. Оно помогло мне понять не только себя, но и других, подтолкнуло к очень важным мыслям и выводам.

А дело было так. Как-то, в «минуту жизни трудную», когда я еще раз окончательно убедилась в своей бездарности и неприспособленности, а заодно в мужской черствости и неблагодарности, я взяла листок бумаги и, капая на него слезами, вывела на нем: «Мои обязанности». Потом зачеркнула «мои», написала «наши» и разделила листок вертикальной чертой: сейчас посмотрим, у кого из нас получится больше — мне очень хотелось доказать мужу, что я... впрочем, и так понятно, что я хотела доказать.

После не очень долгих размышлений и немногих зачеркиваний я обнаружила в каждом из нас по четыре «ипостаси» (ипостась — от греч. hypostasis — сущность, основание). Каждой из них соответствует своя сфера деятельности. Если совсем коротко, то вот они:

он — работник, муж, отец, хозяин дома;

она — работница, жена, мать, хозяйка дома.

Сразу хочу объяснить, какой смысл (условно!) я вкладываю в эти термины, чтобы не было путаницы в дальнейшем.

Работник и работница — сюда я включаю профессиональную и любительскую деятельность (или поиск ее), в которой человек осуществляется как мастер. Это буквально работа, за которую мы получаем зарплату, или общественное дело на благо людей, или это хобби, где мы удовлетворяем какую-то свою потребность в творчестве.

Муж и жена — две первоосновы семьи, мужское и женское ее начала, взаимонезаменяемые и взаимодополняющие друг друга. Их человеческая любовь, сплетенная из трех влечений — души, ума и тела, создает условия для расцвета личности мужчины и женщины. Известно: мужчина — полчеловека, женщина — полчеловека, только вместе они человек.

Отец и мать — это не просто родители, а люди, взявшие на себя ответственность за тех, кого они родили, перед самими собой, перед детьми и перед обществом, в котором их дети будут жить. Вклад каждого в эту общую ответственность своеобразен и невосполним. От их гармонии зависит будущее счастье их детей.

Хозяин и хозяйка дома (быт) — создатели (тоже каждый по-своему) той самой материальной микросреды, которая помогает всем живущим здесь чувствовать себя действительно как дома, в котором жить сами стены помогают — так до мелочей все знакомо и подогнано каждому по душе.

Конечно, у нас много других обязанностей, но все они второстепенны по сравнению с этими четырьмя.

Итак, главные наши «ипостаси» у меня перед глазами. Справедливость и равноправие пока налицо: получается, как в песне — все пополам. Однако пойдем дальше. Теперь надо бы прикинуть, сколько у кого и на что идет времени. Вот сейчас сразу и выяснится, что на хозяйство и детей у меня уходит больше времени, чем у него,— это раз. Затем я чаще, чем он, трачу время, например, на помощь в его делах: плакаты рисую, рукописи правлю, игры делаю (одних рисунков к ним сколько!). И вообще давно уж стараюсь вникать во все его заботы, чего о нем, например, по отношению ко мне сказать нельзя. Да, нельзя!.. Мне снова становится жалко себя: совсем, совсем у меня не остается времени на какие-то свои дела, даже почитать не успеваю, разве это справедливо?! А он...

А что он? Тут я «натянула вожжи»: «Давай все же по совести». В самом деле, сколько он отдает времени детям: разные игры, пособия, спортивные сооружения — и все своими руками. А дом? Ремонты, бесконечные починки, перестройки — все на нем... Тут я вспомнила его руки в вечных ссадинах и мозолях — и стыдно стало: что же это я считаться вздумала? Да он даже ночами сидит над своими таблицами, статьями, книгами, рукописями, кубиками, графиками; если его не накормишь, он и не попросит, позабудет, а я ...

И скомканный листок летит в корзину. Так бы и не состояться моему открытию, если бы не пришла мне в голову такая странная мысль: «Вот у Бориса все ясно: главное — дело, остальное — постольку-поскольку. А у меня что главное? И есть ли оно у меня?» Я стараюсь везде успеть одинаково, но...

Я снова достала выброшенный листок, расправила его и задумалась. И правда, за все хватаюсь, а ни в чем фактически не состоявшийся человек. До высокого профессионализма в своем библиотечном деле я так и не доросла и вряд ли дорасту — нет возможности всерьез сосредоточиться на нем, семья требует многого. Так, теперь жена. Гм... Душечки из меня пока не получилось — «только учусь». Но учиться этому, не ломая себя, а перестраивая, сложно: здесь требуется перестройка двух — меня и его. На одно это целая жизнь нужна, а где же у нас запасная?

Мать... Нет, об этом потом. Сначала хозяйка — тут проще. Из меня хорошей не выходит. Раньше я и не старалась в этом преуспеть, а теперь хоть бы и постаралась — ничего не выйдет, потому что домашнее хозяйство потребует еще половину меня, а у меня же еще дети — их я никак не могу поставить на последнее место. А сейчас вышло на последнем? Нет, надо совсем не так. Во-первых, я — мать, наверное, это главное... Да какое же главное, если ребят не вижу по целым дням, не знаю, как у них в школе, не успеваю с ними даже поговорить! Ну, совсем запуталась...

Тут-то и появилось спасительное: да надо ли везде успевать одинаково? Всякое дело требует сосредоточенности. Нельзя же быть (для меня, по крайней мере) сосредоточенной сразу на всем. А если установить очередность дел по их важности. Но в разное время, в разных обстоятельствах, у разных людей и очередность эта будет неодинаковой, например: до женитьбы и после того как в семье появился ребенок. У мужа одна роль, у жены — другая...

Я увлеклась и, поколдовав на бумаге, сначала разграфила, а потом (после долгих размышлений, колебаний и перестановок) заполнила графы вот так:

	Периоды жизни	Самое главное	На 2-м месте	На 3-м месте	На 4-м месте
1.	Наша юность — до встречи с нею (с ним)	Поиск дела, работа	Поиск его (ее)	Родители его (ее)	Быт
2.	От встречи до рождения ребенка	Он (она)	Работа	Быт	Родители его (ее)
3.	В семье дети — дошкольники	Он: работа Она: дети	Жена Муж	Дети Работа	Быт
4.	Когда дети — школьники	Он: работа Она: дети	Дети Работа	Жена Муж	Быт
5.	Дети выросли (от 16—18 лет и старше)	Работа	Он (она)	Дети и внуки	Быт
6.	Нам за шестьдесят	Он (она)	Работа	Внуки	Быт

Непривычно? Сложно? Скучно? А может быть, просто смешно? Для кого как, а для меня это и было открытием, прямо-таки «таблицей Менделеева» семейной жизни. Чтобы никто не догадался о происхождении этой «социологической таблицы», я дала своему несерьезному детищу самое серьезное название: «Схема предпочтений семейно-социальных ролей мужчины и женщины в разные периоды их жизни» — и стала показывать ее разным знакомым, не признаваясь в авторстве. Результаты были неожиданны: шуточной мою затею никто не признал, наоборот, она вызывала удивление, споры, нередко даже возмущение: «Когда это сотворили, в прошлом веке, что ли? Где это видано, чтобы у женщины в самый расцвет ее жизни — от 20 до 40 лет! — на первом месте были дети?! А в самом начале ее профессиональную деятельность вытесняет на третье место еще и муж? Ничего себе, равноправие!»

Одна моя давнишняя приятельница, женщина деловая и эрудированная, в качестве опровержения «этой чепухи» принесла даже книжку А. Горбовского «Год 2000 и далее» и показала мне подчеркнутые красным строки: «...По утверждению некоторых западных футурологов, в мире будущего «дети будут составлять редкость»... Материнство уже не будет в почете; появление ребенка начнут воспринимать как угрозу всеобщему благополучию». Я полистала книгу,

увидела названия глав: «Дипломы и книги вытесняют детей», «Телевизоры вместо детских колясок»... Мне стало не по себе.

— Но это все же не про нас,— начала было я.

Она перебила:

— Этот процесс идет во всем цивилизованном мире. Так чему же верить? Откуда ты взяла эту «схему»? Какой чудак ее составил?

Пришлось признаться. Она расхохоталась:

— Как ты только до этого додумалась! У самой семеро — понятно, смыслом твоей жизни стали дети, так ты теперь и другим его навязываешь. Ну вот, ты даже родителей на третье место загнала у молодых: «Предки, вы — пройденный этап!» Так, что ли?

— Да почему же пройденный этап? На третье место — это не значит «позабыты-позаброшены». Я ведь говорю: важно все, ни о чем нельзя забывать, но что-то становится в определенный период жизни главным, как бы доминантой, к которой подключается остальное. Ты сама много о своих родителях думала, когда к своему Сане на свидания бегала? Один Санечка и был на уме. И правильно: до родителей ли тут? Раз в жизни выпадает у человека время, которое можно и нужно отдать своей половине. Ведь это на всю жизнь, всему основа.

— Основа,— фыркнула она,— ты же знаешь, не вышло у нас с Александром жизни.

— Значит,— смеюсь,— поторопились: свиданий недобор вышел.

— Да ну тебя! — отмахнулась она.

Так я ни в чем ее и не убедила, да, собственно, и не пыталась. Мы думали, говорили, чувствовали на разных языках, причем она, бездетная, считала себя «шагом вперед» на пути цивилизации (недаром красным карандашом подчеркнула те ужаснувшие меня строчки), а меня, многодетную,— атавизмом, явлением отживающим, бесперспективным... Что ж, тут еще было над чем подумать: я и сама считаю, что у цивилизованных людей многодетность — удел немногих, тому есть существенные причины.

Раньше, сколько бы ни было детей в одной семье, их воспитывали не столько сами по себе родители, сколько традиции, поддерживаемые всем окружающим ребенка миром. Ими руководствовались и матери, и отцы, и деды, и бабки — все. И вмешательство извне в этот традиционный ход жизни встречалось неприветливо, осуждалось. И понятно: «мир» утверждал так свою основательность, устойчивость, жизнеспособность и не позволял никому своевольничать, расти вкривь и вкось, как заблагорассудится. Жесткая получалась педагогика, но зато она выводила в люди надежно, давала и нравственный стержень, и рабочую хватку, и навыки общения с людьми.

Теперь же, хоть и есть у нас, конечно, общепринятые нормы поведения, многие старые традиции уже не действуют, а новые еще не успели устояться. И родителям приходится каждого из детей самим выводить на определенный «уровень социализации», прежде чем они окажутся в руках специалистов — воспитателей в детсадах и школах. А если учесть, что в этом процессе наше общественное воспитание пока может больше помешать, чем помочь, то рассчитывать родителям надо только на свои силы. Это дело требует кропотливого труда, большой сосредоточенности, высокой культуры общения, огромной ответственности — без всего этого большая семья, по-моему, теперь не может быть благополучной.

Когда у нас дети были маленькими, я, отвечая на вопрос «Сколько надо иметь детей?», храбро (и искренне!) говорила: «Чем больше, тем лучше». Теперь, когда я узнала, какого напряжения требует от родителей взросление одного-двух, а тем более многих детей, я отвечаю иначе:

— Один — плохо; это, кажется, уже не нужно доказывать. Двое — лучше, но между двумя близкими по возрасту детьми всегда стоит альтернатива: или-или, и дети часто бегут к взрослым, как к судьям. Оптимально, по-моему, трое, потому что «триумвират» всегда может сам себя обслужить — и в деле, и в игре, и в конфликтах он составляет такое сообщество, где всегда есть «большинство», присутствует «лесенка возрастов» и где поэтому нет нужды часто обращаться за помощью к матери и отцу. Четверо и больше детей для тех, кто обладает особым желанием и умением сосредоточить свое внимание на детях, но внимание, которое им не во вред!

Это вкратце. Как видите, для меня многодетность вовсе не образец для подражания. Но считать бездетность благом для людей и для человечества?! И обвинить меня в том, что свой смысл жизни навязываю другим?! Этого моя душа не принимала. Конечно, я давно уже интуитивно чувствовала (и моя схема отразила это), что главным делом женщины (подчеркиваю: не единственным, а главным) действительно должно быть материнство. И это нужно, жизненно необходимо не только детям, но и нам, женщинам и мужчинам. Но как это доказать?

Я смотрю на свою схему. Мне уже много раз пришлось и комментировать, и отстаивать ее. Я могу объяснить, почему я выбрала именно это расположение всех «ипостасей» — все не случайно и все взаимосвязано в моих рассуждениях. Конечно, это всего лишь схема, наивная попытка объять необъятное, но чем дальше, тем больше серьезных размышлений вызывает она у меня. Я спорю и сама с собой. Особенно трудно мне было объяснить и оправдать вот что.

— Как же так? — говорили мне.— Женщина получит образование, а профессионально не состоится, отстанет от коллег, деквалифицируется — кто же на это согласится? Это обидно для самой женщины, невыгодно государству.

— Но,— пыталась возразить я,— если главное для матери — дети, это вовсе не значит, что она совсем не должна работать. Работать надо обязательно, но...

— Что — но? На полставки? Менять профессию? — спрашивали меня, и я не знала, что ответить. И правда, страшно потерять квалификацию в любимом, избранном деле. Самые молодые, а значит, самые плодотворные годы отдать детям? А потом упущенного не вернешь! Так? Против этого трудно было возразить. Но интуиция опять-таки подсказала: материнство не помеха в деле, а путь к его одухотворению, своеобразному очеловечиванию, что ли. У матери каждый день общения с людьми наполняется животворной силой доброты и сочувствия — эти материнские чувства обязательно распространятся на всех людей, которые рядом. Стремление к овладению мастерством согрето у нее желанием быть в глазах детей созидателем жизни, а не жалким потребителем ее благ. Нет, материнство и работа обогащают, должны обогащать друг друга! Но как же тогда самые лучшие молодые годы для творчества? Ведь они же и лучшие годы материнства. Как это совместить?

Однажды мне попала в руки статья Д. Н. Карпухина и А. Б. Штейнера «Женский труд и труд женщин» (см.: ЭКО. 1978. № 3. С. 38—39). Меня заинтриговало прежде всего само название — давно думала о том, что у женского труда обязательно должна быть своя специфика. Начала читать — интересно, очень интересно! И вдруг абзац, который меня просто ошеломил: в нем разрешалась моя мучительная задача, как соединить несоединимое. Я очень благодарна авторам статьи, но мне кажется, что они сами не вполне оценили то, что написали, а мысль, на мой взгляд, наиважнейшая.

«Социально-экономическая эффективность труда женщин полнее достигается только в тех видах работ и только тогда, когда учитываются специфика и особенности женского организма.

Различаются ритмы развития физических, интеллектуальных и иных способностей, которые рассматриваются как предпосылки производственной (профессионально-трудовой) деятельности женщины и мужчины. Они подчинены разным физиологическим законам, проявляются в разные периоды жизни. Так, изучение изменений умственных и психотехнических способностей людей в разном возрасте, проведенное французскими исследователями-врачами, показало, что у мужчин наилучшие показатели наблюдаются в возрасте 20—40 лет, после чего способности их постепенно ослабевают; у женщин, наоборот, в период наибольшей гормональной активности — в возрасте вступления в брак и материнства (20—30 лет) умственные и психотехнические показатели оказываются наиболее низкими; по мере приближения к зрелому возрасту они улучшаются и в возрасте 40—60 лет остаются стабильными».

Но ведь это великолепно! Сначала женщина должна состояться как мать, а затем (обогащенная материнством!) — профессионально. И это физиологией как бы предусматривается: одно другому, оказывается, не мешает. Наоборот!

Все стало на свои места: по моей схеме и мужчина сосредоточивается на главном деле в лучшие для этого годы, и у женщины работа выходит на первое место как раз между 40 и 60 годами, когда ее «психотехнические показатели улучшаются (!) и остаются стабильными». Главное мое сомнение разрешилось, последнее звено в цепи моих долгих размышлений сомкнулось: да, прежде всего женщина должна состояться как мать.

Но эта уверенность не облегчила решения практической задачи: как же все-таки быть с работой женщин-матерей? Хорошо, что наконец обратили внимание не только на физические возможности женщин, но и на их психотехнические особенности, с которыми нельзя безнаказанно не считаться. Дело науки — решить эту сложную проблему. Мне же нравятся две афористичные мысли, которые совпали с моими: «Женщине — умное сердце, мужчине — добрый разум»; «Мужчине — все о немногом, женщине — немного обо всем».

А что, если здесь есть рациональные зерна, из которых может вырасти и рациональное решение проблемы? Я много раз убеждалась, что мать должна знать «немного обо всем». Есть чудесная сказка Туве Янссон «Муми-тролль и комета». Мы так веселимся, когда читаем ее вслух. Для ребят там — сплошные приключения, а для меня — педагогика. Особенно трогательна и смешна Муми-мама, которая «знает и умеет все». Когда над долиной троллей нависла грозная опасность — к Земле приближалась комета, даже и тогда все были

почти спокойны: ведь мама была рядом и, конечно, знала, как избавиться от этой напасти. Сказочница лукаво советует маленьким читателям: если ты не знаешь чего-нибудь, спроси у мамы — она все знает, в этом совсем не приходится сомневаться. Как известно, «сказка — ложь, да в ней намек...». Я сама с детства немного рисовала, пела, конструировала, сочиняла стихи, танцевала, вышивала и еще что-то там умела, но если бы этих умений у меня было в пять, десять раз больше, мне все пригодилось бы в моем материнском деле, я бедствовала из-за того, что умею так мало и так плохо.

Жаль, что у нас нет (а я уверена — будет!) серии книг «Жизнь замечательных матерей», а то бы мы узнали, что эти матери отличались тем, что были разносторонне образованны. Так, мать Ф. Э. Дзержинского воспитала восьмерых детей , оставшись в 32 года вдовой. Всех сама подготовила в гимназию, так как знала языки, высшую математику и физику, умела и любила преподавать, петь, музицировать. Обратите внимание: музыка, пение, рисование, языки — дети входили в мир прекрасного с легкой руки матери, в тепле родного дома, а не в официальной обстановке. Как же это помогало общению матери с детьми, как много духовной пищи давало детям! Марина Цветаева вспоминает, что из материнских запасов они с сестрой черпали всю жизнь.

Сейчас детей тоже охотно приобщают к искусству: водят в музеи, театры, на концерты, выставки, записывают в разные студии, кружки. И неизбежно получается суетно, колготно, шумно, поверхностно: то ли это приобщает, то ли отвращает — неизвестно. В результате такого принудительно-экскурсионного «приобщения» к прекрасному страдает прежде всего само прекрасное: как затоптали, заездили все наши святые места! Но главное в другом: от подобных посещений не прибавляется ничего в душе. Я бы сделала духовные наши святыни заповедными. Никаких шоссейных дорог, автобусов, отелей, мотелей и прочих туристских облегчений: слезай с колес километров за двадцать (а то и пораньше!), иди пешком да по дороге думай, куда и зачем идешь — готовь себя к Встрече. Думаете, это уж чересчур? Нет! Убеждена, что свидание с Красотой, как свидание с Чудом, должно проходить уединенно, трепетно, благоговейно. Только тогда оно оставит след в душе. Это, конечно, особая тема — неловко говорить о ней вскользь.

Вернемся к профессиональной подготовке будущих матерей. Последняя глава уже упомянутой мною книги П. Ф. Каптерева посвящена как раз тому, о чем хочу сказать. Как же мне на нее не сослаться? Была бы возможность, я цитировала бы эту книгу страницами — настолько все в ней современно, актуально и просто близко мне. Ограничусь главным.

Подробно анализируя душевные свойства женщины, автор приходит к выводу, что женский психический тип в силу материнских функций принадлежит «гению сердца» (преобладание чувства), а мужской — «гению ума» (преобладание рационального мышления). «...Мы должны признать оба их, в строгом смысле слова, недостаточными, односторонними, так как, несомненно, совершенный, полный тип должен заключать надлежащую гармонию между умом и сердцем, должен сочетать силу мышления с силой и тонкостью чувствований» (Там же. С. 112). Реально ли существование такого полного типа? Да, однако это не значит, что нам предстоит одинаковость, уподобление друг другу. «Культура и воспитание должны поставить своей задачей не изменение самого корня, самого существа женского или мужского типа, но правильное развитие их силь-

ных сторон и смягчение недостатков и односторонностей» (Там же. С. 118). И это не просто общая фраза. П. Ф. Каптерев намечает обоснованную и четкую программу участия женщины в культурном преобразовании общества. Может быть, современные научные деятели обнаружат в его рассуждениях некую «отсталость», неклассовый подход, идеализм и прочие грехи. Не мне судить. Но П. Ф. Каптерев заставил меня размышлять, помог в материнской практике, чего я не могла почерпнуть ни из одной прочитанной мною современной книги.

Итак, «корень женского типа» уходит в материнство, которое требует высочайшего развития чувств. Образование и профессиональная деятельность должны развивать, а не угнетать эту сильную сторону женской психики. Должны, но не делают этого. Мы со школьной скамьи привыкли думать, что дворянское воспитание девушек было убогим, ибо сводилось к рукоделию, фортепьяно, танцам да французским романам. Сколько издевок и горечи по этому поводу можно найти в литературе прошлого! И справедливо — ограниченность здесь очевидна. Но почему мы упорно не хотим замечать в этом «дамском» воспитании заботы об истинной женской сути — об эмоциональном развитии, которое немыслимо без регулярных и упорных тренировок?

Сейчас мы усиленно заговорили о том, что надо внедрять во все школы музыку, ритмику, изобразительное искусство. Спохватились! Оказалось, что в воспитании чувств без искусства не обойтись, а без культуры чувств не обойтись в жизни. Правда, пока о специфике женского воспитания и речи нет. Однако эта проблема существует и скоро мы будем вынуждены признать, что дворянские «кисейные барышни» в известном смысле были подготовлены к своей материнской роли лучше, чем наши женщины. Сколько раз сама я жалела, что не умею играть ни на одном инструменте, не знаю ни одного иностранного языка, не обладаю художественным вкусом, не владею средствами общения: мимикой, жестами, интонацией... Придется учиться, опять учиться, в том числе и у «благородных девиц».

Я не думаю, что выскажу утопические мысли, если предположу, что в будущем откроются высшие учебные заведения для матерей — с широким диапазоном курсов и практикумов и с правом по выбору применить полученные знания как в семье, так и в общественных воспитательных учреждениях. Вечерние и заочные их отделения примут начинающих мам, которые смогут без отрыва от производства посвятить часть времени собственному (действительно разностороннему!) развитию, а значит, впоследствии развитию своих детей. Я сама с удовольствием поступила бы в такой институт — на бабушкин факультет. Не смейтесь: бабушкам тоже так много надо уметь, а целое поколение неумелых бабушек уже выросло из умелых работниц: они же не накапливали опыта общения с детьми. Не случайно женщины старшего поколения сейчас нередко вместо умиротворения вносят в отношения с молодыми заряд напряжения и разлада.

Мечтаю я еще и о науке, которая занялась бы проблемой женских и мужских профессий, изучила бы влияние разных профессиональных навыков на эмоциональную сферу женщины. Я, например, думаю, что должности или профессии, где требуется принимать серьезные решения — выбирать, отсекая что-то лишнее, ненужное, как говорится, «резать по живому»,— женщин огрубляют. Это более свойственно мужчине с его рациональным, анализирующим умом. Значит, руководить лучше все-таки мужчинам. Ближе к женщине те профессии,

которые дают выход к людям, к общению с самыми разными лицами, но не до такой степени, чтобы лица мелькали, как в калейдоскопе. Это нивелирует чувства, неизбежно упрощает, огрубляет их. Допустим, библиотекари, почтовые работники имеют дело с постоянным контингентом лиц. Это — для женщин. А вот продавцы, приемщики в мастерских — это, по-моему, больше для мужчин.

Немного скажу по поводу мужской работы: она должна заставлять мужчину втягиваться в нее всем своим существом. Легкая или облегченная работа никого еще не делала сильнее, мужественнее, находчивее, умнее. По-моему, она просто противопоказана сильной половине человечества. А как нужен детям увлеченный настоящим делом отец-мастер, для которого его дело — лучшее из всех дел на свете. Уважение к труду отца станет залогом уважения к труду всех людей, подлинная отцовская увлеченность магнитом притянет к нему ребенка, даже подростка. Тут только надо не оттолкнуть — найти способ показать сыну, дочери, на что ты способен.

Рассказывал мне как-то один отец, что, преодолев сопротивление жены и тещи, он устроил рабочий уголок в своей квартире, чтобы приучать сына к мужскому делу. И вот учить его еще не начал, а уже испытал истинное потрясение, когда увидел, как смотрит пятилетний сынишка на него, работающего.

— Вы не поверите,— говорил взрослый, вовсе не сентиментальный человек,— я такого не испытывал даже тогда, когда работал на токарном станке на глазах какой-то иностранной делегации у нас на заводе. Там просто волновался, а здесь... прямо восторг, что ли испытал: сын на меня смотрит, как на чудо, а у меня все в руках поет, получается отлично и гордость за себя просто распирает. Теперь сына от верстака не оттянешь, все просит дать ему хоть что-нибудь самому поделать...

Слушая его, я вспомнила о семейных экипажах комбайнеров, трактористов, о тех счастливых детях и отцах, которые узнали радость общего — не игрушечного, не учебного — настоящего труда.

А женщинам что, противопоказано увлечение своим делом? Наоборот, для нее это необходимо, но — делом, которое помогает ее материнству. Покуда наука рекомендаций на этот счет не дает, каждой из нас приходится решать эту проблему, исходя из своих возможностей. Я оставила работу в школе и перешла в библиотеку, как только почувствовала, что школа не оставляет меня в покое и дома, «не отдает» меня семье, а библиотечная работа позволяла четко разделить две сферы моей деятельности. Тридцать минут дороги от работы до дома стали для меня временем отдыха и переключения от одной роли к другой.

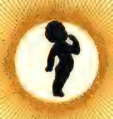
Эта смена занятий и позволила мне их осилить. Понадобился приработок — стала швеей-надомницей.

Помогала мне вся семья, и проработала наша «Ниточка-Никиточка» больше двух лет. Заработок, правда, мизерный (рублей 20—30 в месяц при почти ежедневной двух-трехчасовой работе). Уставала я страшно. На пределе был и наш папа. Но ни разу он не упрекнул меня и не просил уйти с работы, «сесть с детьми дома», «бросить эту волынку с шитьем». Наоборот, выполняя на нашей «фабрике» скромную обязанность «подсобного рабочего», он не обижался на то, что по производительности труда его обгоняли даже маленькие дети (пальчики у них действительно двигались быстрее). Как и во все, за что ни брался, он вносил в дело свой азарт и изобретательность — не начальником был, а

старательным и веселым товарищем, которого нередко сами ребята обучали новым операциям или приемам работы. Сколько было удовольствия от этого общего труда, сколько мы делали открытий в ребячьих характерах! Впрочем, в своих — тоже.

Вот так — ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ — и шла наша жизнь, и в ней проходили мы свои родительские университеты. Не сразу, а лишь спустя много лет мы осознали, что каждый из нас проходил разные предметы этой жизненной школы. Отец стал организатором детской ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Он предоставил детям столько возможностей для приложения ума и сил, что их всегда тянуло с улицы в дом, а не наоборот: дома им было и н т е р е с н е е! На меня же, естественно, легла главная обязанность матери — налаживание ОТНОШЕНИЙ в семье: мне больше всего хотелось, чтобы детям в доме было как можно т е п л е е.

Вот уже почти тридцать лет зовусь я мамой, десять — бабушкой, а конца моим материнским университетам не предвидится — все еще учусь. Впрочем, я не знаю, есть ли конец этой учебе. Наверное, она кончается вместе с жизнью. Каких трудов стоит эта учеба и какими радостями награждает, я и расскажу в следующей главе этой книги.

Я УЧУСЬ БЫТЬ МАМОЙ

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения. ⟨...⟩ Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения...

Я. Корчак

Я СОГЛАСНА С КОРЧАКОМ

Читатели, возможно, упрекнут меня: написала много, да все это общие рассуждения, а надо бы что-нибудь поконкретнее. Нужны четкие рекомендации (по пунктам 1, 2, 3 и т. д.), а то время терять нельзя: дети, сами говорите, не ждут — растут. Родители же, особенно молодые, ждут конкретной действенной помощи.

Отвечу на это так. Вышли наши книги, где свой опыт мы постарались описать конкретно (см. кн.: **Никитин Б. П., Никитина Л. А.** Мы и наши дети. М., 1988; **Никитин Б. П.** Развивающие игры. М., 1985), извлечь из этого опыта уроки для всех. В последней нашей совместной работе (см. кн.: **Никитин Б. П., Никитина Л. А.** Мы, наши дети и внуки. М., 1989) есть глава «Что мы узнали». В ней можно найти важные для каждой матери сведения о ребенке до рождения и в первые минуты, часы и дни его жизни, об огромном значении этого периода для здоровья матери и ребенка, для дальнейшего его физического и психического развития.

А в этой книге у меня иная задача: рассказать, как я училась и учусь **любить детей.** И здесь я сознательно избегаю давать рекомендации. В тонкой сфере человеческих отношений советы часто бывают невпопад, особенно когда они так или иначе навязываются готовыми. Я не читаю те книги для родителей, в которых сплошные «надо», «должен», «обязан». В них автор не с тобой вместе, а за тебя все уже сделал, все продумал. А я нахожу особую прелесть в том, чтобы додуматься, добраться, домучиться, догадаться самой. Это не значит, что я чужим опытом пренебрегаю. Наоборот, если постоянно сосредоточен на одном, все идет в копилку разума: какие-нибудь случаи из жизни, строки из книги, обрывки разговора, шутки, анекдоты и ученые трактаты, но все это усваивается не просто памятью, а иначе. Сопоставляешь с тем, что знаешь или чувствуешь,

анализируешь, как бы «обкатываешь» в себе. И не стараешься запомнить, а тем не менее понемногу, постепенно накапливается то, что становится твоим багажом, твоим опытом.

Помню, мне как-то пожаловалась одна бабушка, весьма образованная и умная женщина:

— Ничего не могу поделать с внучкой: я ей все объясняю, разжевываю, предупреждаю, она все понимает, а делает наоборот, будто назло.

— По-моему, она молодец,— говорю я,— она не приемлет готового знания, хочет сама решать свои проблемы. Думаю, задача воспитателя и заключается в том, чтобы дать возможность ребенку пройти путь самому, набраться своего опыта.

Я утвердилась в этой мысли позже, когда узнала, какая трагедия подстерегла дочь Герцена. Отец со своей огромной эрудицией и непререкаемым нравственным авторитетом как бы заранее разрешил для дочери все вопросы бытия. В 17 лет ей стало неинтересно, нечем жить! И она... покончила с собой. Какая страшная расплата за готовые знания...

Ниже я приведу наши дневниковые записи разных лет. Отчасти для того, чтобы компенсировать «неконкретность» предыдущих глав, но главное для того, чтобы еще раз попытаться убедить вас в том, что написал Януш Корчак и что я сделала эпиграфом к этой главе. В самом деле, легко убедиться, что почти все приведенные случаи не годятся в качестве образца. Все неповторимо в жизни, даже если, похоже, я на этом настаиваю, и не хотела бы, чтобы кто-нибудь, сославшись на один из эпизодов, сказал, например, так: «Вот видишь, как надо, а ты...» Записи эти делались для собственного осмысления всевозможных происшествий и просто на память (их так интересно сейчас читать и нам, и детям) и уж никак не предназначались для печати. Некоторые из них я попыталась прокомментировать или развить свои прежние мысли дальше — просто продолжаю думать, думать, и конца этому нет. Значит, нет конца и творчеству.

ЭТО ВЕЛИКОЕ «Я САМ»!

«30.03.1967. Анюте 2 года 8 месяцев, и она начала утверждать свое «я» (раньше мы бы сказали «капризничать»).

Надела Оля ее кофточку без спроса — плач, неудержимый и горький.

Попробовали из ее тарелки ложку каши без разрешения — то же самое.

В общем теперь я замечаю (ведь подобное было раньше и с другими ребятами): капризы, рев, крик бывают, когда действительность противоречит представлениям о ней малыша. Как правило, криком человек хочет восстановить справедливость. И если чуть предвидеть это, можно предотвратить капризы.

— Можно взять твой карандаш, Анночка? — Анка смотрит, сдвинув бровки, будто используя свое право разрешить или не разрешить, и соглашается важно и ласково: «Дя». И хорошо, что она не выносит бесцеремонности, приказного тона.

6.06.1963 г.— У меня ГАЗ-69, — говорит Алеша,— с гладким дном. Может двигаться прямо по воде. У него же дерево — сталь. Машина очень легкая, плавает здорово, а если лес, она прямо на деревья лезет. Прямо по густому лесу едет, а если волк попадется — прямо на волка.

Тинек слушает его, елозя от нетерпения, ему тоже хочется что-то рассказать, придумать:

— А вот у меня ковш... Я — мм, я — мм... потому что он сейчас копать будет...

— А давайте сделаем крутой подъем,— вдохновляется Алеша своей новой идеей.— Из раскладушки.

Пока мы с Алешей разговариваем и делаем «гору», Тинь все думает, думает и вдруг говорит:

— А отпустить руку — она сама покатится...

Я радуюсь: догадался, что машина покатится вниз! И он тоже радуется тому, что я поняла его, и что-то похожее на гордость мелькает в его глазах — гордость за свою маленькую победу — догадку.

Выслушивать надо каждого — теперь-то я хорошо это знаю. Может, так и накапливает человек чувство уверенности в себе, чувство достоинства? А если бы я не заметила его усилий, а слушала бы только Алешу?

14.03.1964. Горжусь: сегодня Алеша сам, без мамы, ходил сдавать кровь на анализ (ему 4 года 9 месяцев).

Конечно, до больницы мы шли вместе и в очереди стояли вместе. По дороге я рассказывала, как берут из пальчика кровь.

— А это больно? — тревожится Алеша.

— Немножко, но ты же видел, как папа уколол иглой себе кожу. И даже не поморщился.

Алеша как-то сосредоточился в себе, словно подготавливался к трудному. Одна девочка лет семи пошла в кабинет без бабушки, одна.

— Ого, храбрая девочка,— говорю я,— а ты так не сможешь, наверное... Да?

Алеша молча прижался ко мне: нет, чувствовалось, он не решится на это, но ему хотелось расхрабриться.

— А папа был бы рад...

И мой Алешик стал «расхрабряться». Он стоял около меня, и сердечко его билось у меня под ладонью тревожно-тревожно: трудная работа совершалась в человеке — он преодолевал свой страх!

Подходит наша очередь. Я говорю:

— Ну, пойдем раздеваться, мне тоже надо снять пальто, а то в кабинет нельзя в пальто входить,— и начинаю расстегивать пуговицы.

— Мам,— вдруг хрипловатым голосом говорит Алеша,— не надо тебе снимать пальто, я один пойду.

— Да ну? — искренне удивилась я.— Неужели не побоишься?

Мы подошли к двери лаборатории, высокой белой двери, за которой происходит что-то непонятное, таинственное, даже для меня страшноватое. Ну, думаю, испугается, не выдержит Алеша. И берусь за ручку двери сама.

— Не надо, мам, я сам,— как-то серьезно, отчужденно говорит Алеша, он весь сосредоточен на том, что сейчас будет с ним, и даже движением плеч как бы снимает руку мою с себя. Сжал бумажку (направление) в руке, посмотрел на меня и, открыв тяжелую дверь, мгновение помедлив, шагнул вперед.

— Да что же вы его одного-то отправили? — спрашивает женщина из очереди.

— Он сам захотел,— отвечаю я. Стою у двери и у самой от волнения муторно на душе. Жду: вот-вот рев послышится. Проходит минута, другая... Наконец выходит совершенно спокойный Алеша и улыбается вдруг, как солнышко. Пальчик у него в ватке. Я подхватываю его на руки так неловко, что ватка с пальчика сваливается. Мы оба очень рады. Меня распирает от гордости и радости за сынишку. Когда мы начинаем одеваться, Алеша вдруг всхлипывает.

— Что ты?

— Пальчику немножко больно,— улыбается Алеша сквозь слезы, и ротишко его немного кривится.

— Теперь уж все, скоро пройдет, это ерунда,— успокаиваю я его,— ты молодчина, самое трудное уже перенес.— И мы отправляемся в детскую консультацию: показывать реакцию Пирке на Алешиной ручке. А там говорят, что пора делать Алеше прививку против оспы и укол против дифтерии. Врач предложила сегодня сделать прививку против оспы.

— Это пустяки — царапинка,— небрежно говорю я, но чувствую, что Алешик натягивается, как струнка.

Мы входим в процедурный кабинет. Вдруг неожиданно решают сделать Алеше укол от дифтерии. Я не решаюсь возражать — растерялась от неожиданности. Алеша смотрит молча за всеми приготовлениями, но когда я начинаю поднимать ему рубашку, вдруг срывается.

— Это больно! Не хочу! — Приходится держать его изо всех сил. Он вырывается и исступленно кричит: — Не буду — бо-о-оль-но! — После укола он всхлипывает долго: обижен и на нас, и на себя, и на то, что было больно.

Но главная обида — обманули и держали силой.

Конечно, надо было бы перенести прививку на другой день и не допустить обмана.

Тогда я не осмелилась на это. Жаль.

06.08.1974 г. Люба (3 года) наступила ботинком на мое платье (я сидела на скамейке в кухне, а она топталась рядышком) и сама сообщила мне об этом:

— Я наступила тебе на платье...

— Ну, Любашенька, зачем же на платье, на скамеечку можно, а на платье...

— Нельзя! А куда еще можно?

— На пол... (А что, если спросить у самой Любы?) А на дорожку можно?

— Можно! — Любашка сразу приняла игру.

— И на стол? — Нельзя!

— А на травку? — Можно!

— А на книжку? — Нельзя!

— А на бумагу? — Нельзя!

— А на кроватку? — Нельзя!

— А на порожек? — Можно!

— А на песочек? — Нельзя!

— Почему же нельзя? На песочек можно.

— Нет, когда он мокрый, ботиночки грязные будут, а на сухой — можно! А на мокрый — нельзя!

Как приятны бывают такие неожиданные, нестандартные ответы. Подобные игры и мы, и ребята придумывали часто, малыши их очень любили. Они и для нас, взрослых, были нужны — мы постигали логику детей, учились прислушиваться к их мнению, а не подгонять его «под ответ», которого от них ждут. Иногда я нарочно запутывала ход рассуждений каким-нибудь каверзным вопросом. Задала и на этот раз:

— А на облако можно наступить?

«Нет, оно высоко» — такого ответа я жду. А Любочка вдруг отвечает:

— Нет, оно беленькое, чистенькое, хорошенькое!

21.06.1963 г.— Как хорошо — солнышко! — радуюсь я. Малыши смотрят на небо, и вдруг Алеша говорит:

— Мам, смотри: облака солнышко по небу разносят!

Я взглянула на небо и удивилась образности его видения: по небу плыли редкие облачка, и у каждого ярко розовел от утреннего солнца бок — словно кусочек солнца, солнечного света несли облака, действительно по всему небу разносили!

И мне не хочется возражать Алеше, говорить, что это просто освещены края облаков — слишком поэтичен созданный им образ! А сам при этом такой задумчивый...»

Как сохранить такое свежее восприятие мира, когда человек как бы заново каждый раз видит то, что делается вокруг него, не привыкает к этому, не становится поэтому равнодушным?

Ответить на этот вопрос мне так и не удалось, но то, что я задала его себе, уже было моей победой — я училась относиться бережнее и внимательнее к детскому образному мышлению, к самостоятельным усилиям ребенка в постижении мира.

КАК ДЕТИ УЧАТ

«05.04.1961 г. Оле 1 год 8 месяцев. Вот уже два-три дня Оля на наши просьбы отвечает невозмутимо:

— Ся-ас (сейчас)...— и обязательно медлит, не делает сразу.

Только спустя некоторое время я догадалась, что она точно копирует нас с папой. Слишком часто мы говорим:

— Сейчас, подожди немножко.

— Сейчас принесу...

— Сейчас приду, минуточку...

И вот результат. Надо посмотреть, как Ольгутка говорит свое «ся-ас» и нарочно медлит!

Придется отучиваться папе с мамой от своего возмутительного «сейчас».

25.10.1963 г. Когда Алеша был маленьким, папа мог давать ему такие уроки.

Несет папа полные ведра с водой, а Алеша стоит на пороге в коридоре.

— Пусти меня, Алеша! — А Алеша ни с места. Папа начинает его обходить стороной но так, что немножко зацепит его ведром и чуть плеснет из ведра на него холодной водой. Алеша — в рев, но завтра он только увидит папу с ведрами, сразу без напоминания уходит с дороги.

Этот «способ» Алеша (4 года) усвоил и применил вчера к Оле. Папа увидел и ужаснулся: до чего же может быть безобразен «педагогический» (специальный) прием!

23.06.1963 г. У Алеши (4 года) появилось новое «а если».

— А если ты мне эту ложку не дашь, то я есть не буду, уйду и все...

— А если ты на меня наденешь рубашку, я с вами не пойду...

Все это рассчитано на утерю его как члена данного общества, что, по его представлениям, должно быть неприятно для этого общества. Что это? Чувство достоинства или себялюбие? Скорее — первое. А может быть, это и подражание взрослым?

19.06.1963 г. Сегодня я пришла с работы, вхожу в комнату: стоит высокий стул у турников и Тинь (2 года 8 месяцев) на турнике. Я убираю стул с дороги, а мой Тинек как расплачется! Горько, неутешно, с крупнющими слезами — и сказать даже ничего не может. Оказывается, он с большим трудом этот стул сюда поставил, затем влез на турник, а потом хотел на него же и слезть, а я его убрала!

Ему еще не хватает слов для выражения своих чувств (их и у взрослого не хватает) — и вот плач.

«Как реагировать на плач?» — размышляю я (в который раз!).

Наказывать — преступно, потому что несправедливо.

Не обращать внимания очень обидно для малыша: у него неприятность, даже горе свое.

Отвлекать, как это делают (и успешно!) бабушки, тоже, по-моему, выход, удобный для взрослых, но вредный для малышей, так как не позволяет маленькому человеку самому как-то преодолеть в себе эту неприятность, пережить ее в себе, осмыслить ее по-своему.

Пожалеть («Ах ты, бедненький мой, ну иди ко мне на ручки!») и свалить вину на кого-нибудь («Ах эта мама, убрала Тинин стул, нехорошая такая!»)? Это несправедливо.

Утешать и задабривать («Ну, перестань, перестань! Ну что тебе хочется, хочешь конфетку? Хочешь книжку почитаю?») — значит потакать плачу, своеобразно одобрять плач — не годится! Но как же быть? Как выразить неприязнь к реву, но сочувствие и готовность понять и помочь малышу?

Видимо, именно так и лучше всего: неприязнь к плачу как к способу выражения чувств, но в высшей степени уважение к самим чувствам (тут тоже зависит от конкретной ситуации). Это я осмыслила и записала потом. А тогда я сказала горько плачущему Тинюшке:

— Тинек, ну совершенно не понимаю, зачем плакать,— говорю с досадой, с той, которую сама чувствую.— Ты хоть скажи, в чем дело, разберемся.

Тинек, всхлипывая, объясняет, из-за чего он плакал. Я стараюсь изо всех сил понять, что он хочет сказать, и вскоре становится ясно.

— А-а,— говорю я,— чего ж кричать? Я-то думала, что этот стул стоит на дороге и только мешает, а он, оказывается, тебе нужен.

— Нужен,— всхлипывает Тинек.

Я водружаю стул на место, и Тинек, удовлетворенный, слезает на него с турника: справедливость восстановлена.

Я, конечно, была довольна, что нашла хорошее решение да еще тут же, по свежим следам, успела подумать, осмыслить происшедшее. Если бы всегда так! В суете это часто не удается сделать. Однако, кроме нашей вечной занятости, есть еще причина плохой «успеваемости» родителей: мы следуем своим намерениям, а детей не слышим.

16.11.1962 г. Мама спешит на работу в библиотеку и зовет всех пить кофе. Папа и Алеша уже пьют кофе, а Тинь (2 года) увлекся, строит в мастерской на полу машину из деталей конструктора. Рядом он поставил трубу: вдавил алюминиевую трубку в остатки пластилина по полу — и получился бульдозер. Он так и не пришел пить кофе, только два раза приходил звать папу посмотреть, какая у него хорошая машина. Папа похвалил Тиня, а мама говорит:

— Ну кто бы из родителей допустил такое? Ребенок не слушается, не идет за стол, не ест и его не наказывают, а хвалят за хорошую машину.

— Да, мама, ни таких родителей, ни таких бабушек не найдешь.

Затем, гордясь собой, мы решили так:

1. Ради еды (и другого НЕ дела) не отрывать от занятия, которым малыш увлекся.
2. Но и не ждать его всем — семеро одного не ждут.
3. Ни в коем случае не лишать его еды, то есть не наказывать его.
4. Но отдельно ребенку не подавать — пусть возьмет сам, не отнимая у других время.

От правил, конечно, могут быть отклонения, но изредка».

Результат этих «правил» оказался плачевен: к столу собрать всех одновременно стало у нас проблемой. Видно, надо было больше следить не за «правилами», а за тем, каковы их последствия. В самом начале легче все изменить, а потом... До сих пор расстраиваются наши хозяюшки, дожидаясь едоков, у которых, конечно же, «неотложные» дела. Ну как же: приготовить еду, накрыть на стол — ведь НЕ дело... А кажется, уж все старались предусмотреть.

Как-то мы с дочерью поспорили из-за... джинсов.

— Подчиняться моде унизительно! Ведь мода — это стандарт, шаблон, а свободный человек и в мелочах должен оставаться самим собой, потому что есть реальная опасность прийти от «все это носят» до «все так думают».

— Совсем наоборот! Когда я внешне не отличаюсь от других, я как раз и могу быть сама собой — никто «в душу не лезет» и не учит жить, понимаешь? Внешняя стандартность позволяет сохранить внутреннюю свободу.

Первое мнение — мое, второе — моей пятнадцатилетней дочери. Любопытно, правда? Я так ей и сказала. Но сразу не сдалась, попыталась настоять на своем.

И тут «появилась»Мэри Поппинс. Я вспомнила, как эта пунктуальная, строгая, сказочная няня, не терпящая никаких погрешностей в одежде и поведении, поражала своих воспитанников своим абсолютным пренебрежением к принятым условностям духовной жизни и исподволь внушала им: не отличайся внешностью от окружающих — будь как все, но внутренне не подчиняйся общепринятому слепо — будь самим собой. С Мэри Поппинс, конечно, не поспоришь: она всегда права и в отличие от нас, несказочных взрослых, знает великую тайну моды, о которой я и не догадывалась до разговора с дочерью.

Было у нас в семье время, когда все почему-то «заводились» по пустякам, раздражались, легко обижались друг на друга.

А почему, я никак не могла понять и очень расстраивалась. Помог разобраться в этом сын — ему было тогда всего лет десять-одиннадцать: «Знаешь, мам, ты мне говори заранее, что мне надо дома сделать, я все сделаю, но потом ты меня уже не трогай, а то всегда так не хочется бросать что-нибудь на самом интересном месте». Меня эта просьба насторожила и заставила понаблюдать за собой, за отцом, за всеми. И знаете, что я обнаружила? Мы действительно не давали друг другу покоя тем, что то и дело могли обратиться с просьбами, вопросами, разговорами к любому, независимо от занятий и дел каждого. Мы думали, что это хорошо, такая свобода и непринужденность, а получалась обыкновеннейшая бесцеремонность, бестактность. Она-то и раздражала нас все больше и больше.

Однажды старший, 14-летний сын, вспылил и, зло бросив на ходу: «Ничего ты не понимаешь!» — громко хлопнул дверью. Так у нас с ним случилось впервые. Часа два мы дулись друг на друга. Потом я позвала сына к себе и сказала (мне было это нелегко, поверьте): «Допустим, я что-то не понимаю, в чем-то не разобралась. Ну и что? Главное, я хочу разобраться и понять. Но мне трудно это сделать, если ты мне не поможешь. Неужели ты думаешь, что понять другого человека легко? Попробуй, например, понять меня сейчас». Он посмотрел на меня с некоторым удивлением и растерянностью. «Ты считаешь, что я должна понимать тебя с полуслова, а тебе самому это необязательно? Но ведь я тоже очень нуждаюсь и в твоем понимании, и в твоей... помощи». Голос под конец у меня предательски дрогнул, и я полезла в карман за платком. Мне действительно так нужна была сейчас его помощь!

Потом, много дней спустя, он признался мне: «Мам, в тот момент я как будто старше и сильнее тебя стал...» А года через два он сумел это чувство определить: «Когда начинаешь отвечать не только за себя, но и за других, вот тогда и становишься взрослым». Но для этого вовсе не обязательно ждать, пока у сына вырастут усы.

Я училась советоваться и с трехлетним сыном, и выслушивала мнение семилетнего, не обрывая его на полуслове, и поступала так, как предлагал сын-подросток,— потому и рос рядом друг.

«10.06.1963 г. Сегодня мне никуда не надо торопиться — я дома. Какая благодать! После завтрака сажусь за швейную машинку, а ребята устраивают «космодром» на большом матрасе.

— Ну, мам, давай мне красный космический костюм,— серьезно говорит Алеша (4 года).— Нельзя же без костюма.

Я достала два старых чепчика и натянула на головы своих космонавтов эти «шлемы». А как же быть с костюмами? Пришлось достать большие спальные мешки, и начались... полеты в космос. Космонавты «запускали двигатели», «выпускали газы», «прочищали сопла» и т. д. и т. п. Оленька (1 год) копошилась тут же и влезала то в один, то в другой «космический корабль».

— Мам, у нас шестиместная ракета, иди к нам! А то без тебя улетим!

Я оставляю на несколько минут шитье и лезу (не без труда) в «ракету».

— Ну, поехали!

Мы все вместе гудим, жужжим, вопим — в общем летим. Однако надо же и работать. Вылезаю, сажусь шить и говорю:

— У вас теперь будут ракеты, управляемые с Земли. Я буду управлять вами. Внимание! Взлет! — и нажимаю педаль машины. Машинка тарахтит, космические корабли опять жужжат, гудят — летят. Весь этот процесс Алеша сопровождает высказываниями о раскаленных газах, дизелях, моторах.

Потом я накрываю на стол, но «космонавты» не обращают внимания на приготовления к обеду. У них уже двухместная ракета, они оба лезут в мешок, и тут начинается драка: не могут распределить обязанности.

— Ребятки! Давайте-ка поедим,— говорю я, но оба не слышат, увлеченные спором.

— Вы будете есть? Алеша! Тинь! Будете есть или нет? — стараюсь я дойти до их сознания.

— Неть,— машинально отвечает Тинь. Мне бы сказать: «А когда у космонавтов обеденный перерыв?» Или: «Вас вызывает Земля!» А я сердито:

— Тогда потерпите до вечера! — И — рев!

Хоть и тошно самой, но решила не замечать его. Довольно быстро ребята вновь входят в колею своих забот и хлопот. Из «космодрома» (матраса и мешков) они соорудили «гору». Вскоре «гора» была превращена в «болото», и по «кочкам» с восторгом заскакали мои три лягушки. Как было не рассмеяться!

Через полчаса дружно вспомнили про обед, а я «забыла» про свое «потерпите до вечера!» — благо сами ребята об этом давно забыли.

Зарядил дождь, на улицу носа не высунешь. После обеда, когда проснулась Оля, братья затеяли новую игру. Началось все с того, что Алеша нашел кусок веревки и начал возиться около турников, укрепляя «провод».

— Я электромонтер! — И полез на самый верхний турник.

— Я тоже,— заявил, конечно, и Антон.

Я не вмешивалась, шила и наблюдала, что они делают, только отвечала на их вопросы.

— Мама,— со слезами в голосе завопил Алеша,— Ольга мне ломает линию.

— Нет,— нашлась я,— она просто проверяет: все ли правильно, не нарушены ли контакты, а если разрушается, значит, непрочно сделано!

Алеша отнесся к этому серьезно, снова, пыхтя, завязал узлы, а потом подкатил автомобиль и притащил кусок веревки:

— Это проверочная машина и добавочный провод — проверять.

Я «пугаюсь»:

— А как же Оленька, она же берется за провод, ее ток ударит!

— Нет,— снисходительно объясняет мой «главный механик»,— у них же изоляция вот такая толстая! (Раздвигает пальчики сантиметров на шесть.)

— Ой, такой изоляции не бывает! — смеюсь я, но Алеша настаивает:

— Они же провода высокого напряжения, их надо подвесить так, а потом сверху...— начинает он фантазировать и вдруг внезапно смущенно улыбается, как будто сам ощущает, что заврался.

День клонится к вечеру. Все тихо-мирно, но тут ребята рассыпали коробочки с диафильмами и журналы. Я попросила их все убрать и напомнила, что скоро спать. Сказала я это довольно спокойно и ушла.

Ребята принялись за уборку и, конечно... увлеклись кто чем. Братишки уткнулись в журналы, Оля занялась строительством из коробочек. Я вошла в комнату и сказала раздраженно и, как сообразила потом, глупо:

— Что же это такое! Вы убираете или так сидите? (Ну и вопрос! Хорошо, что ребята не слышат.) Алеша! Алексей! Кому я говорю! — Алеша нехотя отрывается от журнала и смотрит на меня отсутствующим взглядом. Тут я наконец спохватилась:

— Что ты там интересное нашел? Покажи и нам.

— Тут матросы на корабле, и капитан, и пушка,— сразу оживился Алеша.

И все, конечно, сразу захотели посмотреть картинку, и мы минут пять слушаем Алешины пояснения к ней.

Потом хватило одной фразы: «Ну, матросики, уберем все и успеем еще почитать немножко». Скоро все были в постелях, а я читала им сказку. И всем хорошо...

Кажется, простая вещь: в к л ю ч и с ь в игру или в то дело, которым заняты ребята, и тогда так легко «достучаться» до них, добиться того, что тебе нужно. Почему же выходит это нечасто? Нужно время понаблюдать, желание поиграть, умение вовремя и в лад войти в игру или всерьез отнестись к занятию малышей, без снисходительности и суеты.

01.05.1962 г. Мы идем по грязной дороге, много луж. Бабушка говорит то и дело:

— Алешик, смотри под ноги, шагай, вот смотри, лужа.

Алеша (3 года) едва передвигает ноги и попадает все время в грязь.

— Ну что же ты! — начинает сердиться бабушка и предлагает мне: — Давай я его понесу, он устал.

И тут меня осенило (когда мы свернули с дороги):

— Алешик! Ты знаешь, бабушка и я видим плохо, а фонарей нет, ты уж говори нам, где лужи, чтобы мы в них не влезли...

И Алешу словно подменили — и куда усталость подевалась! Он стал глядеть под ноги и говорить: «Вот лужа, бабушка, не ходи по луже!» Они поменялись ролями!

Меняться ролями — одно из любимейших занятий всех ребят. В роли «папы», или «мамы», или какого-то любимого героя они просто преображаются.

16.09.1964 г. Алеша (5 лет) съел украдкой оставленную папе конфету. Когда я обнаружила пропажу и возмутилась, Алеша внешне никак не прореагировал на мое возмущение.

Но когда спустя минут десять-пятнадцать он представился мне на кухне в качестве только что приехавшего «папы», я очень серьезно рассказала ему о том, что произошло с Алешей.

— Да,— важно, войдя в роль «папы», произнес Алеша,— он меня встретил и рассказал мне все.

— Ну и как же теперь быть, Боря? Ведь такого у нас никогда не бывало! Как ты думаешь, что же сделать?

— Ты знаешь, я думаю, надо было положить конфету повыше, чтоб он не достал,— поразмыслив, предложил Алеша-«папа».

— Ну, это не то,— возразила я,— неужели еще запирать нужно будет от детишек. Это очень противно.

Алеша-«папа» постоял несколько секунд молча и ушел, а минут через десять приносит мне бумагу с датой и надписями «мама», «папа».

— Напиши, что ты придумала, а потом я напишу.

После довольно длительных колебаний я написала свое мнение: «Думаю, что если Алеша сделает еще раз так, то придется с ним ничем не делиться, хотя это очень трудно и неприятно». И «папа» приписал: «Я согласен».

Это моя удача. Она доставила несказанное удовлетворение и запомнилась надолго радостью от того, что на этот раз получилось! Малыш получил возможность сам оценить себя, стать на место другого, найти выход из положения. Игра помогла в серьезнейшей ситуации. И все обошлось без озлобления, без обиды, без слез, без неприязни друг к другу — этого начала отчуждения. Всегда бы так!

17.06.1963 г. Ребята побежали на кухню, а навстречу бабушка несет посуду и сахарницу.

— Мы сами будем носить,— сердито говорит Алеша.

— Да, вас дождешься,— насмешливо замечает бабушка и сама несет все на стол. Тогда Алеша хватает сахарницу со стола и тащит ее назад на кухню.

— Алеша! Глупости делаешь! — говорю я.

— Он ужасный в этом отношении. Все — против, все — назло. Просто ужас что такое! — жалуется бабушка. Почему ей не приходит в голову, что это может быть реакция на ее собственное поведение по отношению к ребятам?

Вот задача: обижена бабушка, но обижен и внук. Как же поступить мне, матери? На этот раз я промолчала...

19.01.1964 г. Оля бросила ложку и не стала ее поднимать. Поднял ложку Алеша. Оля не захотела сама забираться на стул, лезла ко мне на руки.

Раньше я ни за что не взяла бы ее на руки, пока она не подняла бы ложку и не перестала плакать. А сегодня я... беру ее на руки.

— Этим ты только усугубляешь конфликт: он сглаживается, а не снимается,— говорит папа, и я с ним согласна. Но... Алеша и Антоша так сочувствуют Оле, так осуждающе глядят на меня...

— Это ты ее обидела, и она плачет,— заявляет Тинек.

Мне хочется поддержать в них это чувство сострадания, желание помочь маленькой сестренке, и я... сдаюсь (тем более что я не совсем уверена в своей правоте).

Видимо, не всегда надо идти навстречу этой детской солидарности — все зависит от сути конфликта. Нужно показать ребятам, что большинство не всегда право, что может быть правым и один человек.

Но при этом необходимо поддерживать в них ростки сочувствия, взаимопомощи. Как же угнаться за двумя зайцами?»

Судя по дневникам, вопросы так и остались без ответа. Пожалуй, и сейчас я его не знаю. Многое зависит от конкретной неповторимой ситуации. И часто приходится выбирать: что-то всегда бывает важнее, а чем-то надо поступиться. Ошибок тут, правда, не миновать, но без них и не научишься.

СКАЗКА — ЛОЖЬ!

«22.06.1963 г. Когда я пришла с работы, ребятишки показали мне бабушкиных «гусей» — двух гуттаперчевых маленьких лебедей.

— Ты знаешь,— важно рассказал мне Алеша (4 года),— они летают. Раз уже улетели.

— Как? — не поняла я.

— Мы с Тинем поссорились — и они улетели. Р-р-раз — и нет!

— Ничего не понимаю! — удивляюсь я.

— Это бабушка таких интересных гусей купила.

— Да-да,— подтверждает бабушка с самым серьезным видом,— мне так продавец и сказал: как дети поссорятся, так гуси исчезают.

Я слушаю это с недоумением и не сразу соображаю, как же к этому отнестись.

— Гм, интересные гуси, только странно, как же это они улетают? — нерешительно спрашиваю я.

— А у них крылья отлепляются, и они летят,— серьезно говорит Алеша.

— А ты видел?

— Не-е-т! Они оччень быстро летят — с космической скоростью. Р-р-раз — и готово!

Эти гуси потом фигурировали весь вечер. Стоило кому-нибудь из ребят начать задираться или кукситься, как бабушка:

— А гуси? Сейчас улетят!

— Нет, сидят,— отвечает Алеша, а сам с беспокойством посматривает на гусей.— Бабушка! Мы не ссоримся, это у нас такое о б и ж е н и е вышло.

Новое слово Алеши мне нравится, но игра с «гусями» не очень: почему детей можно пичкать самыми примитивными вымыслами? Так и подмывает сказать ребятам:

«А вы поссорьтесь да проверьте, улетят они или не улетят».

Вечером я не выдерживаю и говорю после Алешиного убежденного «Улета-а-ют — так продавец же сказал»:

— Алеша, это бабушка пошутила: так в сказках бывает, а на самом деле игрушки не летают.

В глазах Алеши недоумение и недоверчивость».

А через два с половиной года в тетради Антона я записала:

«22.12.1965 г. Тинюшка (5 лет) вообразил, что пол — это что-то раскаленное — огонь и что становиться можно только на тень. Мы вступили в эту игру и охотно уступали ему свои тени, когда ему надо было пройти по полу. И он скакал козликом с одной тени на другую, «спасаясь» от огня!»

Мои комментарии спустя 11 лет:

«15.02.1976 г. Думаю, что такая игра вполне допустима. Малыши воспринимают ее не всерьез, а как игру. У нас это интересно получается с Любой: она у ч а с т в у е т в и г р е, н о н е о б м а н ы в а е т с я. В том-то все и дело!

08.08.1974 г. Вот уже с полгода мы играем с Любашей (3 года) в «крокодила Гену» (как с Ванюшей играли в «сонного дядьку»). Трудно вспомнить, с чего это началось. (Потом это повторялось много раз.) Кажется, это было так.

Люба на что-то разобиделась за столом, влезла на свой стул с ногами, повернулась к нам спиной и, уткнувшись в колени лицом, начала уже поревывать, пока еще негромко. Папа сказал:

— Или прекращай реветь, или я тебя высажу!

А я говорю вдруг:

— Папа, это не Люба, это кто-то другой. У нас Люба не такая. Это какой-то... крокодил!

Любашка заинтересованно прислушивалась, а потом, прикрыв глаза тыльной стороной ручонок, шевеля при этом растопыренными пальчиками, вдруг заявила низким голосом:

— Я злой крокодил, я вас съем!

Мы все, конечно, «задрожали» от страха и стали громко звать Любу, чтобы она справилась со злым крокодилом.

Через минутку Любаша сообщила, что она уже добрый крокодил Гена, который «скоро превратится в Любу».

Позже игра проходила в разных вариантах: с исчезновением «крокодила» под стол и «внезапным» появлением Любы; с постепенным превращением крокодила в Любу: она потихоньку открывает ладошками лицо, освобождая глазки

(мы радостно восклицаем: «Ой, глазки уже Любины!»), носик («Ой, носик уже Любин!»).

Когда Люба превращается в «злого крокодила», то мы все должны «дрожать от страха». Если мы забываем это делать, то Любашка напоминает с неудовольствием:

— Ну что же вы не дрожите? Дрожите! (Надо же выполнять правила игры!)

Так можно очень быстро успокоить Любочку, снять очередной конфликт.

Итак, проблема: есть обман, которому верят, как правде («Вот придет Бармалей, тебя в мешок посадит»), есть фантазия, сказки, волшебство, в которое верят, как в чудо («Прилетит фея и принесет тебе волшебную палочку»), есть игра воображения, которая принимается не всерьез, а с соблюдением определенных правил. Как найти грань между ними? А найти обязательно нужно.

Рассмотрим ряд близких слов: лгать, врать, обманывать, ловчить, хитрить, лукавить, притворяться, разыгрывать, придумывать, фантазировать, сочинять — какой плавный переход от минуса к плюсу, не поймешь, где водораздел. Но он есть! Мы внушаем детям: врать нельзя, это нехорошо. А как же: «Хорошо, когда кто врет весело и складно!» — Теркину можно?

Однажды я проводила в третьем классе утренник, посвященный сказкам, и спросила ребят:

— Говорят, обманывать плохо. Верно?

— Верно! — дружно, заученно ответил класс.

— Ну хорошо, а как же в сказках: то и дело друг друга обманывают. И не только какие-нибудь злыдни, но и самые прекрасные добры молодцы. Выходит, они обманщики. А почему же мы их любим?

Класс недоуменно молчал — ни одной поднятой руки. Я тоже молчала, выжидая. Наконец на последней парте робко приподнялась и тут же опустилась мальчишечья рука.

— Ну-ну,— подбодрила я.

— Они не обманщики, они обхитря... нет, обхитрива... ну, хитрые они, они же врагов обманывали. А врагам и надо врать,— убежденно закончил мальчишка и сел.

Класс загудел на разные голоса, поднялись руки — приводить примеры. Но у меня был вопрос и посложнее:

— Мы-то с вами, слушатели или читатели, не враги, а нам всякие небылицы плетут?

На этот раз поднялось уже несколько рук:

— Это чтоб интереснее было.

— А там приключения разные, а мы их любим...

— Почему? Почему вам нравится, чтобы вас обманывали? — пристаю я к ребятам. Я жду от них открытий, важных для меня.

— Да никто и не обманывает! — вскочил тот мальчуган с последней парты, который начал думать первым.— Мы же знаем, что там все придумано, мы же знаем!

— Сказка это мечта, которая... взаправду,— тихо сказала девочка, дождавшись, пока я замечу наконец и ее поднятую руку.

— Как-как? — не поняла я, но кто-то из ребят пояснил:

— В сказке все-все можно, что хочется, только надо вообразить.

Эти маленькие мудрецы прекрасно разбирались, где корыстная ложь, а где игра воображения, причудливая и прекрасная выдумка, в которой действительно как бы осуществляется мечта, чья-то надежда.

«25.07.1969 г. Как-то месяца полтора назад Юля (2,5 года) раскапризничалась, и я, чтобы ее отвлечь, рассказала сказку про Машу и трех медведей, только вместо Маши была Юля. Слушали все мои дочери, и всем сказка очень понравилась. С тех пор Юля стала меня просить: «Акази мне а Юлю!» (она еще плохо выговаривает слова, но уже произносит целые фразы).

Сначала я Юлю «вставляла» в разные сказки, затем просто рассказывала всякие истории из Юлиной жизни, в том числе и разные небылицы, а затем стала рассказывать то, что на самом деле бывает, было или происходит сейчас. Я старалась говорить о Юле, которая не плачет, не капризничает, сдерживается, если хочется поплакать, в общем о Юле, какой ей хотелось бы быть. И удивительно! Стоило мне сказать, если Юленька вздумает заплакать: «Что же мне теперь рассказывать — как Юля плакала?», как Юля сразу переставала всхлипывать и говорила: «Акази мне Юлю не паця». Удивительно хорошо это успокаивало ее — это желание быть той, хорошей Юлей.

18.10.1973 г. А вот Юле 7 лет и...

— Мама, сколько тебе лет?

— Когда ты плачешь, мне, наверное, шестьдесят лет, я старею. А когда ты поешь, мне двадцать.

И Юля запела и пела все утро, пока собиралась в школу.

09.08.1974 г. Если есть хоть малейшая возможность, утром мы с Любашей встаем не сразу, а чуть-чуть поиграем и поговорим о том о сем. А сегодня мы сочинили сказку:

— Проснулась мама утром, а подняться никак не может. Позвала она папу. Пришел папа, взял маму за руки, тянет-потянет, а вытянуть из постели не может. Папа позвал...

— Алешу!

— Да! Алеша — за папу, папа — за маму, тянут-потянут, а вытянуть не могут. Позвал Алеша Антошу. А Антоша говорит: «Что?» — и не пришел.

— Антон физику учит,— серьезно замечает Любаша и вздыхает.

Я хохочу, но Люба напоминает про сказку:

— А дальше?

Наконец все уже, кроме Любы, собрались у мамы, тянут-потянут, а вытянуть не могут! И тут прибежала Любочка, поцеловала маму в глазки — они сразу открылись, а потом Люба сказала ласково: «Мамочка, уже утро, давай вставать» — и потянула маму за руку. И мама сразу встала!

— Я сильная, а все были слабые,— говорит Люба.

— Нет, ты была ласковая, добрая...— вздыхаю я».

Ласка, любовь — главная сила в отношениях между людьми. Я, конечно, не могла так говорить об этом трехлетней дочке, но как-то попыталась передать ей свою убежденность в этом.

Результат был очень неожиданный и трогательный. Однажды мы с Борей сидели, надувшись друг на друга, и казалось, никакая сила сейчас нас не разморозит. Подошла Любаша, уселась между нами и, обхватив наши шеи ручонками, вдруг сказала с хитрым видом: «А кто между вами?» Мы переглянулись. «Любо-о-вь»,— протянула Люба. Мы рассмеялись и... помирились.

Ну а как же бабушкины гуси? Я и сейчас склонна думать, что это близко к обману типа «Будешь врать — язычок проглотишь». Малыш искренне верит, а обнаружив неправду, недоумевает, обижается, а затем с опаской отнесется и к другим заявлениям взрослых. Зачем это?

Зато добрые выдумки просто прелесть что такое!

«25.06.1963 г. Алеша вывез на середину комнаты экскаватор, начал его приспосабливать к хождению по «шоссе». Тинь уселся около машины и стал ее толкать ногами в противоположную сторону.

— Не на-а-а-да! — завопил Алеша и ударил брата. Тот полез в драку. Я взяла Антошку и вынесла его на террасу. Он вернулся и принялся опять за свое. Я рассердилась, даже шлепнула его дважды и, выставив на крыльцо, прикрыла дверь. Конечно, рев. Алеша как ни в чем не бывало продолжает возиться с машиной, а меня огорчает и история с дракой, и отношение к ней Алеши.

— Мам,— говорит Алеша,— смотри, что я сделал...

— Не хочется мне смотреть,— грустно говорю я,— оба вы с Тинем плохо сделали: ты с ним не играешь, а он тебе назло делает...

Алеша пошел было к двери, за которой всхлипывает Тинь, но тот, увидев брата, еще громче плачет. Ясно, что он ждет, чтобы подошла я. А я жду, чтоб он замолчал. Наконец становится тихо, потом за дверью едва слышно: «Мама!» — и чуть громче: «Мам!» Подхожу к двери, открываю. Тинь поднимает на меня глаза, полные слез. Лицо у него мокрое, под носом мокро. Вид несчастный, но я стараюсь не разжалобиться:

— Что тебе? — сурово спрашиваю я.

— Дя? Я... хочу... к вам,— всхлипывает Тинек.

— Иди,— тем же тоном говорю я,— только кто же с тобой согласится играть, если ты мешаешь.

Я сажусь на диван и смотрю на поникшую фигурку сына осуждающе. Он робко подходит ко мне и осторожно прислоняется к коленям:

— А я там плакал, плакал, кричал (словно хочет сказать: ведь мне же было плохо, а ты не пришла ко мне).

И я засомневалась: верно ли поступила на этот раз? Я ведь тоже была перед ним виновата. И Алеша — тоже. А наказан один.

22.06.1963 г. Алеша лежал на раскладушке и читал книгу, к нему подсела бабушка и хотела было с ним поговорить. Но он вдруг заявил:

— Уходи отсюда, я тебя не люблю.

— Почему же ты меня не любишь?

— Не хочу говорить!

Бабушка ушла обиженная.

— Да что ж ты так бабушку обидел,— говорю я,— как же ты так мог сказать? Мне теперь бабушке и посмотреть в глаза будет стыдно!

— Почему? — глаза Алеши смотрят с недоумением, хотя он и чувствует, что сделал плохо. Но он был искренен в данную минуту.

Я думаю про себя: «В самом деле, как же быть? Скрывать истинное отношение и заменить его лживой вежливостью — противно и унизительно, хотя легко. Куда труднее изменить в ребенке само отношение к человеку, если он того заслуживает (а бабушка, безусловно, этого заслуживает). А как это сделать? Знаю, что бабушка ждет извинения, но в чем извиняться Алеше? Да и вообще извинение очень часто сопровождается фальшью и со стороны извиняющего, и со стороны извиняющегося — значит, опять ложь. Ну нет!»

— Иди, Алеша, очень мне за тебя стыдно,— сказала я сыну и тихонько отодвинула его от себя. Губы его скривились, но он почему-то не заплакал.

А когда пришла бабушка и мы сели за стол, Алеша как-то приветливо вдруг спросил у нее:

— Тебе эту вилку дать?

— Давай, давай, спасибо,— ласково ответила бабушка.

Я вздохнула с облегчением.

В тот же день к вечеру в комнате собрались устроить чай в честь дня рождения дяди Володи. Я говорю ребятам:

— Давайте-ка все убирать.

Алеша начинает собирать кегли и складывать их в чемоданчик. Антон (2,5 года) сидит и демонстративно возится с какой-то веревочкой.

— Тинь, ты думаешь, что после этого сядешь с нами за стол?

— А я не хочу убирать,— смеется Тинек, как будто проверяет, что из этого выйдет.

— За стол не сядешь,— повторяю (зачем?) я.

— А я хочу-у-у,— со слезой в голосе тянет Тинь.

— А ты не убираешь,— с моей интонацией говорит ему Алеша,— значит, тебе за стол нельзя. Вот. Ты же не убираешь.

Это выводит Тиня из себя. Он бросается к чемодану с кеглями, выхватывает их и разбрасывает по комнате.

— А я буду бросать! — протестующе кричит он.

— Ну, Тинь, это уже никуда не годится! Мы убираем, а ты разбрасываешь. Тогда иди-ка ты в постель.— Я несу его на террасу.

В постели он долго плачет, ворочается, потом затихает. Думаю — уснул. Нет, через некоторое время:

— Ма-ма-а-а!

А в это время уже садятся за стол. Как не хочется портить всем настроение! А что делать?

Я выхожу на террасу и сурово спрашиваю:

— Что тебе, Тинь?

— Я, я...— теряется Тинек и смотрит на меня умоляюще,— я... хочу к вам,— едва слышно говорит он и прячется в постель.

Я чувствую: он ощущает незаконность своей просьбы, что он не должен быть там, не может быть, но ему так хочется!

И я подчиняюсь первому движению сердца:

— Ну ладно, вылезай, пойдем со мной!

Какой благодарностью вспыхнули его глазенки! Как крепко он прижался ко мне! И я поняла, что поступила правильно, хотя, казалось бы, сделала не то, что следовало.

И вот уже три дня прошло (я пишу 25 июня), а Тинек «не лезет в бутылку» — покладист и ласков.

После этого случая стала я больше доверять интуиции: не столько умом, сколько сердцем поняла, что, если ребенок чувствует свою вину, прощение во благо.

21.10.1963 г. Мы убедились и убеждаемся, что как бы ни был наказан ребенок, что бы он ни сделал, он должен чувствовать в нас, родных, самых близких людей — нельзя отталкивать ребенка в трудный для него момент. Можно огорчиться, рассердиться, наказать, но ребенок должен чувствовать, что это тяжело и для родителей, огорчает их, но мама и папа все равно любят его».

Прекрасный вывод! Если бы к нему еще и умение это провести в жизнь. На практике мы часто поступали вопреки ему. Вот что случилось всего год спустя.

«14.04.1964 г. «Братья-разбойники» подрались из-за самоката. Я рассердилась и подняла его на шкаф.

— Вы из-за него ссоритесь, деретесь. Значит, вам его давать нельзя.

Алеша (5 лет) бурей налетел на меня и с ожесточением ударил меня по руке раз-другой, приговаривая, захлебываясь от злости, потеряв всякую власть над собой:

— А я вот тебе, а я вот тебе!..

Я изумленно отстранила его от себя.

— Опомнись, что ты делаешь?!

Он хотел даже укусить меня, но несколько опомнился и только слегка сжал зубами кожу у меня на руке. Потом посмотрел на меня чужими глазами:

— А зачем ты нас обидела?

— Я не хочу, чтобы вы дрались из-за самоката.— Я это сказала, как будто оправдываясь за сделанное. И действительно, я не чувствовала себя вполне правой.

Алеша быстро успокоился, пошел на улицу, вернулся оттуда оживленный. Я встретила его как обычно, ласково, но когда он взял меня за руку, поморщилась:

— Не надо, Алешик, больно.

Он посмотрел на мою руку и как-то смущенно-виновато отвел в сторону глаза.

А вечером папа спросил меня:

— Что у тебя с рукой?

Алеша, сидевший за столом, в смущении и замешательстве наклонился.

— Может быть, Алеша расскажет?

— Нет, я не хочу,— заявил Алеша.

Тогда я вкратце рассказала, как было дело. Папа очень огорчился и возмутился:

— Мы не позволим, чтоб у нас такое в семье происходило. Я предлагаю удалить его из-за стола за такие вещи. Ты как думаешь, мама?

Я, поколебавшись, согласилась. Алеша расплакался в комнате, ревел громко, но недолго.

— Пап, я приду-умал...

— Что ж ты придумал?

— Не делать так больше...— почти спокойно уже сказал Алеша.

— Ну вот,— решительно заявил папа,— когда не будешь, тогда и будешь с нами есть, а сегодня сделал, значит, и есть не будешь.

Алеша разревелся с новой силой:

— А я хочу есть, не могу терпеть!

— А мы хотим, чтоб у нас таких вещей не было!

Эти две фразы были повторены несколько раз (по-моему, зря папа повторял одно и то же).

Наконец Алеша протянул:

— А я вам спать не дам до утра.

Папа вынес его из комнаты в мастерскую:

— Мы не хотим, чтоб ты мешал нам спать, вот и сиди один тут.

— Нет, я не буду так делать,— поспешно решил Алешик.

— Будешь ложиться без крика?

— Да,— тихо сказал Алеша.

Я помогла надеть майку, уложила его. Моя ласка снова вызвала у него слезы и всхлипывания.

— Я очень хочу кушать,— жалобно запросил он.— Я не могу терпеть.

— Надо потерпеть, очень даже сможешь,— я постаралась сказать это почти сурово.— Сам виноват. Ты думаешь, нам с папой приятно? Мы тоже есть не смогли из-за всей этой истории!

Мои слова неожиданно подействовали на Алешу как-то успокаивающе. Словно он почувствовал, что не насилие совершается над ним, а закономерное, естественное возмездие за огорчивший всех поступок. Через минуту он уже успокоился, даже о чем-то поговорил с папой и быстро заснул.

Это хорошо, что он так буйно протестует против насилия, от которого нам надо отказаться. Мы решили делать так: не применять наказания по собственному, индивидуальному, «взрослому» решению, а предлагать всем вместе решать, как быть в том или ином случае. Тогда последствия «содеянного» будут восприниматься ребятами не как насилие со стороны взрослых, а как выполнение того общего решения, которое принимали и сами малыши».

Я не сразу решилась привести эту запись: стыдно за нас, обоих родителей. И главное, почти все не так, как следовало бы: от первого моего движения

(отобрала самокат, не попытавшись разобраться) до заключительных глубокомысленных выводов, которые выглядят справедливыми, а по существу антигуманны, ибо устраивать обсуждение, т. е. суд над человеком, если и можно, то лишь раз в жизни, да и то не по любому поводу и не всегда путем общего голосования. В данном случае повод был сверхсерьезен (ударил и хотел укусить маму!), но... давайте разберем все с самого начала.

Итак, одному человеку пять, другому — три с половиной года. И у них новенький красивый самокат, недавно подаренный братишкам со словами: «Распоряжаться им будет Алеша, он старший и уже хорошо катается». Но младшему брату тоже хочется покататься. Он уцепился за самокат и не отпускает. И грянул бой... Тогда распорядилась я (это подарком-то, торжественно врученным!). Помню, я отобрала его довольно бесцеремонно, чуть ли не силой. И вот результат: человека оскорбила и тем, что с его правом не посчиталась, и тем, как это сделала. И он восстал, требуя справедливости. Грубо, неумело, но я своей бестактностью как бы спровоцировала его грубость и даже жестокость. Распространеннейшая родительская ошибка: виноваты оба — расплачивается один, да и еще слабый, подчиненный — ребенок.

Это потом я поняла, почувствовала, что в такой ситуации взрослый должен первым протянуть руку, не требуя от ребенка унизительного извинения. Это акт великодушия со стороны взрослого. А если первым идет с повинной ребенок, искренне переживая чувство вины (а так и вышло в описанной ситуации), как же тут не повиниться тоже: «Знаешь, и я что-то не то сделала, давай разберемся». Или просто: «Прости, погорячилась» — и в детских глазах вспыхнет: «Нет, нет, это я во всем виноват!» — и благодарность, и слезы облегчения, и раскаяние, и чувство близости необычайной...

Но после этого больше не вспоминать и тем более не делать прощеный проступок предметом для обсуждения, поводом для наказания — это непременно вызывает озлобленность, затаенную обиду. Первоначальная причина конфликта забудется, а обида останется — за несправедливость.

И еще одно: «удалить его из-за стола» или «ты не будешь с нами есть» — как мы этим злоупотребляли! Правда, мне всегда было невмоготу применять этот «способ наказания». Я и тогда уже считала, что он годится для дрессировщиков, а не для людей, но... подчас не знала, а как же надо, и опять: «Ну, тогда выходи из-за стола»... Ох, терпеливы же наши дети: они любят нас даже таких, неумелых, несправедливых, срывающихся и раздражающихся, любят, потому и прощают нас. Как же тут не постараться стать лучше хотя бы ради них, наших детей!

Шаг за шагом я приближалась к разрешению этой сложной педагогической проблемы наказаний и поощрений. Одно время утверждала, что эта проблема сводится к адекватной ответной реакции взрослых на поступок ребенка, т. е. каждый раз надо отзываться в меру — в этом и состоит искусство подлинного воспитания. Именно поэтому педагогическая аксиома «В воспитании нет мелочей» рано начала вызывать, да и до сих пор вызывает у меня недоумение и протест. Она легко опровергается практикой жизни. Как и в любом деле, здесь есть что-то главное, без чего нельзя обойтись, есть нечто более или менее важное, а есть просто мелочи, на которые можно и внимания не обращать. Вся сложность и состоит в том, чтобы не путать одно с другим:

не проморгать главное и не превратить муху в слона, как часто это бывает.

Приведу две небольшие зарисовки с натуры.

— Псибо,— буркнул ребенок, вылезая из-за стола.

— Скажи громко и внятно! — потребовала мать.

— Спа-си-бо! — громко и ехидно повторил сын.

— Хорошо. Иди.

Мелочь, казалось бы! А мама не заметила, как сын сказал ей свое спасибо. А главное было именно в этом.

Дочь изрезала носовой платок, выкраивая кукле платье. И выкроила, и сама сшила — первый раз в жизни!

— Почему не спросила? — возмущается мать.— Хорошую вещь испортила.

— Я не испортила, я сши-и-ла,— обижается, заливаясь слезами, девочка.

И правильно обижается: испорченный платок действительно мелочь по сравнению с тем важным, что произошло. У человека впервые получилось трудное дело — это же радость необычайная! А изрезанный платок — дело житейское. Так сказал бы умница «Карлсон, который живет на крыше». Он не силен в педагогической теории и поэтому доподлинно знает, что разломанная («А что там внутри?») дорогая игрушка — чепуха по сравнению с восторгом открытия.

Но если никакого открытия нет, а есть капризное, агрессивное «А я хочу-у-у» и — оторванная у куклы нога («Кукла-то дешевая»), или разрисованная книга («Она и так растрепана»), или сорванный с молодой веточки листок («Вон их сколько!») — пустяк, одним словом, что тогда? Внимание: так проявляется своенравие! А это далеко не мелочь. Главное — не ошибиться в оценке. А как? Это иногда доводит до исступления.

Конечно, опыт постепенно накапливался, все точнее определяла я меру наказания и поощрения, но что-то меня не удовлетворяло в этой выстроенной мною «концепции адекватности». Обычно в любом происшествии, стычке, даже недоразумении бушуют эмоции. Ясно, они не способствуют хладнокровному взвешиванию всех обстоятельств. С ними как быть?

Когда бьешься над чем-нибудь долго, обязательно подвернется случай, который натолкнет на верный путь. Для меня таким случаем оказалось письмо. Оно было написано корявым почерком. Ошибки, неправильные обороты — словом, писал малограмотный человек. А прочитала — какой же светлый, ласковый, добрый человек эта бабушка Наташа. Не мудрствуя лукаво, она просто жалеет внука-подростка, который «пришел выпимши у грязе и прямо за стол...» (дальше я орфографию и знаки препинания подправила). «Я ему есть подала, а сама плачу: непутевый ты, несчастный, погубишь ты свою жизнь ни за что... Сама ругаю, сама ревмя реву — уж так его жалко. Смотрю — и он глазами заморгал. Ладно, говорит, бабушка, не буду, только не плачь. Уж год как не пьет. А мне-то радость».

Меня поразило вот это: «Сама ругаю, сама плачу». Да ведь она не на него сердится, а за него болеет, не против него воюет, а против его слабости и радуется за него, любя, всем сердцем желая ему хорошего. Не могло это не дойти до парня. И дошло. Ну, а если бы стыдила, угрожала, упрекала, злилась? Он и слушать бы, наверное, не стал, да еще и назло бы делал!

Письмо это взбудоражило меня и заставило пересмотреть свои взгляды. И теперь, когда меня спрашивают «Как наказывать и хвалить, как найти меру?»,

я отвечаю вопросом: «А не лучше ли не наказывать, а просто огорчиться, расстроиться — просто не скрывать своего огорчения, и не хвалить, а порадоваться за ребенка, порадоваться его радости?»

«А какая разница?» — спрашивают меня, и я долго и путано пытаюсь объяснить то, что бабушке Наташе ясно без слов, а мне пришлось постигать сначала умом, а потом уж сердцем. Говорю я примерно так.

Разница здесь огромная. Одно сближает людей, другое разъединяет. Давайте вникнем. Осудить (наказать) или одобрить (похвалить) может лишь судья, стоящий над тем, кого он судит. У него должно быть для этого право старшинства, или силы, или мудрости, или ответственности — и это право отчуждает его от людей. В любом суде это необходимо, ибо настроения, пристрастия, даже чувства ненависти и любви там не должны иметь никакого влияния на решение судьи. Только тогда суд и может быть справедлив. Нам, родителям или учителям, когда мы караем и милуем, осуществляя функции судьи, редко удается быть справедливыми вполне; и мы отталкиваем от себя детей, и вызываем, стимулируем в них главным образом отрицательные эмоции, а потом и качества характера. Наказания почти всегда порождают озлобленность, обиду, страх, мстительность, притворство. А у остальных, «свидетелей»,— чувство облегчения («Не я!»), даже злорадство, желание жаловаться, ябедничать, доносить — целый мешок этих мерзостей, с которыми так трудно бороться.

Не лучше и с похвалами. Мы знаем, какому остракизму подвергаются «примерные» дети в школе. Взрослые их хвалят, награждают, в пример ставят, а дети их нередко дразнят, терпеть не могут. Закономерно! Похвала, награда у награжденного почти неизбежно порождает не просто гордость, а тщеславие, желание блеснуть, чувство превосходства, даже презрения к окружающим. А те, в свою очередь, маются от чувства соперничества («Почему не я?»), зависти, выискивают возможность выклянчить эту похвалу или какую-то награду. Лесть, подхалимаж, подсиживание в борьбе за «призовое место» — явления нередкие даже в начальных классах.

И совсем не то получается, если нами руководят чувства сопереживания: радости (до восхищения) и огорчения (до отчаяния), которые может выразить любой человек, находящийся рядом. Конечно, и здесь нужна оценка (чему радуешься, из-за чего огорчаешься — это зависит от твоих нравственных качеств), но при этом происходит сближение людей, их взаимопонимание.

Каждый может проверить это на себе. Если за тебя радуется кто-то, ты приобретаешь уверенность в себе, чувство достоинства, готов «горы свернуть». В то же время испытываешь высокое чувство благодарности и признательности к тому, кто искренне рад твоей радости. И тот становится тоже щедрей сердцем, доброжелательней, великодушней. Каждый здесь приобретает друга, по крайней мере, чувство приязни, расположенности растет лавиной и у того и у другого. А если за тебя огорчаются даже тогда, когда ты виноват, когда ты сам причина горя окружающих, что ты испытываешь? Слезы близкого или просто сочувствующего тебе человека будоражат, жгут твою совесть, словно сдирают с нее накипь ожесточения и самооправдания. И стыд, раскаяние, клятва самому себе: «Никогда, никогда не повторю больше этого!» — благодарные, очищающие, возвышающие человека чувства. И у жалеющих тебя растет сочувствие, желание помочь, спасти. Это роднит людей, делает их ближе друг к другу.

Кто-то может мне не поверить, что я шла к пониманию этих простых вещей

так долго и трудно. Что ж, счастлив тот, кто верно чувствует и делает так, как подсказывают ему чувства. А я, хоть и была подчас в моем сердце жалость, боялась пойти у нее на поводу, опасалась «распустить» ребят. И в радости тоже опасалась переборщить, никогда не выражала свой восторг, сознательно сдерживала себя. Однако сами дети научили меня жить не столько умом, сколько сердцем. Что бы мы, отец с матерью, ни думали, как бы ни спорили, мы прежде всего радовались и огорчались, снова огорчались и вновь радовались — жили жизнью друг друга. Вот в этом и состоит, по-моему, главный педагогический секрет.

Хорошо об этом сказала однажды пятилетняя Юля.

«24.02.1972 г. Мальчики не дают Юле прочитать стишок, перебивают ее, а я слушаю их (разговор идет о деле). Тогда Юля возмущается:

— Что ли ты их одних родила, только их и слушаешь. Как будто остальные и не родились! — и плачет. В самом деле, всем ведь нужно внимание — всем, кто родился. Верно!»

МАМА И ДЕТСКИЙ САД

ИЗ ДНЕВНИКА НАЧИНАЮЩЕЙ МАМЫ

Прежде чем приступить к этой новой и трудной для меня теме, хочу процитировать одно недавнее письмо — от сына из армии. Попав в армейскую обстановку, он испытал главную трудность не от физических нагрузок, не от необходимости подчиняться начальству, не от однообразного режима и питания (это в общем-то терпимо), а от нивелировки людей в духовном отношении. Какие там личности?! Рядовые в прямом и переносном смысле — армейский идеал, правда, вынужденный, требуемый условиями армейской жизни, но нельзя душе жить по уставу, у каждого она своя. И вот это своеобразие, богатство духовного содержания каждого остается в армии невостребованным, даже преследуемым («Не высовывайся!»). Это самое тяжелое испытание, мало кто его выдерживает без душевных потерь. Воспротивиться этому своеобразному внутреннему расчеловечиванию может лишь человек духовно богатый и нравственно стойкий. А это зависит от того, каким он пришел в армию.

Очутившись в казарменной обстановке, сын стал размышлять о семье и ее значении в жизни человека. И вот к каким выводам пришел:

«Ясно, что для воспитания личности лучше всего хорошая семья. Если таковой нет и ребенок воспитывается «улицей» (к ней я отношу не только улицу, но и наш детский сад, и нашу школу, где воспитание детей «вверх» не может происходить нормально — все и вся варится в собственном соку), то нет предпосылок появления неординарного человека.

Воспитание такого человека может происходить только в семье, так как:

только в семье возможно получить хорошее соотношение людей разного возраста на одного ребенка — обязательное условие для действенного воспитательного процесса (в отличие от детских учреждений);

только в семье возможно создать НОВЫЙ мир, отличный и особый от остального мира,— необходимое условие для создания нестандартной личности — Человека, не похожего на других (естественно, в хорошем смысле);

только в семье существуют серьезнейшие предпосылки создания доброй атмосферы вокруг ребенка, лелеяния в нем добрых качеств».

Какая категоричность! «Ясно, что...», «Только в семье...» Но добрые качества действительно требуют кропотливого, нежного внимания — должны быть взлелеяны как редкостный цветок.

А если посмотреть на вещи реально, насколько способна нынешняя мать осуществлять этот кропотливый труд? Приведу несколько выдержек из днев-

ника молодой матери. Когда родился ее первенец, ей не исполнилось и 20 лет. Желанный ребенок, благополучная семья, скромные средства, зато вполне сносные бытовые условия. С житейскими заботами справляются сами, без помощников. Почти со дня рождения сына мама ведет дневник. Она описывает разные события из жизни малыша, его проказы, свои трудности и находки, следит за изменениями и в нем, и в себе. Мне удалось уговорить молодую маму дать несколько выдержек из ее дневника в мою книгу. Я выбрала те места, которые касаются отношений ребенка с окружающими и прежде всего с матерью.

В начале каждой записи указываются страницы дневника и возраст ребенка. И то и другое нам еще пригодится.

«**С. 12. 25 дней.** ...Особенно интересно наблюдать за его личиком. Запомнился мне один интересный эпизод. Стояли мы с Петруней у окна. Он у меня на руках лежит спокойно, не спит, я то на него, то в окно посмотрю. И вот загляделась я на улицу, долго туда смотрела, потом взглянула на Петра. Он на меня посмотрел внимательно-внимательно, серьезно-серьезно, потом отвел глаза в сторону и также стал внимательно разглядывать что-то на стене и тихонько вздохнул.

Это было так выразительно — я в тот момент поверила, что Петруня мне хотел сказать: «Мама, я же хочу поговорить с тобой, а ты все в окно смотришь... ну, как хочешь, я могу смотреть, конечно, и в стену...» — а своим вздохом как будто добавил про себя: «Знала бы, как обидно...».

С. 34. 1 мес. ... А как Петруня «разговаривает»! У него, когда с ним говоришь, ежесекундно меняется выражение лица — вполне можно подумать, что Петр то внимательно слушает, то раздумывает, то усмехается понимающе, то как будто согласен с тобой, а то и возражает... С каждым днем он становится все внимательней и любопытней.

С. 44. 1,5 мес. Интересно: раньше выразительней всего у него был ротик, а теперь — глаза. По ним можно определить настроение Петруши: обижается на что-то, веселится или задумался, хочет спать или просит с ним поиграть...

Раньше во время своего бодрствования Петруня больше плакал, а теперь — нет: улыбается, рассматривает что-то или кого-то, а когда с ним играешь — смеется: широко раскрывает ротик, и глазенки в это время прямо хохочут — только что «ха-ха» не говорит...

С. 63. 2 мес. Ночью спали плохо: он тихонько капризничал, не кричал, но спал беспокойно... А утром часов в 8 что-то разволновался. Я его развернула, прижала к себе, убаюкиваю, а он не успокаивается, начал кричать. Я ему спокойно начинаю говорить: «Петруша, Петрунюшка, милый, ну не надо...» (а внутри совсем неспокойна: рано еще — папу разбудит). А он не успокаивается. Я меняю ему положение: то вертикально держу, то на животик кладу...— кричит; начинаю качать — все сильнее-сильнее, у него захватывает дух, но бедный Петр кричит еще громче... Я начинаю кружиться с ним по комнате, все больше злюсь, что он не успокаивается, мне хочется кричать: «Ну что ж ты орешь-то?!»... Вдруг я прихожу в себя: «Боже мой, что же я делаю!.. Ему, малышу моему, плохо, он помощи просит; сдерживался сначала, а не выдержал, значит, так больно ему! Родной мой, маленький мой!..» Встал Коля (папа), взял у меня Петрушу, тот стал затихать...

Я подошла к окну, слезы текут по лицу, все думаю про себя: «Петрунюшка, маленький мой, прости свою маму нехорошую, глупую... Я просто не выспалась, устала, прости, ладно?..»

Более или менее успокоившись, я беру Петруню, затихшего, у папы к себе на руки, смотрю на него, и он... улыбается мне, хотя на глазенках застыли слезы... Простил...

С. 70. 3,5 мес. В то время, когда Петруша не спит, а я или стираю, или готовлю еду, или убираю, он разговаривает сам с собой — гулит — и через некоторое время «зовет»

меня, да, да, зовет: не кричит, а просит: «а-а...» Я стараюсь к нему сразу подходить, когда он так хорошо просит, мы с ним «болтаем» с минутку, а потом он опять может некоторое время лежать один. Когда я к нему подхожу, он очень радуется и после нашего разговора как бы «заряжается» еще ненамного и лежит — не плачет.

С. 108. 5,5 мес. Петруша всегда спокоен (если не хочет спать, есть...), когда я делаю какие-нибудь дела, находясь с ним в одной комнате: глажу, зашиваю, вяжу, убираю... Ему надо меня видеть, и даже не видеть, а чувствовать, что я рядом. Может он лежать и один в комнате, когда занят каким-нибудь «исследованием», и довольно долго. Не шумит, не кричит, но когда я захожу в комнату, то уже не отпустит и очень расстроится, если я сразу уйду. Поэтому я несколько минут с ним поиграю, займу чем-нибудь или беру к себе на руки, и мы идем делать разные дела вместе: моем посуду, развешиваем белье... Интересно, что во время этих дел Петруня сидит у меня на руках (точнее, на одной руке) довольно спокойно (вроде бы понимает, что мы с ним заняты делом, а не игрой) и перестает хныкать и плакать. Так «помогать» маме ему нравится.

Конечно, от такой его «помощи» ничего быстрее не делается, скорее, наоборот, но зато мы оба с ним спокойны (он не плачет, и я не волнуюсь), а потом делать все **вместе** намного приятнее и интереснее, чем одному.

С. 115. 6 мес. Интересно, что Петрушу очень занимают вещи, которыми пользуются папа и мама: ложка, расческа, кошелек, разная бумага, коробки... Как-то добрался до коробки с нитками для вязания, которую я оставила на полу — прихожу: ба! Петр мой, весь запутанный, сидит, «вяжет»... Любит звучащие предметы, но не погремушки, а с каким-то необычным звуком: стучит ложкой по эмалированной кружечке, все время тянется к будильнику, а недавно, сидя у папы на коленях, стал тянуть за дверную ручку — дверь заскрипела, а Петра это очень заинтересовало, и он долго с серьезнейшим видом то открывал, то закрывал дверь.

Надо бы покупать радиолу — пусть слушает настоящую, а не такую «музыку».

С. 134. 7 мес. То, что он сейчас плачет мало и не без дела, стоило мне некоторых усилий, потому что был у него период (даже не один), когда крик и плач могли стать обычным и чуть ли не единственным выражением неудобства, недовольства, просьбы, голода, жажды и т. п. Старалась предупреждать крик, и как-то удавалось не бросать дел ради Петра, но и не бросать Петрушу ради дел, т. е. старалась определить, когда Петрусь может обойтись и без меня (значит, это время надо использовать для дел), а когда можно и посидеть с малышом. Вроде не зря старалась...

С. 143. 7,5 мес. Петруша «жадничает». Ну как по-другому сказать?

Петруня очень любит яблоки, причем больше нравится самому грызть, но он откусывает большие куски, да еще со шкуркой, и мне приходится прямо из его ротика вытаскивать эти куски, а ему это не нравится — будто я у него отнимаю...

И вот сегодня дала ему четверть яблока, посадила в кроватку, а сама ушла помыть посуду. Вхожу в комнату: Петруня сидит ко мне спиной. Подхожу к кроватке, вижу, что вокруг Петра накрошено яблоко, но в руке еще остался большой кусок, который он держит в кулаке и разглядывает. Увидев меня, он быстро запихивает себе в рот оставшийся кусок и хитро улыбается полным ртом... Так же стал есть и хлеб — большими кусками. Конечно, нехорошо, но, наверное, получилось это как ответная реакция на мое бесцеремонное вытаскивание кусков изо рта у Петруни. Ну что же, будем оба исправляться.

С. 183. 1 г. С тех пор как Петруня стал ходить самостоятельно, он почти не ползает и у него появилось новое занятие: переносить разные вещи с одного места на другое, особенно любит носить игрушки на кухню, а кастрюльки, миски, крышки — в нашу комнату. Очень трогательно видеть, как Петушок что-то старательно несет на вытянутых руках, спотыкается, встает, шлепается, роняет, поднимает, снова идет... Вчера, например, долгое время таскал трехлитровый бидон, который чуть ли не с него ростом, открывал-закрывал у него крышку, клал в него что-то...

А сегодня вот что придумал: достал пластмассовую мисочку с кухонной полки, принес в комнату, положил туда два мячика, кубик, понес на кухню, там нашел тряпочку,

которую тоже положил туда, понес миску, держа ее впереди себя, обратно в комнату, здесь что-то выложил, но положил и кое-что новое, понес опять на кухню... И все с видом занятого делом знающего человека, сосредоточенно, даже как-то толково.

С. 189. 1 г. Вчера у папы был выходной, для нас с Петром это маленький праздник. И Петруша много играл с папой. Когда ел яблоко, я попросила угостить папу — не понял, тогда сказала: «Дай маме» — дал мне, потом: «А теперь дай папе» — и он дал папе! И мы втроем очень этому радовались.

С. 204. 1 г. 2 мес. Сейчас мало времени для того, чтобы писать: нам выделили участок, и теперь мы много занимаемся приготовлением земли к посадке и самой посадкой. От меня с Петром нашему папе, конечно, помощи почти никакой, но мы изо всех сил стараемся если не помочь папе, то хотя бы не давать ему унывать в одиночестве. Поэтому, как только папа собирается в огород, мы тоже надеваем рабочую одежду и отправляемся с ним.

Сегодня Петруня мало нам мешал. Играл на полянке, которая находится метрах в 15 от нашего участка, поглядывал в нашу сторону и занимался травой, веточками, цветами, камешками, землей... Интересно, что когда мы (родители) ему были нужны (или он соскучился, или одному надоело, или хотел уже есть или спать), он не плакал, не кричал, а упрямо и очень упорно топал до нас, перебираясь через все ямы и ухабы, где надо сползая, влезая и переползая, и только когда находился метрах в 1,5—2, протягивал ко мне ручки и звал — ну как такого труженика не подхватить и не похвалить!

С. 208. 1 г. 3 мес. Собралась стирать уже вечером, когда Петруня стал похныкивать — захотел спать. Я не могла бросить стирку (вода бы остыла), а так как Петруша все лез ко мне, решила и его занять этим делом. Я стирала и клала вещи на край ванны, а Петруню попросила перекладывать их в тазик, стоящий на полу. Он так и стал делать (белье было мелкое, и ему было удобно справляться с ним). Потом попросила, чтобы Петр из тазика подавал мне его для полоскания. Здесь я уже за ним не успевала, и он стал думать, что делать дальше. Прополосканное, отжатое белье, которое я опять клала на край ванны, Петр стал сам складывать в тазик.

С. 213. 1 г. 5 мес. Сегодня Петруня сам залез в свою кроватку и стал все стаскивать с бортиков внутрь, устроил в кровати склад вещей, выбрал из кучи свои красные полосатые брюки и очень долго и старательно пытался их надеть (я рядом гладила белье и наблюдала за ним), что у него (в первый раз!) получилось. Он стал их подтягивать, но до конца все же не натянул и все равно радостно позвал меня посмотреть на результат своего старания. Пришлось порадоваться вместе с ним и подтянуть ему штанишки, а уж мои возмущения по поводу беспорядка в кровати решила не высказывать — просто повесили вместе все обратно.

С. 222. 1 г. 6 мес. Стянул со стола расческу, посмотрел на меня и протянул мне, что-то объясняя. Я взяла расческу и положила на стол (гладила в это время). Петруне это не понравилось, опять что-то стал мне «объяснять». Я его выслушала и говорю: «Маме надо причесаться?» — радостное «Да!». Смотрю на себя в зеркало: правда, надо бы привести себя в порядок. Молодец, Петр! Уже стал следить за мамой, точнее, за ее внешним видом, и я сказала бы, что у него это получается довольно тактично.

Последние дни садится есть и требует, чтобы я тоже села за стол, чтобы у меня тоже было «бу» (блюдце) и «л-за» (как-то странно так называет ложку) и чтобы на «бу» у меня тоже была «ка» (каша или картошка).

Рассказываю обо всем этом папе, и тот очень радуется, что сын так внимателен и заботлив к маме.

С. 231. 1 г. 7 мес. Обычно Петруня открывал двери из нашей комнаты сбоку, и если их плотно прижать, то он открыть их не может. Но вот уже дней 10, а может, и больше он придумал другой способ открывания: берется за занавеску, висящую на двери, и тянет ее на себя — дверь открыта. Когда идешь в нашу комнату — проще: дверь надо

только толкнуть, но вот в руках у Петра полная чашка с водой (я смотрю: что же он будет делать? Наверное, поставит чашку на пол...), Петр спокойно поворачивается спиной к двери и, отходя назад, открывает ее. Ну молодец! Сам додумался!

С. 241. 1 г. 8 мес. Немного о Петюнькиных «штучках». Иногда очень упрямится и издает интересный звук: «н-н-н...»— при сильном напряжении получается вроде «Ни за что не буду, что хотите со мной делайте...»; когда что-то натворит и начинаешь ему внушать, отводит глаза в сторону (хитрец!) или... переводит разговор на другую тему (начинает говорить о Саше, о любом другом, не слушая маму). Конечно, в этом моя вина. Еще научился искусственно смеяться, особенно когда играет со мной. (Может, я так смеюсь? Или мне нравится такой его смех — вот он и старается?)

С. 252. 1 г. 10 мес. Сегодня захожу в комнату — Саша (дочь, 5 мес.) капризничает; Петруня сидит с ней рядом и успокаивает: «Петя тобой, тобой, э паць! Я тобой!» — я рассмеялась: «Ну, конечно, Саша, что же ты плачешь: ведь Петя с тобой!» (Когда я успокаиваю Сашу, говорю: «Ну что плакать? Ведь мама с тобой, Петя с тобой, а ты плачешь...»)

С. 258. 1 г. 11 мес. Продолжаю «воевать» с Петром. В эти дни я что-то не высыпаюсь (у Петра — диатез, а у Саши — зубы), неуравновешенная какая-то — и Петра выбила из колеи то своими окриками невпопад и шлепками, то неудержимыми проявлениями любви. И результат: Петруня почти не реагирует на мои просьбы и замечания, отказывается помогать, визжит, топает ногами, лезет ко мне в любое время, не замечая и не обращая внимания на мои дела...

Немедленно маме надо привести свои эмоции в порядок.

С 263. 2 года. Кто бы знал, как мне нравится с Петром вечером говорить. Рассказываем сказки, поем песни, что-нибудь вспоминаем из прошедшего дня. Петруша в это время сосредоточен, думает. Следить за его лицом, глазами, произношением слов в это время — для меня истинное удовольствие. У меня стоят дела, в голове вертится: «Надо стирать, на кухне убрать, вымыть посуду, не забыть вынести на веранду молоко и картошку, погладить бы...», но все это отходит на второй план, когда нам обоим так хорошо вместе. Чудо!.. Не каждый вечер, конечно, так получается: то дела берут верх, то Сашу не уложить сразу, то Петруша капризничает или, наоборот, сразу засыпает, но уж если мы разговоримся...

С. 280. 4 года. Сегодня я то ли «встала не с той ноги», то ли еще что... Весь день ходила обиженная на всех, из-за каждого пустяка сердилась, и особенно доставалось Петру (как старшему или как самому терпеливому?); я без конца произносила бессмысленные фразы: «Петр, сколько можно повторять?! Тебе что, нравится обижать маленькую? Нравится, как она кричит? Нехорошие вы!.. Никто мне не помогает...»

Отчего так?! Ведь ребята совершенно ни при чем, они как обычно играли, немного шумели, ссорились и мирились, разбрасывали игрушки и убирали их...

Я сама как будто специально хотела конфликта с ними... Что со мной?!

Это странно и... обидно, и стыдно, но я, кажется, устала от своих детей! Последние дни я постоянно с ними (папа в командировке) и у меня нет ни минуты свободного времени, чтобы подумать о чем-то другом, поиграть на пианино...

Кстати! Я ж об этом и хотела написать. Вечером, когда я со скандалом и плачем укладывала ребят спать, Петруша тихо сказал мне: «Мама, не сердись. Иди, поиграй на пианино...» После этих его слов я как бы отрезвела: мне действительно нужно было уйти от ребят куда-то хотя бы в мыслях...

Вот когда я ухожу куда-нибудь из дома (в магазин, на почту) без ребят, а они остаются с папой, я уже через час-два скучаю без них и даже не могу себе представить, как это на таких ангелов можно кричать; и весь день после таких «одиноких» прогулок я с ребятами нормальный человек... Но это пока для меня роскошь — такие вот прогулки...

С. 297. 4,5 года. Петр становится очень самостоятельным, ему нравится уже быть не дома: на улице, в гостях... Приехали домой, а он рвется на улицу, в гости, зовет девочек к себе домой... Не хватает ему серьезных занятий и, наверное, общения со взрослыми... Книжки тоже всерьез не читает, потому что получается еще медленно».

Добавлю: автор этих заметок — человек способный, многое умеет. Она могла бы (собирается это сделать) заняться с детьми рисованием, музыкой, чтением, познанием природы и мира не по телевизору, а воочию — видя и наблюдая этот мир во всем его многообразии и красоте. Да где же взять на это время? К тому же ей очень хочется и самой учиться, а как решить эту проблему? По существующему закону об образовании, для того чтобы учиться заочно или на вечернем отделении, надо непременно работать на производстве. А неработающей матери малолетних детей — нельзя. Она ведь не работает! Все высокие слова о материнстве одним только этим унизительным обстоятельством сводятся на нет. А таких обстоятельств много. Но об этом речь впереди, а пока вернемся к дневниковым записям молодой мамы.

МАТЕРИ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ...

Думаю, каждый, кто прочтет эти непритязательные заметки, скажет: мама, конечно, очень любит малыша, наблюдательна и самокритична, умеет ему не подчиняться и дает сынишке свободу для проявления себя. Часто встречается слово «вместе» (стираем, убираем, работаем на огороде, разговариваем перед сном). А ведь это ключ к решению чуть ли не всех родительских проблем. Как видим, молодая мать начинает не на пустом месте. Конечно, еще почти нет опыта, маловато выдержки, терпения, да и просто душевного спокойствия, но с таким началом все это быстро бы приобрелось, если бы у нее на это оставались силы и время. Увы...

Обращаем внимания на цифры, указывающие страницы дневника и возраст ребенка. Проанализировав их, обнаружим, что мать стремится записывать как можно больше: поначалу 15—20—25 страниц в месяц, потом все меньше и меньше, но даже когда родилась дочка (а сыну было только полтора года), она пытается не сбиваться с ритма: 10—11 страниц в месяц, потом 10 страниц за 2 месяца и, наконец, 34 странички за 2 с половиной года!

Вдумайтесь в эти цифры, обратите внимание на такие места в дневнике: сначала проскальзывает «не успеваю», потом «не досыпаю» и т. д. Вот и благое намерение: «надо привести свои эмоции в порядок». А потом несколько страниц (я их не привожу) под заглавием «Мамины тревоги» и всего одна фраза: «Очень устаю, раздражаюсь, как все успеть».

Конечно, необязательно вести дневники. Главное — та душевная и духовная работа, которую эти странички отражают: от нее матери нельзя уходить. Дневник просто позволяет проследить процесс, если так можно выразиться, убывания творческих возможностей матери в общении с ребенком: на это не остается ни сил, ни времени. Захлестывают бытовые дела, отложить их трудно — тогда они накопляются. Второй, а особенно третий ребенок в бытовом плане многократно усложняет жизнь матери, свободного — своего — времени у нее остается все меньше и меньше, практически оно сходит на нет.

Какие там любимые дела, книги, а тем более театры и выставки, гости и встречи! Вот вторая причина усталости. Если первая — от чрезмерной перегруженности бытовой работой, то вторая (она посерьезнее!) — от невозможности делать то, что хочется, в том числе и в общении с ребенком, т. е. от неудовлетворенной потребности в духовном развитии. И чем больше развита в этом отношении женщина, тем губительнее для нее отсутствие свободного времени. Если бытовую перегрузку, недосыпание еще как-то можно компенсировать (хоть изредка заботливый муж даст возможность просто отоспаться и отдохнуть), то несвобода в удовлетворении духовной жажды чревата **накоплением** усталости, которую снять эпизодическими «глотками» не удается.

Есть еще и третья причина усталости — невнимание и неблагодарность мужа. Понять состояние и душевное напряжение матери отец может лишь тогда, когда останется вдовцом с несколькими маленькими детьми, когда свалится на него ежедневная забота не только о еде, одежде, чистоте, болезнях, но также и о детских обидах и ссорах, занятиях и увлечениях, друзьях и недругах.

Есть у Л. Толстого в «Анне Карениной» удивительные строчки, которые вызвали во мне чувство особой благодарности к автору. Речь в них идет о первых месяцах жизни Левина и Кити в деревне после свадьбы. Левин удивлен, что его молоденькая жена «ничего не делает и совершенно удовлетворена». Он «в душе осуждал это и **не понимал** еще, что она готовилась к тому периоду деятельности, который должен был наступить для нее, когда она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей. Он **не понимал,** что она чутьем знала это и, готовясь к этому **страшному** труду, не упрекала себя в минуты беззаботности и счастья любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнездо» (часть 5, глава XV, полужирный мой.— *Л. Н.*). «Не понимал...» — да и поймет ли меру этого страшного (в смысле огромного) труда матери? И это в богатых дворянских семьях, где была прислуга. Нам ли с ними равняться? Хотя вспомним: и в небогатых, но интеллигентных семьях считалось само собой разумеющимся иметь в доме кухарку, няню при детях. Из-за того, что чурались грязной работы? Нет, конечно,— чтобы высвободить время матери. По-видимому, культурные люди давно поняли, что изнуренная, задерганная мать мало что сможет дать детям. Ей нужны помощники, взявшие на себя большую часть хозяйственных дел, чтобы она могла сосредоточиться на тех материнских обязанностях, где ее заменить не может никто.

Вернемся, однако, к нашему времени. Напомню, что условия жизни и первоначальная подготовка молодой мамы, автора приведенных выше страниц, более чем благополучны. И тем не менее УСТАЛОСТЬ стала подтачивать ее силы очень рано. Она породила раздраженность, сильное внутреннее напряжение и как следствие — срывы в отношениях с детьми, неадекватность ее реакции на их поведение, относительную поверхность наблюдений, особенно заметную в сравнении с первыми записями — и понятно: когда же тонко вникать, когда вместе всерьез заняться не только стиркой и уборкой? И вот результат: в четыре с половиной года сыну «не хватает серьезных занятий и, наверное, общения со взрослыми». Он уже «рвется на улицу», ему нравится «быть не дома».

И это все — в благополучной семье! Чего же тогда ждать от неблагополучных?

Наконец я подошла к той фразе, которую оставила незаконченной в первой главе: «Матери категорически нельзя... у с т а в а т ь».

По-настоящему я это осознала, когда... ушла на пенсию. Казалось бы, одна гора свалилась с плеч, высвободилось столько времени, и я мечтала, что теперь-то я наконец и начитаюсь, и навышиваюсь, и в хор запишусь, и... Ан нет, я уставала больше, чем когда еще и работала. В чем дело? Да просто я тогда не была «белкой в колесе», которой не вырваться из четырех стен. Перемена деятельности и обстановки — вот что меня спасало. Домашнюю работу, да еще при такой большой семье, как у нас (7—8 взрослых да 2—4 внука), вовек не переделать, она всегда в спину стучит. Но когда я работала, я с легким сердцем откладывала то, что может подождать или вообще не так уж важно. А тут весь день дома, ничего не отложить: ведь ты д о м а, а остальные р а б о т а ю т. И остались мои мечты мечтами.

Тогда я не просто поняла, а почувствовала, каково приходится молодой матери-домохозяйке, изо дня в день прикованной к ребенку в качестве кормилицы и обслуги. И если учесть, что духовные потребности современной женщины благодаря уродливому воспитанию «по мужскому образцу» чаще всего лежат вне материнства, то можно простить молодую мать за то, что она воспринимает жизнь с малышом как бесконечную, однообразную, примитивную и отупляющую работу. Она же просто не готова к кропотливому и напряженному душевному творчеству, в котором только и реализуется человеческая любовь.

Сейчас я вижу два главных препятствия на пути наших женщин к достойному и счастливому материнству: психологическую н е п о д г о т о в л е н н о с т ь их к этой сложнейшей миссии и непомерные п е р е г р у з к и в профессиональном и домашнем труде. НЕУМЕНИЕ и УСТАЛОСТЬ — две беды матерей и две вины общества перед ними, ибо первое и второе, как теперь выясняется, есть следствие неумелой, недальновидной политики государства по отношению к семье, материнству и отцовству.

Общественное дошкольное воспитание с самого начала было призвано помочь матерям высвободить время и силы женщины, обеспечить детям полноценное развитие. А что вышло?

Благое это намерение постепенно породило отчуждение родителей от детей, безответственность отцов и матерей, массовое сиротство при живых родителях. Конечно, причин этих разрушительных процессов, видимо, немало, однако ясли и детский сад внесли в них свою существенную лепту. Как? Да очень просто: по 12 часов в день ребенок находится вне дома. В распоряжении пап и мам лишь суетливое утро да усталый вечер — какое уж тут взаимопроникновение и интерес друг к другу, какой тут душевный контакт?!

Видимо, именно это прежде всего и отпугнуло меня когда-то от детского сада: я не представляла себе, как же я не буду знать, где и как провели целый день мои дети. К тому же это учреждение (по некоторым рассказам и наблюдениям) всегда представлялось мне некоей резервацией для больших и маленьких бесправных людей, жизнью которых распоряжаются Режим, Программа, множество Инструкций и энное количество Проверяющих лиц, которые следят за точностью исполнения параграфов и пунктов.

Сколько есть и спать, когда и чем заниматься, сколько гулять, двигаться, что петь, танцевать, как играть, какие стихи учить — все расписано по минутам и нор-

мам: на день, неделю, год вперед. И никакой «самодеятельности» — только то, что «положено»!

Разговаривала с воспитателями, родителями и убедились: все так и есть, даже еще хуже. И поняла окончательно, что такой детский сад мне не подспорье.

Мы в своей семье с трудом, но обошлись. Не ходят в детский сад и наши внуки. Но как быть тем, кто обойтись не может? А таких родителей сейчас большинство. Недаром на встречах с родителями нас еще чаще одолевали вопросами: «Что надо менять в детском саду? Каким вы представляете детский сад в будущем?»

Борис Павлович, озабоченный главным образом здоровьем, физическим и интеллектуальным развитием детей, составил целый перечень мер, которые без особых дополнительных затрат могут существенно улучшить жизнь детей и взрослых в детском саду. И уже улучшают — там, где попробовали применять хотя бы часть из них.

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОТНИКАМ ДЕТСКОГО САДА

В кратком изложении (полностью см. кн.: **Никитин Б. П., Никитина Л. А.** Мы, наши дети и внуки. М., 1989) они выглядят так:

1. В течение отопительного сезона поддерживать в помещениях, где находятся дети, ЗДОРОВУЮ ТЕМПЕРАТУРУ, то есть 17—18°. В каждой группе иметь минимум два термометра, установленные на высоте 1 м от пола, повышение температуры выше +20° считать ЧП и немедленно принимать меры по ее нормализации.

2. Превратить СПАЛЬНИ в СПОРТЗАЛЫ и тем самым вдвое увеличить пространство для жизни и развития (особенно физического).

Для этого:

удалить кровати;

установить вместо них спорткомплексы В. С. Скрипалева (не менее одного на группу, см. кн.: **Скрипалев В. С.** Стадион в квартире. М., 1981; Наш семейный стадион. М., 1986);

для дневного сна детей приобрести поролоновые или пенополистироловые коврики, чтобы укладывать детей на полу (как в Японии). Можно сделать откидные спальные полки, как на кораблях или в поездах, в два яруса на высоте 20 и 80 см от пола.

3. ДНЕВНОЙ СОН можно оставить только ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ, так как с возраста 3—4 года большинство детей днем спать не ложатся. Остальные дети могут заниматься в это время чтением, письмом, рисованием, лепкой и тихими играми.

4. Постепенно перейти на более ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ (взрослым тоже полезно):

ОБЛЕГЧИТЬ ОДЕЖДУ и обувь детей. Поощрять ребятишек за «храбрость», т. е. постепенно приближаться к идеальной форме одежды — ТРУСИКИ и БОСИЧКОМ летом и зимой;

спортивный комплекс и спортивные игрушки сделать доступными для детей, чтобы они СВОБОДНО МЕНЯЛИ СВОИ ИГРЫ в течение дня;

поощрять малышей к придумыванию разнообразных упражнений и игр.

5. Оснастить территорию детского сада спортивными сооружениями и снарядами:

сделать БЕГОВУЮ ДОРОЖКУ вдоль забора (кольцевая наибольшей длины, т. е. 200—400 м) шириной 1,2—1,5 м с внутренним закруглением на поворотах радиусом не менее 3 м;

установить спортивные комплексы на площадках каждой группы, усложняя их для детей более старшего возраста;

сделать для детей летний бассейн — «лягушатник» глубиной до 0,5 м и наклонными бортиками, чтобы зимой превращать их в мини-катки для малышей;

сделать асфальтированную площадку для катания на самокате летом, а зимой превращать ее в хоккейное поле.

6. Для объективной оценки уровня физического развития детей ввести измерения СИЛЫ, СКОРОСТИ, ВЫНОСЛИВОСТИ (бег на дистанцию в 1500 своих ростов), ЛОВКОСТИ, МЕТКОСТИ (лазанье по шесту и бросание мяча в цель на расстояние 5 ростов) по «индексам справедливости» (см.: Физкультура и спорт. 1983. № 3. С. 20; Искусство быть здоровым. М., 1987. Ч. 1. С. 21—23). Измерения делать 2—3 раза в год и отмечать в таблицах достижения каждого ребенка.

7. Здоровье детей заметно укрепляется, если прекратить насильственное кормление детей (большие порции, требования съедать свою порцию и весь обед). Ребенок должен есть с удовольствием и только то, что он хочет.

8. Сдвинуть развитие к РАННЕМУ ВОЗРАСТУ:

знакомить детей с буквами, цифрами, чтением, письмом, счетом с 2—3-летнего возраста и в игровой форме;

создать для этого обстановку, в которой бы чтение, письмо, счет, рассматривание географических карт, таблиц, планов, чертежей, глобусов, пользование часами и термометром явились для детей столь же обычными, как и катание с горки, беганье и игра с мячом. Пронумеровать шкафчики, стулья, игрушки, писать имена детей, повесить школьные доски и дать детям мелки;

для развития творческих способностей у детей ввести в употребление РАЗВИВАЮЩИЕ ИГРЫ (по одной).

9. Организовать в детском саду МАСТЕРСКУЮ для изготовления игр, пособий, мелкого ремонта мебели, оборудования спортивных комплексов и площадок. Ввести в типовые штаты дошкольных учреждений мужские должности (физрук, мастер).

10. Подумать об организации разновозрастных групп, в которых старшие дети помогают воспитателю (как в Венгрии), смотрят за малышами, играют с ними.

Конечно, я охотно подписалась под всеми этими предложениями, но главная моя проблема ими и не снималась. Получалось даже так: чем лучше будет детям в детском саду, тем охотнее и легче их туда будут отдавать родители! А надо сделать так, чтобы детский сад не подменял родителей, не отторгал их от детей, а соединял их друг с другом, давал возможность для их богатого и тонкого общения и взаимодействия. Как же это сделать? Я долго мучалась над этим вопросом — хотелось, чтобы детский сад помог маме стать матерью: не только высвободил для этого ее время, но — главное! — приобщил ее к духовным пластам материнского труда, вызвал и развил потребность в нем.

Именно об этом и хотелось написать в последней главе моей книги. Какой же трудной оказалась эта задача! Я почти отчаялась, не находя ни в литературе, ни в своем воображении реальных путей к ее решению... Вот тут-то и раздался вдруг... телефонный звонок.

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

6 мая 1989 года я дежурила на открытом телефоне в «Комсомольской правде». Звонки шли друг за другом, один из них был из Ворошиловграда. Напористый женский голос возмущался, почему и съезд учителей, и будущий учительский союз так мало внимания уделяют фундаменту образования — дошкольному воспитанию? «Если здесь все не перевернуть, то и выше ничего не

получится!» Я даже растерялась от неслыханного везения. Воистину на ловца и зверь бежит.

— А разве можно перевернуть? — кричу в трубку.

— Пробуем! Вот уже два года наш детский сад этим занимается... И дальше скороговоркой: «уроки» отменили, занятия — по интересам ребят, нет обязательного сна, режим гибкий, спортснаряды в группах, ходим в трусиках и босиком и даже по снегу, родители по желанию могут быть в группах, в перспективе — разновозрастные группы, «школа счастливой семьи» и еще много-много чего... даже сауна!

— Лилия Анатольевна, есть идея — приехать к вам.

— Конечно, приезжайте, ждем! — И вот вместе с Л. А. Блудовой, заведующим детским садом, я хожу по «Теремку» и ахаю от удивления. Сразу бросилась в глаза раскрепощенность ребятишек: никаких шеренг и рядов, приказных «встаньте-сядьте», неизбежных «Сиди, как следует» и «Дети, тише!» — короче, никакой муштры я не обнаружила за все дни знакомства с обитателями «Теремка». А их вместе со взрослыми за 300 человек (260 детей в 11 группах, из которых 4 — ясельных). Кого ни встретишь — открытые приветливые лица, с готовностью откликающиеся на улыбку. Так бывает в дружной гостеприимной семье.

В первый же день знакомства меня повели в два спортивных зала (не предусмотренные проектом, но выкроенные из других помещений), где были тренажеры и разные спортснаряды, никакими программами и методиками не рекомендуемые; я воспрянула духом: это не гимнастические палочки и мячи (они тоже были), это нагрузки посерьезнее, а возможности подвигаться — вдоволь. В зал вбежали малыши вместе со стройной красивой девушкой в спортивном костюме, и все — босиком, а детишки только в трусиках! Грянула музыка: «А-э-ро-бика! А-э-ро-бика!» Ребята, не теряя ни минуты, рассыпались по залу, и тут началось: то ли танец, то ли гимнастика, то ли просто радостное кувыркание вместе со всеми — кто как мог, без всяких понуканий и замечаний, но в темпе, интенсивно, без остановок и задержек, радостно, энергично — вот это зарядка!

— Это у вас особая группа? — спросила я, ошеломленная увиденным.— Не может быть, что...

— Нет, что вы! — засмеялась Лилия Анатольевна.— Это проводится ежедневно по утрам для всех без исключения. А потом еще физкультурные занятия, ритмика, игры на прогулке. В общем ребята у нас двигаются много, практически сколько хочется: ведь спортснаряды есть и в каждой группе, они доступны всем и в любое время.

— И все время только в трусиках?

— Нет, так только на физкультурных занятиях и во время еды, а в остальное время — по желанию детей.

— А почему во время еды? — удивилась я.

— О-о, это особый разговор, это наше открытие, если хотите...

В последующие дни мне пришлось еще не раз удивляться, и все мои удивления свелись к одному: значит, это возможно?! Я не чувствую себя вправе на основании лишь первых впечатлений анализировать и оценивать работу дружного коллектива воспитателей «Теремка», но не поделиться ими с читателями просто не могу: здесь я увидела воплощенным то, что мне казалось вообще несбыточным в условиях дошкольного учреждения. Расскажу о самом главном.

ЗДЕСЬ НЕ БОЯТСЯ ПРОХЛАДЫ. Во всех помещениях (кроме кухни, наверно) температура +17—18°, не выше 20° (за этим следят). Везде открытые форточки, а иногда и окна, хотя на улице похолодало и дождит. В группах дети одеты по-разному: кто обут (но без колготок), кто босиком, кто в майках и трусиках, кто потеплее, но в общем одежда не теплая и не стесняющая движений. Раздеваться до трусиков полагается только для спортивных занятий, зарядки, ритмики и пробежек по двору в любую погоду, в том числе и зимой по снегу (последнее, правда, пока не для всех, а по договоренности с родителями и желанию детей — даже часто болеющих!). Для расхрабрившихся — обливание холодной водой. К этому приобщила Лилия Анатольевна и себя, и своих дочерей, и воспитателей, и некоторых родителей с детьми.

НИКАКОЙ МУШТРЫ. Да, в этом доме посягнули на «святая святых» детской жизни — всесильный режим: его сделали гибким, удобным для детей, родителей и воспитателей. Например, детей могут приводить в детский сад и забирать домой практически в любое время с 7 часов 30 минут до 20 часов. Завтрак не точно с 8 до 8.30, как положено, а с 8 до 9.30; можно привести малыша в течение этого времени, и он будет ласково встречен, накормлен, а если позже, то его должны покормить дома — и никаких нервотрепок из-за опозданий, и никакой суеты и лишнего напряжения для воспитателей из-за того, что надо сразу (за 30 минут!) усадить за стол 20—25 детей и успеть втолкнуть в них (опять же положенную) порцию пищи. Кстати, о порциях: здесь ничего насильно детям не дают. Правда, не удалось еще решить проблему с остатками еды, но я уверена, что со временем решат и эту проблему, потому что считают ее проблемой нравственной.

ЗАНЯТИЯ НЕ ПО РАСПИСАНИЮ, А ПО ИНТЕРЕСАМ. Каково?! Когда я читала обязательную «Программу воспитания и обучения в детском саду», меня ужаснула сетка занятий, расписанных по минутам. В один день, как уроки в школе, калейдоскопом сменяются обязательные для всех, методически разработанные действа: лепка, рисование, конструирование, дидактические игры, игры «во что-то» (заранее спланированные!) — вздохнуть без руководства некогда. Несчастны дети, не знающие наслаждения свободного, раскрепощенного, творческого времени! Наверное, это тоже пугало меня всегда в детском саду. Я интуитивно боялась для ребят этого стадного подчинения руководящему началу, да и просто какой-то жесткой запрограммированности жизни. Но я не представляла себе, как же миновать ее, если в группе 20—30 однолеток несмышленышей и всех надо разносторонне воспитывать. Как же тут обойтись без **расписания!**

Оказалось, можно! В «Теремке» расписание осталось только для тех занятий, которые проходят в специальных помещениях: физкультурных и музыкальных залах. А в группах никаких уроков по-школьному: занимаются тем, что интересно и столько, сколько хочется. Конечно, этот интерес воспитатели исподволь организовывают (найдены для этого психологически тонкие приемы), но обязаловки нет. У каждого есть возможность, когда хочется, позаниматься на спортивных снарядах, находящихся здесь же в группе, поиграть другими игрушками или взять книжку. Можно даже... уединиться: в спальных комнатах оборудованы такие уголки, где можно поиграть одному или вдвоем.

Я поразилась этому чуткому прислушиванию к желаниям малыша. Здесь идут **от ребенка** и его насущнейших потребностей: в движении, в самостоятель-

ности, в проявлении личностных особенностей, в свободе выбора вида и способов деятельности. Здесь не увидишь одинаковых аппликаций и рисунков, этих псевдодетских грибочков, зайчиков, елочек и человечков, сделанных по **готовому** образцу. Здесь не выносят шаблона — и как же отдыхает глаз на развешанных по стенам детских рисунках — самовыражениях или вольных фантазиях «на тему». Яркие «вернисажи» постоянно меняются, и **каждому** маленькому художнику в них находится место — никто не обделен вниманием и все защищены от жестокого осознания: у меня хуже всех.

НЕТ ИЗБЫТОЧНОГО ВЕСА — на весь детский сад только два толстячка. Какое же это прекрасное зрелище: столько ловких, подтянутых, раскованных малышей, у которых естественная грация переходит постепенно в умение управлять своим телом. Усилие для них становится наслаждением, а ощущение «Я могу!» освобождает их от страха и стеснительности.

Конечно, успехи не у всех одинаковы, но здесь не принято устраивать соревнование между детьми, каждый продвигается по мере своих возможностей. Мне это очень понравилось, а вот Борис Павлович обратил внимание на некоторую недоработку этой принципиальной установки: дети не приучаются к переживанию поражения, неудачи, к напряжениям изо всех сил, а ведь то и другое как им еще пригодится! Вновь проявляется разный — мужской и женский! — подход к явлению. Мне бы — сотворить детей тоньше, терпимее, мягче; отцу — укрепить их для неизбежных неожиданностей, трудностей жизни.

«ПУСТЬ ДЕТИ БОЛЬШЕ СМЕЮТСЯ!» — Лилия Анатольевна это не просто сказала, она это воплощает в жизнь.

В «Теремке» я ни разу не услышала детского плача и истерических разнузданных воплей. Но и тишины, противоестественной там, где живут дети, здесь нет и в помине. Детский гомон, словно птичий щебет («жриамули» — так по-грузински называет эту музыку самой жизни Шалва Александрович Амонашвили), наполняет этот дом с утра до вечера и стихает только во время сна. А ведь заставить смеяться невозможно.

«Школа счастливой семьи» — это самое удивительное завоевание «Теремка»: он притягивает внимание родителей к себе, привлекает их к взаимодействию и сотрудничеству с детским садом не через обязанность, а через интерес к развитию собственного ребенка. Здесь разработана целая система непринужденного общения с родителями, которые на равных участвуют в жизни «Теремка». Это и анкетирование, и «телефон доверия» по четвергам, и возможность в любое время побыть с ребенком в группе, привести его и увести в удобное для семьи время, и общие праздники и вечера отдыха с конкурсами и художественной самодеятельностью взрослых и детей.

Результаты не заставили долго ждать. Раскрепощенный ребенок потребовал от взрослого иного отношения, заставил родителей и воспитателей отказаться от многих привычных авторитарных способов руководства. Пришлось «самозатачиваться» всем!

Недаром на «Доске приказов» я увидела в этом детском саду необычное объявление:

«Внимание! В мае месяце состоится расширенный педсовет по вопросу самосовершенствования личности воспитателя».

А одним из решений этого педсовета стало намерение с сентября открыть в «Теремке» «Школу счастливой семьи».

В последний вечер перед моим отъездом воспитатели собрались в методкабинете, и я попыталась передать им свои наблюдения, накопленные за три дня... Под конец я не удержалась и от вопросов:

— Скажите, так работать труднее?

— Да,— признались многие,— особенно в самом начале было очень непривычно.

— А не хочется перейти в обычный детский сад?

— Нет! — отозвались дружно, не сомневаясь.

— Но ведь там было бы легче?!

— Зато здесь интереснее и человеком себя чувствуешь.

Вот еще один драгоценный результат, достигнутый здесь, в «Теремке», всего за два года.

Конечно, за всем этим — огромная работа и всего коллектива, и преодоление всевозможных, часто до обидного бессмысленных, препятствий (без них у нас, к сожалению, не обходится ни одно новое дело). Однако, прослышав о чудесах «Теремка», потянулись люди — «посмотреть» — из других детских садов, а сумевшим увидеть и понять захотелось многое попробовать. Получается!

Я возвращаюсь в Москву, переполненная впечатлениями. Самым удивительным было то, что я впервые почувствовала доверие к этим недомашним стенам и неродным людям. Дело было не столько в безотчетном чувстве симпатии, сколько в каком-то глубинном взаимопонимании: мы исповедовали одни взгляды на Ребенка, Семью, Материнство и Отцовство. Здесь поняли два главных условия становления человека: предоставление широчайших возможностей для деятельности малыша (в детском саду интереснее) и нежнейшую любовь близких (а в семье теплее). И эти условия в «Теремке» стараются соблюдать.

Пожалуй, в такой детский сад я привела бы внуков.

ПОСЛЕСЛОВИЕ С ПРИЛОЖЕНИЕМ

С того памятного телефонного звонка прошел целый год. Многое пережил «Теремок» за это время: и бурные похвалы, и едкие упреки, и творческие взлеты, и внутренние конфликты — что ж, новые пути гладкими не бывают. Зато и результаты радуют и обнадеживают настолько, что творческий Союз учителей СССР присвоил детскому саду № 128 статус экспериментальной площадки — чтобы не пропало то, что уже найдено, и чтобы поменьше было помех на пути хорошего дела. А еще затем, чтобы обрести точку опоры для кардинального изменения общественного дошкольного воспитания в стране, ибо (помните?) «если здесь все не перевернуть, то и выше ничего не получится!».

Приложение

(для тех, кто не желает дожидаться распоряжений сверху)

Вот основные положения авторской программы Л. А. Блудовой по проблеме «Создание условий для естественного развития детей в системе дошкольного воспитания» (Ворошиловград, 1990).

В основе ее лежит мысль о возвращении к естественному развитию детей. Статистические данные свидетельствуют о физическом и психическом нездоровье наших детей.

Бездуховность, падение нравов, обезличивание требуют от педагога серьезных размышлений и поисков путей для спасения детей.

Естественное воспитание — это бережное отношение к природе человека, отказ от насилия, подавления личности ребенка. Ребенок должен жить в радости, самостоятельно наблюдая мир, удовлетворяя жажду познания, а задача педагога — создать условия, в которых малыш мог бы саморазвиваться, самовоспитываться, самосовершенствоваться.

Реализация данной программы осуществляется в трех направлениях:

1) развитие саморегуляции детей через общение с природой и естественное оздоровление;

2) развитие творческих способностей в различных видах деятельности;

3) духовное развитие детей через общение с окружающим.

Раздел I. Организация жизни детей в детском саду

Условия жизни детей в нашем детском саду приближены к домашним (мебель, предметы домашнего обихода, размещение игрушек, материалов и оборудования для различных видов деятельности удобно и доступно для индивидуальной и коллективной работы).

Соблюдаются семейные и национальные традиции (праздники, дни рождений, день сказки и т. д.). Родители участвуют в жизни детского сада в свободное время, принимают участие в играх с детьми, наблюдают за ними.

Режим дня гибкий, удобный для родителей и детей. Приводить и забирать ребенка родители могут в любое время по договоренности с воспитателем.

Кормление, сон и другие режимные процессы проводятся с учетом деятельности и событий в группе.

Кормление. Ни в коем случае не принуждаем ребенка есть без желания, учитываем его индивидуальные особенности (вес, рост, аппетит).

В рационе питания преобладают овощные и фруктовые блюда, мед, орехи, кисломолочная продукция. В организации питания мы используем рекомендации академика Н. М. Амосова, врача Г. С. Шаталовой, психотерапевта В. Л. Леви, а также технологию приготовления пищи, предложенную В. С. Михайловым.

Сон. В раннем и младшем дошкольном возрасте спят все дети (при открытых окнах). В старшем дошкольном возрасте сон — по желанию и необходимости с учетом индивидуальных особенностей ребенка.

Работоспособность у дошкольников к пяти годам возрастает, но не все из них нуждаются в дневном отдыхе. Такие дети могут заниматься продуктивными видами деятельности, спокойными играми, но при этом не должны шуметь, мешать отдыхать другим. Им необходимо **уметь найти себе занятие.**

Раздел II. Физическое воспитание

В основе физического воспитания детей, по нашему мнению, должны быть заложены традиции славянских народов, у которых особое значение придавалось закаливанию. Массовой закаленности русского народа способствовали русская природа и суровые

зимы. Русские были крепкими, смелыми, выносливыми, способными переносить стужу и жару. Они использовали для укрепления здоровья баню с последующим растиранием снегом или купание в реке, озере в любое время года.

В детском саду ребенок постепенно учится переносить те природные климатические условия, в которых он живет. Мы стараемся избегать изнеженности, перегревания, создаем атмосферу здорового образа жизни, о болезнях не говорим.

Сами сотрудники — сторонники здорового образа жизни (закаливание, занятие физкультурой).

Родители при поступлении детей в детский сад получают печатный материал с советами и рекомендациями о здоровом образе жизни (закаливание, питание и т. д.). Затем с ними заключается договор о совместном воспитании ребенка, о необходимости следовать этим рекомендациям в домашних условиях. Родителей учат оказывать первую помощь при заболевании ребенка, используя советы народной медицины (без лекарств), делать профилактический массаж.

Воздух. Прогулки до трех часов в день. Пребывание в помещении в трусах и босиком (дозировка определяется желанием детей), при открытых окнах.

Земля, снег. Выбегание на землю босиком в трусах при любой погоде. Длительность пребывания определяет сам ребенок. Во время выбегания выполнять дыхательные упражнения с задержкой дыхания. Происходит ионизация тела, снимается статическое напряжение, исчезает раздражительность. Растирание снегом и пробежка по снегу (дозировка определяется ребенком, пока ему приятно и доставляет удовольствие).

Вода. Умывание лица, рук, ног холодной водой из-под крана. Обливание холодной водой на воздухе. Полоскание горла холодной водой.

Жара. Пребывание на солнце без головных уборов (дозировку пребывания должен регулировать сам ребенок). Воспитатель учит прислушиваться к организму и управлять им.

Сауна. Дети с двух лет еженедельно парятся в бане с употреблением чая, настоенного на травах, с охлаждением в бассейне и последующим согреванием.

Требования к одежде. Одеваем детей обязательно с учетом температурного режима. Одежда должна быть легкой и удобной в движении. Исключаем синтетическую одежду и обувь. Меховые шубы и шапки одеваем только при низких температурах.

Массаж. До трех лет родители и воспитатели делают детям профилактический массаж. С трех до шести лет дети ежедневно после сна выполняют самомассаж ступней ног на коврике с шипами.

Аэробика. Комплекс упражнений и музыка подбираются воспитателем совместно со специалистом. Ими же определяется дозировка и частота смены комплекса. Аэробика формирует у ребенка умение владеть жестами, мимикой, позой, развивает координацию, умение подчинять своей воле движения, тренирует все группы мышц.

В течение дня в группах проводятся индивидуальные упражнения на спортивных снарядах по желанию детей (кольца, канаты, шесты, лианы, лестницы шведские и наклонные; методика упражнений предложена Б. Никитиным и В. Скрипалевым).

Организуются ежедневные утренние пробежки (от 100 м и больше) с увеличением дозировки (индивидуально и по желанию детей).

Занятия физкультурой воспитатель проводит 2 раза в неделю. Длительность их до 40 минут. Нагрузка определяется желанием и состоянием ребенка. При организации и проведении занятий учитывается пол детей (мальчики: силовые упражнения, поднятие тяжести, элементы борьбы, велоспорт; девочки: элементы художественной и спортивной гимнастики, акробатики и т. д.). На занятиях формируются двигательные навыки дошкольников. В оценке физического развития используются «индексы справедливости», предложенные Б. П. и Л. А. Никитиными.

Занятия физкультурой проводятся на воздухе в виде спортивных игр и развлечений (в соответствии с временем года). Детей знакомят с подвижными и национальными народными играми, которые используют на прогулке.

Раздел III. Интеллектуальное развитие

Вместо обучения специальным знаниям, не используемым детьми в практической жизни, создаются условия, стимулирующие у них любознательность, познавательную активность.

В группе дети свободно пользуются книгами о природе, животных, сказками, энциклопедиями, атласами животных, птиц, рыб, растений. Начиная с первой группы детей раннего возраста в оформлении интерьера применяется следующее: касса букв, цифр, таблица сотен, глобусы, карты, учебные термометры, часы с арабскими цифрами, доски для работы с мелом, мольберты.

Развитие творческих способностей в продуктивных видах деятельности (рисование, лепка, аппликация, конструирование из бумаги, изготовление кукол, игрушек). Использование развивающих игр.

Основные направления работы: вызывать у детей желание находить нужную деятельность и увлеченно ею заниматься, доводить начатое до конца; в процессе деятельности стремиться к творческому самовыражению (самостоятельно по способностям); научить дошкольников пользоваться различными материалами (мелки, карандаши, фломастеры, гуашь, акварель, бумага, ножницы); обращаться в процессе деятельности друг к другу, оказывать помощь.

Раздел IV. Этическое и эстетическое воспитание

В воспитании детей мы учитываем разницу между девочками и мальчиками. **У мальчиков** развиваем выносливость, силу, способность защитить слабого, девочку, оказать ей помощь; учим быть смелым и мужественным. **У девочек** развиваем способность любить, сострадать, сопереживать, умение быть ласковой, грациозной, женственной.

Внешний вид. Опрятность, умение следить за одеждой, обувью, прической. В старшей группе учим устранять неполадки в одежде: пришивать пуговицу, чистить и мыть обувь; за столом уметь пользоваться приборами, быть аккуратным, есть не спеша, пользоваться салфетками, общаться во время еды.

Общение со сверстниками и взрослыми. Поощряем искреннее доверительное отношение к людям. Детей учим видеть и чувствовать внутреннее состояние человека, реагировать на него, общаться на основе взаимопонимания.

Эстетическое воспитание включает музыку, танцы, живопись, театр.

Основные направления работы: вызывать у детей интерес к музыке через эмоциональное восприятие музыкальных произведений (лучших образцов классической, народной и современной музыки); развивать способность вслушиваться в музыку, наслаждаться ею; вызывать желание петь и выражать себя в пении (при желании обучать игре на детских музыкальных инструментах).

Раздел V. Общение

Цель воспитания — формирование навыков самостоятельной деятельности, социальной ответственности, способности чувствовать, понимать другого человека.

По нашему мнению, группа должна состоять из детей разного возраста от двух до шести лет. Стиль взаимоотношений — **сотрудничество и сотворчество.** Каждый ребенок может чувствовать себя уверенным и равноправным членом группы, воспринимать общественные нормы поведения через практическое накопление опыта, самостоятельно мыслить и действовать.

Воспитатель — носитель социальных отношений, в которые предстоит вступить ребенку. Для педагога важно умелое и тактичное введение каждого ребенка в различные виды общений. Ребенку предоставляется право самостоятельно мыслить, искать свои

решения, анализировать действия в группе, высказывать свое мнение, а при невозможности отстоять его — находить компромиссное решение.

Раздел VI. Игра

Игра — самостоятельная деятельность детей. Воспитатель ни в коем случае не управляет, не руководит игрой, не навязывает сюжет. Замысел, развитие сюжета осуществляется только детьми без посторонней помощи. Дети могут свободно и самостоятельно объединяться в группы. Педагог может вступить в игру как играющий партнер.

Во всех группах оборудованы «Уголки уединения»: у каждого ребенка есть реальная возможность побыть наедине с самим собой в любое, нужное ему время.

Главная задача в организации любой деятельности детей (в том числе и игровой) — не вмешиваться в ее естественный ход.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

Никитина Лена Алексеевна

МАМА И ДЕТСКИЙ САД

Зав. редакцией *Л. А. Соколова*
Редактор *Д. А. Михайлова*
Младший редактор *М. И. Ерофеева*
Художник *Т. П. Асеева*
Художественный редактор *Е. А. Михайлова*
Технический редактор *Р. С. Невретдинова*
Корректор *Е. В. Чамаева*

ИБ № 13426

Сдано в набор 21.11.89. Подписано к печати 03.05.90. Формат $70\times90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Журнальная рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6. Усл. кр.-отт. 14,63. Уч.-изд. л. 7,99. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 32. Цена 35 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

35 к.

"... Надо сделать так, чтобы детский сад не подменял родителей, не отторгал их от детей, а соединял их друг с другом, давал возможность для их богатого и тонкого общения и взаимодействия. Как же это сделать? Я долго мучилась над этим вопросом: хотелось, чтобы детский сад помог маме стать матерью: не только высвободил для этого ее время, но – главное! – приобщил ее к духовным пластам материнского труда, вызвал и развил потребность в нем".

Л.А. Никитина